
ФБ
40
Б-86
Бочкарев. З
Очерк истории
17-20 вв

В. Н. Бочкаревъ

приватъ-доцентъ Московскаго университета.

Очеркъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи

(XVII—XX в.в.).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Русскій Книжникъ".
МОСКВА,
Моховая ул., д. № 26.

1918.

Дорогому Ивану Васильевичу Галкину на добрую память от автора.

17/IX 1918

В. Н. Бочкаревъ

приватъ-доцентъ Московскаго университета.

Очеркъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи

(XVII—XX в.в.).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Русскій Книжникъ“.
МОСКВА,
Моховая ул., д. № 26.

1918.

Сергіевъ посадъ, Моск. губ. Типографія И. Иванова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Настоящая книга составилась изъ ряда небольшихъ курсовъ, прочитанныхъ авторомъ въ теченіе апрѣля—іюля мѣсяцевъ 1917 г. въ Нижегородскомъ городскомъ народномъ университетѣ, въ Московскомъ городскомъ народномъ университетѣ имени Шанявскаго, на учительскихъ курсахъ въ Москвѣ и въ фабричной аудиторіи при Никольской мануфактурѣ Саввы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ. На этихъ лекціяхъ естественно лежитъ отпечатокъ той революціонной обстановки, въ условіяхъ которой онѣ читались. На какое-либо новое и оригинальное освѣщеніе событій онѣ не претендуютъ. Авторъ стремился въ нихъ лишь охарактеризовать главнѣйшіе этапы русскаго революціоннаго движенія, выявивъ попутно его основные экономическіе и идеологическіе факторы. Не ему судить, какъ онъ выполнилъ свою задачу. Внимательное отношеніе къ его чтеніямъ со стороны аудиторіи даетъ ему смѣлость думать, что этотъ курсъ представитъ нѣкоторый интересъ и для широкихъ общественныхъ круговъ.

Москва, 2 августа 1917 г.

Лекція I.

Граждане и Гражданки!

Подобно могучей рѣкѣ, сметающей все на своемъ пути въ высокую полую воду, великая мартовская революція 1917 г. молніеноснымъ ударомъ сокрушила старый бюрократическій строй и водрузила знамя свободы надъ многострадальной русской землею. Самодержавіе, пустившее, казалось, глубокіе корни въ сознаніи широкой народной массы, оказалось какимъ то карточнымъ домикомъ, рухнувшимъ при первомъ дуновеніи вѣтра, а русскій народъ, считавшійся чуть ли не самымъ монархическимъ въ свѣтѣ, обнаружилъ почти единодушное стремленіе къ республиканской формѣ правленія. Вполнѣ естественно, что колоссальныя по своему историческому значенію событія конца февраля и начала марта 1917 г. поставили передъ каждымъ вдумчивымъ наблюдателемъ современной русской дѣйствительности чрезвычайно важный и сложный вопросъ: почему такъ быстро, чуть ли не 2—3 дня палъ старый порядокъ въ Россіи, въ чемъ секретъ удачи нашей великой революціи.

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: свобода была добыта не какой-либо частью населенія нашей страны, не какимъ-либо классомъ, а всѣмъ народомъ, дружнымъ натискомъ, сокрушившимъ вѣковую твердыню самодержавія. Наша революція была не дѣломъ буржуазіи или пролетаріата, не крестьянской или дворянской, а всенародной въ буквальномъ смыслѣ этого слова, страстнымъ порывомъ всей націи къ долгожданной свободѣ. Въ національномъ характерѣ русской революціи 1917 г. главный и существенный залогъ ея успѣха.

Самодержавіе дискредитировало себя въ глазахъ рѣшительно всѣхъ, у него не осталось абсолютно никакой поддержки въ странѣ, оно морально кончило самоубійствомъ, обнаруживъ политикой послѣднихъ лѣтъ всѣ темныя стороны безотвѣтственной неограниченной власти. Война сыграла при этомъ громадную роль. Въ то время, какъ страна въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ напрягала всѣ свои силы, надъ ея головой сгущались свинцовыя тучи самой затяжной реакціи. Страна чувствовала, что ей въ спину готовы нанести смертельный ударъ, что въ ней умышленно сѣютъ смуту, создаютъ условія внутренняго безсилія разстройствомъ транспорта и продовольственной разрухой. Министры одинъ хуже другого, въ какомъ-то изступленіи, цѣплялись за власть, обнаруживая каждый разъ все съ большей и большей наглядностью нежеланіе считаться съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Страна же за годы войны особенно съ галиційскаго отступленія весною 1915 г. сумѣла сорганизоваться и выставила лозунги и требованія—укрѣпленія тыла путемъ коренной реорганизаціи государственной власти. На съѣздахъ и совѣщаніяхъ такихъ всероссійскихъ организацій, какъ земскій и городской союзы и военно-промышленные комитеты, образованіе министерства общественнаго довѣрія признавалось единственнымъ средствомъ спасенія страны. Государственная дума въ полномъ согласіи съ общественными организаціями стояла въ составѣ своего прогрессивнаго большинства на той же самой платформѣ. Съ высокой трибуны Таврическаго Дворца, съ момента первыхъ нашихъ неудачъ на театрѣ военныхъ дѣйствій стали раздаваться обличительныя рѣчи, достигшія своего наивысшаго напряженія въ знаменитомъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы 1-го ноября 1916 г. Преступная дѣятельность стараго правительства нашла здѣсь себѣ достодолжную оцѣнку. Бѣлыя полосы на газетныхъ столбцахъ вмѣсто отчета о засѣданіяхъ Государственной Думы краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорили, что

Штюрмеры и Протопоповы, Сухомлиновы и Щегловитовы не хотѣли дать возможность странѣ узнать всѣ страшныя послѣдствія ихъ преступной работы. Но страна давно уже сознала, что царскіе слуги—враги народа, что старая формула „за царя и отечество" потеряла всякое значеніе. Кто хотѣлъ быть за отечество, долженъ былъ итти противъ царя, а кто стоялъ за царя, былъ тѣмъ самымъ измѣнникомъ дѣлу родины.

Нація уже давно нашла свой естественный центръ и такимъ центромъ явилась Государственная Дума, стоявшая въ лицѣ своего прогрессивнаго большинства на стражѣ истинныхъ національныхъ интересовъ. Пусть эта Дума была Думой 3-го іюня, пусть у нея въ прошломъ было не мало ошибокъ, но все же она являлась единственнымъ всенароднымъ представительнымъ органомъ, дѣятельность котораго за годы войны получила единодушное признаніе рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія. Дума нашла достодолжный языкъ, сумѣла подняться на истинно-національную высоту и въ Думѣ страна привыкла видѣть единственный якорь спасенія, какъ отъ внѣшняго разгрома, такъ и отъ внутренняго распада. Ослѣпленное въ своемъ безуміи правительство все туже и туже натягивало струну, пока она съ трескомъ не порвалась въ историческій отнынѣ день 27 февраля 1917 г.

Доведенныя до отчаянія голодомъ и всеобщей разрухой народъ и армія ясно сознали, что если не помогаютъ слова, надо взяться за дѣло. Разъ власть порвала съ народомъ, народъ долженъ низвергнуть эту власть. Недовольство, охватившее и рабочій классъ, и городское населеніе, проникшее въ ряды арміи и прокатившееся широкой волною по всей странѣ, готово было отлиться въ стихійную форму голоднаго бунта со всѣми его печальными послѣдствіями. И вотъ въ этотъ-то моментъ Государственная Дума нашла въ себѣ мужество не разойтись, не выполнить указа Николая II о ея роспускѣ. Этимъ своимъ рѣшеніемъ она сразу стала во главѣ народнаго движенія. Съ этого

момента бунтъ превратился въ революцію, анархическимъ выступленіямъ положенъ былъ конецъ, и Таврическій Дворецъ съ исполнительнымъ комитетомъ Государственной Думы во главѣ сталъ тѣмъ центромъ, вокругъ котораго сплотилась вся страна. Наличность народнаго представительства въ Россіи даже въ той несовершенной формѣ, въ которой оно существовало съ 1906 г., сдѣлала свое дѣло.

Страна сплотилась и объединилась, обрѣла въ себѣ священный энтузіазмъ и сплоченнымъ могучимъ натискомъ нанесла послѣдній ударъ преступной политикѣ самодержавія. Итакъ наша революція—національная по существу; она была не классовой, а антидинастической; она была дѣломъ рукъ всей страны, возглавляемой прогрессивнымъ большинствомъ Государственной Думы. Изголодавшіяся массы начали движеніе, измученная армія его поддержала, а Дума, ставъ во главѣ его, сразу узаконила его и придала ему характеръ всенародной революціи.

Актомъ 3-го марта объ отреченіи Николая II первый этапъ революціи былъ пройденъ до конца. Царизмъ палъ и на его развалинахъ должна была начаться органическая работа по созданію новой Россіи. Образованіе Временнаго Правительства и мѣропріятія по созыву Учредительнаго Собранія должны были явиться первыми шагами по пути новаго свободнаго строительства. Правда, много препятствій встрѣтилось на этомъ пути, много кровавыхъ рубцовъ появилось на прекрасномъ свѣтломъ ликѣ русской революціи, но все же послѣ цѣлаго ряда осложненій, ошибокъ однихъ и разочарованій другихъ, послѣ стремленія крайнихъ лѣвыхъ партій войну внѣшнюю превратить въ войну внутреннюю, зажечь внутри страны братоубійственное пламя гражданской смуты и соціальной анархіи, революція въ концѣ концовъ должна вернуться къ своему исходному пункту и изъ классовой и партійной, какой ее нѣкоторые хотятъ сдѣлать стать снова національной общенародной. Принципъ коалиціонности — единственная

гарантія дальнѣйшихъ успѣховъ нашей революціи. Идея здороваго демократизма должна сплотить вокругъ общенароднаго правительства всѣхъ искреннихъ друзей свободы, выковать въ странѣ единую волю и единый порывъ. Родина въ опасности и спасенье только въ сплоченности и единствѣ внутренняго революціоннаго фронта. Пусть же страна, нашедшая въ себѣ силу для борьбы съ вѣковымъ гнетомъ деспотизма, обрѣтетъ въ себѣ здоровый инстинктъ самосохраненія и сплотится вокругъ своего правительства, во имя созданія дѣйствительно—свободной на дѣлѣ, а не только на словахъ россійской демократической республики. Гражданской войнѣ теперь не мѣсто, надъ головою русской революціи занесенъ кровавый мечъ сильнаго и крѣпкаго внѣшняго врага.

Родина у всѣхъ одна и во имя ея окончательнаго раскрѣпощенія надо стремиться къ національному единству, а не къ партійной разноголосицѣ.

Къ сознанію необходимости коренныхъ государственныхъ мѣропріятій, демократизаціи нашего политическаго строя русская общественная мысль пришла сравнительно недавно. Правда недовольство въ странѣ разлито было широкой волной еще въ XVII и XVIII вв., но въ то время никто не думалъ о политической революціи во имя созданія россійскаго демократическаго государства. Принципъ сословности пронизалъ сверху до низу всю русскую жизнь и движенія революціоннаго характера, имѣвшія мѣсто въ то время, преслѣдовали цѣли не общенародныя, а узко-сословныя или классовыя. Крестьяне и холопы возставали противъ господъ подъ лозунгомъ: „долой крѣпостное право", а дворяне устраивали дворцовыя революціи во имя усиленія своего правительственнаго вліянія и расширенія своихъ сословныхъ правъ и привилегій.

О государствѣ, какъ о цѣломъ, тогда никто не думалъ, ибо общности интересовъ у тогдашняго населенія Россіи не было, да при существованіи крѣпостного

права и быть не могло. Всѣ брели разно, каждый преслѣдовалъ свою сословную цѣль.

Только къ исходу XVIII в. идея внѣсословной государственности стала усваиваться передовой русской интеллигенціей. Подъ вліяніемъ западно-европейской публицистики и событій великой французской революціи идея народовластія стала брать верхъ въ образованныхъ кругахъ русскаго общества надъ принципомъ сословной монархіи. Радищевъ первый привѣтствовалъ вольность и мечталъ о водвореніи ея въ Россіи. XIX вѣкъ уже полонъ борьбы съ самодержавіемъ. Но эта борьба на всемъ своемъ протяженіи не можетъ быть заключена въ однѣ историческія скобки.

Въ развитіи революціоннаго движенія въ Россіи за XIX в. слѣдуетъ выдѣлить три этапа. Первый охватываетъ такъ называемый дореформенный періодъ т. е. царствованія Александра I и Николая I. Идея народовластія въ эти годы облекается плотью и кровью радикальнаго политическаго мышленія, но ея носителями являются небольшіе кружки интеллигентовъ, далекихъ отъ широкой народной массы. Они мечтаютъ о революціи, но ничего не дѣлаютъ, чтобы вовлечь въ эту революцію чисто-демократическіе круги населенія. Много словъ и проектовъ, но мало дѣйствій и пропаганды; все для народа и ничего черезъ народъ,—такъ можно охарактеризовать этотъ періодъ въ развитіи русскаго революціоннаго движенія.

Вторымъ этапомъ можно считать 60-е и 70-е годы XIX в. Опять революціонерами являются исключительно интеллигенты. Однако они уже не чуждаются, какъ прежде, народной массы, стараются распропагандировать ее и вѣрятъ въ то, что русскій народъ проповѣдью соціализма и анархизма можно чуть ли не въ 2—3 года поднять противъ правительства. Движеніе идетъ подъ лозунгомъ народничества. Въ немъ много горячаго энтузіазма и чистой вѣры, но мало знакомства съ реальной дѣйствительностью. Массы, какъ и слѣдовало ожидать, не были подготовлены къ коренному соціальному

и политическому перевороту; экономическихъ условій для революціи на лицо не было и европейскія теоріи оказались висящими въ воздухѣ, а вожди движенія или погибли, или разочаровались въ успѣхѣ своего дѣла. И въ эти годы скорѣе революцію хотѣли произвести интеллигентскими кружками, чѣмъ движеніемъ широкихъ массъ населенія.

Наконецъ третьимъ и послѣднимъ этапомъ въ подготовкѣ русской революціи, являются послѣднія десятилѣтія XIX в. и начало XX ст. Въ эту эпоху подъ вліяніемъ роста капиталистическихъ отношеній въ странѣ, формируются громадные кадры рабочихъ на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ. Города притягиваютъ къ себѣ все болѣе значительныя массы населенія, а деревня испытываетъ глубокій экономическій кризисъ. Недовольство существующимъ строемъ охватываетъ самые разнообразные слои. Бунтарское настроеніе создается въ народныхъ низахъ, а оппозиціонное движеніе пускаетъ глубокіе корни въ рядахъ торгово-промышленной буржуазіи и разоряющагося дворянства. Всѣ чувствуютъ на себѣ гнетъ полицейской власти и во что бы то ни стало стремятся къ кореннымъ политическимъ и соціальнымъ перемѣнамъ. Сѣмена революціонной идеологіи падаютъ теперь на хорошо подготовленную почву, массы все болѣе и болѣе организуются и во имя улучшенія своего экономическаго положенія готовы идти за тѣми, кто зоветъ ихъ на борьбу съ самодержавіемъ. Къ началу XX в. идея демократизаціи нашего государственнаго строя усвоена была не только передовой интеллигенціей, давно уже мечтавшей о водвореніи въ Россіи представительныхъ учрежденій, но и значительной частью рабочаго пролетаріата, сгруппировавшагося на социалъ-демократической платформѣ. Въ крестьянской средѣ мечта о землѣ стала тѣсно сплетаться съ стремленіемъ къ волѣ, причемъ эту волю деревня начала представлять себѣ уже какъ чисто политическую, какъ свободу отъ стражниковъ, урядниковъ, исправниковъ,

губернаторовъ и другихъ представителей полицейскаго государства.

Въ 1905 г., въ разгаръ Японской войны, подъ вліяніемъ нашихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ произошелъ первый всплескъ революціонной войны. Самодержавіе капитулировало передъ дружнымъ натискомъ всѣхъ сторонниковъ политической реформы. Изданъ былъ манифестъ 17 октября. Однако единое первоначально освободительное движеніе подъ вліяніемъ проповѣди чисто-классовой борьбы уже къ концу 1905 г. раздробилось на рядъ отдѣльныхъ теченій и въ результатѣ самодержавіе забило отбой. Правда Дума была все же созвана, но далеко не въ томъ составѣ и не съ той компетенціей, какъ это обѣщано было первоначально. Правительственная реакція какъ будто торжествовала побѣду. Но это была побѣда полицейской диктатуры. Старые пріемы власти не находили уже ни въ комъ поддержки, страна все болѣе и болѣе нуждалась какъ въ экономической, такъ и въ политической свободѣ. Безъ нихъ она долѣе существовать не могла. И это было требованіе не какого-либо класса, а всего рѣшительно населенія. Міровая война обнаружила во всей наготѣ отрицательныя стороны стараго строя. Народъ не могъ дольше ждать и въ здоровомъ инстинктѣ государственнаго самосохраненія рѣшилъ однимъ ударомъ и разъ навсегда покончить съ ненавистнымъ самодержавіемъ. Итакъ, первые проблески революціоннаго движенія замѣтны еще въ русскомъ народѣ три вѣка тому назадъ. Но лишь тогда, когда вождями народной массы стала передовая внѣклассовая разночинная интеллигенція, опиравшаяся на организаціонные слои населенія, революціи суждено было увѣнчаться успѣхомъ. Принципъ народоправства изъ сферы теоретическихъ предположеній сталъ превращаться въ реальный жизненный фактъ. Пусть же русская революція поставитъ себѣ ближайшей цѣлью утвержденіе прочнаго правопорядка, пусть идея государственности восторжествуетъ надъ принципомъ классовости и пусть единая въ своемъ ре-

волюціонномъ порывѣ русская нація будетъ сплоченной и единой въ своей творческой созидательной работѣ. Всѣмъ найдется мѣсто въ этой сложной и отвѣтственной работѣ по перестройкѣ государственнаго и общественнаго уклада русской жизни—и мозолистымъ рукамъ и мозолистымъ мозгамъ. Только прочный союзъ трудящихся и передовой интеллигенціи явится залогомъ грядущихъ успѣховъ революціоннаго правотворчества. Во главѣ со своимъ временнымъ правительствомъ россійская демократія доведетъ до конца начатое дѣло и докажетъ всему міру, что русскій народъ можетъ не только возставать, но и создавать новое на развалинахъ стараго. Инстинктъ государственности спасетъ страну и отъ внѣшняго врага и отъ внутренней анархіи.

Мы всѣ, господа, представляемъ изъ себя теперь экипажъ гигантскаго корабля русской свободы. Онъ плыветъ на всѣхъ парусахъ по бушующему морю революціи. Много скалъ и подводныхъ камней у него на пути. Желанный берегъ уже недалеко. Но судьба корабля въ надежныхъ и вѣрныхъ рукахъ. Его капитаномъ никто иной, какъ наше временное правительство. Пусть же въ борьбѣ съ бушующей водной стихіей экипажъ не теряетъ вѣры въ разумъ и опытность своего капитана! Пусть его слово будетъ закономъ и его власть будетъ единственной властью на всемъ кораблѣ. Позвольте же мнѣ, господа, кончить эту лекцію слѣдующимъ горячимъ призывомъ къ вамъ, а черезъ вашу голову и ко всему русскому народу:

„Экипажъ, по мѣстамъ, слушай команду капитана“!

Лекція II.

Къ концу XVI в. крестьянское населеніе московскаго государства почти все оказалось въ тяжелой экономической зависимости отъ владѣльцевъ, на землѣ которыхъ оно сидѣло. Я не буду входить здѣсь въ оцѣнку тѣхъ явленій, которыя подготовили эту матерьяльную основу для юридической зависимости крестьянъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ, но скажу только, что кабальныя отношенія пустили глубокій корень въ русской деревнѣ начала XVII в. и Соборное Уложеніе 1649 г., установившее впервые по закону крѣпостное право на крестьянъ, лишь подводило итогъ тому процессу, который начался въ русской жизни задолго до его изданія.

Въ экономической зависимости и юридической приниженности сельскаго населенія и надо видѣть исходную точку тѣхъ крестьянскихъ волненій, которыя впервые дали себя знать въ эпоху московской разрухи 1606—1608 г.г.

Это былъ моментъ, когда смута изъ династической или дворцовой превращалась въ соціальную или всенародную. У кормила власти очутилось въ это время титулованное боярство со своимъ знатнымъ вождемъ, царемъ Василіемъ Шуйскимъ во главѣ. Крестьянская и холопья масса, измученная кошмарными послѣдствіями только что обрушившагося на русскую землю трехлѣтняго голода, почувствовала, что отъ такого чисто классоваго правительства облегченія своей участи ему ждать нечего. И вотъ все то, что бѣжало далеко на югъ, въ степную украину за эти голодные годы, рѣшило двинуться на Москву съ цѣлью захвата власти

и коренного соціальнаго переворота. Ненависть къ привилегированнымъ землевладѣльцамъ, ко всѣмъ богатымъ и властнымъ людямъ являлась главнымъ рычагомъ въ этомъ движеніи общественнаго низа противъ общественнаго верха. Вождемъ этого возстанія былъ бѣглый холопъ Иванъ Болотниковъ, самъ вышедшій изъ глубинъ русской жизни, поднявшійся со дна крѣпостного болота. Его воодушевляла мысль о коренномъ переворотѣ, о низверженіи всѣхъ тѣхъ, кто юридически и экономически угнеталъ народную массу. Онъ всюду на своемъ пути разбрасывалъ прокламаціи или „прелестные листы", содержаніе которыхъ намъ извѣстно изъ окружной грамоты патріарха Гермогена. „Мятежники—пишетъ патріархъ—велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество". Слѣдовательно возстаніе Болотникова преслѣдовало не политическія, а чисто-соціальныя цѣли, было не революціей во имя созданія новаго государственнаго строя, а переворотомъ, стремившимся влить въ прежнюю политическую форму новое соціальное содержаніе. И бояре, и воеводы, и окольничьи и дьяки должны были по прежнему оставаться въ этомъ будущемъ холопьемъ царствѣ; разница была лишь въ томъ, что вчерашніе холопы должны были стать власть имущими людьми, а представители правящихъ круговъ—превратиться въ крѣпостныхъ крестьянъ и кабальныхъ холоповъ.

Анархическая сторона въ этомъ движеніи брала верхъ надъ творческой, и Болотниковъ со своими сторонниками не столько создавалъ новое, сколько разрушалъ старое. Чисто-классовые интересы брали верхъ здѣсь надъ задачами общегосударственными и вполнѣ понятно, что все движеніе въ концѣ концовъ постигла неудача.

Вторымъ моментомъ въ исторіи крестьянскихъ вол-

ній XVII в. была знаменитая Разиновщина. Въ ней первенствующую роль играло казачество, которое по существу было элементомъ не государственнымъ, а противогосударственнымъ. Въ казаки уходили всѣ, кому тяжело было жить въ условіяхъ московской государственности, кто хотѣлъ избыть барскаго оброка и государева тягла. Донъ принималъ всѣхъ, даже преступниковъ, и никого не выдавалъ. Обычай не выдавать бѣглыхъ былъ первымъ устоемъ свободы въ этой своеобразной казачей республикѣ. Въ Разиновщинѣ довольно много сходныхъ чертъ съ уже отмѣченнымъ мною движеніемъ Болотникова. Ея начало, относящееся къ 1668 г., можно считать простымъ казацкимъ набѣгомъ на Волгу и на Каспійское море. Но избытокъ „голытьбы" на Дону далъ возможность ея вождю предпринять въ 1670 г. уже не съ небольшой ватагой, а съ цѣлымъ казачьимъ войскомъ борьбу противъ государства. Съ государствомъ, въ какой бы формѣ оно не существовало, казацкая голытьба вообще не могла примириться: его устои находились въ полномъ противорѣчіи съ обычаями и правовымъ сознаніемъ казаковъ, главнымъ образомъ, съ ихъ обыкновеніемъ болѣе чѣмъ безпечно относиться къ чьей бы то ни было собственности. Но государство весьма осязательно давало себя чувствовать всему простому народу, изъ рядовъ котораго преимущественно и пополнялось казачество. По этой причинѣ казачье движеніе, возникшее на почвѣ простого грабежа, совпало съ интересами городскихъ и сельскихъ низовъ и превратилось въ возстаніе простого люда противъ боярско-приказной администраціи.

Въ чемъ же былъ успѣхъ движенія? Чѣмъ силенъ былъ его вождь, удалой атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ? Секретъ вліянія Разина заключался въ томъ, что онъ объявилъ народу освобожденіе, волю. Царемъ, по его словамъ, онъ быть не хотѣлъ, а стремился лишь къ добру и пользѣ для всего народа. Конечно, и добро и пользу онъ понималъ по своему, по казацки. Пріобрѣтеніе имущества высшихъ классовъ и раздѣленіе

этого имущества поровну между собой было ближайшимъ стремленіемъ Разина и его казаковъ, а за ними и всѣхъ неимущихъ, обездоленныхъ людей. Свою добычу казаки „дуванили“, т.-е. дѣлили поровну, и иного идеала распредѣленія имѣющихся въ обществѣ цѣнностей они не могли предложить и простому народу.

Коренной интересъ низовъ населенія сводился прежде всего къ освобожденію, а потомъ къ пріобрѣтенію, къ тому, чтобы стать не только вольными, но и богатыми, какъ самъ Разинъ и его сообщники. Вождь вольницы это и обѣщалъ народу. Въ своихъ обращеніяхъ къ городскимъ и сельскимъ массамъ Разинъ неустанно твердилъ: „идетъ, де, онъ установить на Руси казачество и учинить такъ, чтобы всякъ всякому былъ равенъ.“ Соціальная окраска всего движенія ярко выступаетъ изъ тѣхъ прелестныхъ писемъ, которыя повсюду распространялись сторонниками донского атамана. Въ одномъ изъ нихъ, напримѣръ, обѣщали народу „вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ“, а въ другомъ уничтожить всѣхъ „мирскихъ кровопивцевъ“ т.-е. представителей правящаго и состоятельнаго классовъ.

Итакъ, подобно тому, какъ въ болотниковскомъ возстаніи, въ Разиновщинѣ отрицательная сторона—истребить бояръ и отмстить сильнымъ и имущимъ людямъ за всѣ политическія и соціальныя несправедливости, брала верхъ надъ положительной—образовать вмѣсто московскаго государства, гигантское казацкое общество—царство. Самое это казачье царство съ его кругомъ и выборнымъ атаманомъ, своеобразной вѣчевой сходкой военной безшабашной голи не могло быть, конечно, подходящей формой правленія для московской Руси XVII в. Слишкомъ сложенъ былъ укладъ тогдашней политической и соціальной жизни, чтобы его можно было покрыть своеобразно—республиканскимъ идеаломъ голутвеннаго казачества. Къ тому же самая основная цѣль движенія—провозглашеніе строго-уравнительнаго принципа, стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ буржуазными инстинктами всѣхъ, мало-мальски экономически

правоспособныхъ элементовъ въ московскомъ государствѣ. Такимъ образомъ и въ Разиновщинѣ мы не видимъ сколько нибудь ясно выраженнаго стремленія демократизировать русскій государственный строй. Самъ Разинъ нерѣдко даже говорилъ, что онъ противъ царя не идетъ, и только подъ пьяную руку онъ хвастался тѣмъ, что сумѣетъ добраться до того, кто „на Москвѣ выше бояръ сидитъ.“ Классовый характеръ движенія сказался вполнѣ опредѣленно и въ Разиновщинѣ, что безспорно явилось слабою ея стороною.

Минуя стрѣлецкіе бунты эпохи правленія Софьи и первыхъ лѣтъ самостоятельнаго царствованія Петра, такъ какъ въ нихъ революціоннаго ничего рѣшительно не было, я переношу ваше вниманіе прямо въ XVIII в., въ бурную эпоху преобразованій Петра Великаго. Народное недовольство разлилось въ это время широкой волной чуть ли не по всему государству. Финансовыя тягости съ одной стороны, рекрутскіе наборы съ другой, и иноземныя новшества съ третьей—сѣяли ропотъ и оппозицію и въ сельскихъ и въ городскихъ кругахъ. Если одни изъ недовольныхъ уходили въ далекіе лѣса Поморья и Пріуралья и тамъ скрывались по раскольничьимъ скитамъ, то другіе, болѣе предпріимчивые и удалые направлялись привычной дорогою въ степь на тихій синій Донъ, въ казачія станицы, откуда, по старинному обычаю, выдачи бѣглыхъ не было. Однако именно вопросъ о выдачѣ бѣглыхъ и сталъ причиной крупнаго движенія среди донскихъ казаковъ, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Булавинскаго бунта.

Подобно Разиновщинѣ казачье движеніе, возглавляемое Бахмутскимъ атаманомъ Кондратіемъ Булавинымъ, можетъ быть названо революціоннымъ лишь съ довольно значительными оговорками. Поводомъ къ нему, какъ я уже сказалъ, явилось требованіе Петра о возвращеніи съ Дона всѣхъ такъ называемыхъ новопришлыхъ людей. Среди нихъ были и крестьяне, и рабочіе съ казенныхъ предпріятій, и дезертиры изъ арміи. Въ казачьихъ станицахъ начали волноваться, какъ только

въ 1707 г. на Дону появился полковникъ кн. Юрій Долгоруковъ съ отрядомъ войска для отысканія всѣхъ бѣглецовъ и водворенія ихъ на прежнія мѣста жительства. Этимъ государство посягало на исконныя казачьи права и, отстаивая свою свободу, донскія станицы возстали, выбравъ себѣ новаго атамана въ лицѣ Булавина. Я не буду вдаваться въ подробности этого движенія, направленнаго не столько противъ государства и его самодержавно-бюрократическаго строя, сколько противъ тѣхъ требованій государственной власти, которыя непосредственно задѣвали интересы казачьей массы. Цѣли и задачи этого движенія лучше всего вскроются передъ нами изъ подлинныхъ документовъ той эпохи, небольшіе отрывки которыхъ я сейчасъ вамъ процитирую. Вотъ напр. какую программу своихъ дѣйствій развивалъ Булавинъ въ кругу приставшихъ къ нему казаковъ: „Пойдемъ мы по казачьимъ городкамъ и будемъ казаковъ къ себѣ приворачивать, а которые съ нами не пойдутъ, такихъ мы будемъ жечь, а животы ихъ грабить; конями, ружьемъ и платьемъ наполнимся, а потомъ пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, которые намъ будутъ вѣрные товарищи, и на весну, собравшись, пойдемъ на Воронежъ и до Москвы". Когда вокругъ Булавина собралось нѣсколько сотъ „гультяевъ", онъ сталъ разсылать во всѣ стороны такія призывныя грамоты: „Атаманы молодцы, дорожны охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ,— кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины Самарскія!" Вы, надѣюсь, со мной согласитесь, что ни въ словахъ Булавина, ни въ его грамотахъ никакихъ демократическихъ лозунговъ не выдвигалось. Это былъ призывъ къ простому мятежу, это было движеніе чисто анархическаго характера, „воровское," выражаясь языкомъ того времени. Уже знакомыя намъ по разинов-

скому движенію призывы къ соціальной борьбѣ, къ истребленію всѣхъ власть имущихъ и богатыхъ людей красной нитью выступаютъ на первый планъ и въ Булавинскомъ возстаніи. Идя на Воронежъ, булавинцы напр. кричали: „Тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, судей, дьяковъ и иноземцевъ побьемъ.“ По словамъ одного офиціальнаго документа воры говорили: „дѣло имъ до бояръ, да до прибыльщиковъ, да до подъячихъ, чтобы всѣхъ ихъ перевесть.“ Наряду съ этими антибюрократическими тенденціями, булавинское возстаніе на своемъ знамени начертало лозунги чисто-націоналистическаго характера. Въ грамотахъ, разосланныхъ Булавинымъ въ началѣ 1708 г. по украйнѣ, эта націоналистическая нота звучитъ весьма опредѣленно: „А которымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и нѣмцомъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не смущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными“. Почти то же заявлялъ Булавинъ нѣсколько позднѣе, при своемъ первомъ столкновеніи съ правительственными войсками. „Намъ до васъ дѣла нѣтъ, ни до бояръ, ни до солдатъ, ни до драгунъ; мы стоимъ за вѣру христіанскую, что почали еллинскую вѣру вѣровать; намъ только дѣло до нѣмецъ и до прибыльщиковъ, и до неправыхъ судей“. Итакъ, въ булавинскомъ возстаніи національно-религіозные мотивы сливались въ причудливую амальгаму съ задачами и цѣлями соціально-экономическими. Борьба велась не съ самодержавіемъ какъ таковымъ, а казаки просто „заколыхали всѣмъ государствомъ“, желая, какъ и прежде въ XVII в., возможно больше пограбить и поживиться за счетъ богатыхъ общественныхъ группъ. Вполнѣ естественно, что такое чисто анархическое движеніе, предпринятое къ тому же въ тотъ моментъ, когда борьба со шведами достигала наивысшаго своего напряженія, встрѣтило себѣ сильный отпоръ не только среди имущихъ слоевъ населенія, привыкшихъ жить подъ защитой государства,

но и въ кругу такъ называемаго домовитаго казачества, которое издавна привыкло быть въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ съ правящими сферами московскаго царства. Уже лѣтомъ 1708 г. Булавинъ, почти всѣми покинутый, окруженный правительственными войсками и перешедшими на сторону царя казаками, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Движеніе было ликвидировано, не найдя себѣ отклика въ широкой народной массѣ.

Эпоха Петра—это время народныхъ волненій. Булавинскій бунтъ, съ которымъ я только что васъ ознакомилъ, былъ наиболѣе яркимъ проявленіемъ массовой оппозиціи, но и въ другихъ мѣстахъ недовольство отливалось иногда въ весьма опредѣленную анти-правительственную форму. Такъ напр. въ 1705 году вспыхнуло возстаніе въ Астрахани. Не вдаваясь въ подробности, я отмѣчу лишь основную линію его развитія. Агитація велась среди астраханскаго населенія нѣсколькими сосланными туда стрѣльцами. Она находила себѣ самую благопріятную почву, ибо „худо въ Астрахани дѣлается отъ воеводы и начальныхъ людей", ибо „збирали новые налоги и въ народѣ начали отъ того стонать", какъ показываетъ на пыткѣ въ Преображенскомъ приказѣ пушкарь Семисаженный. Конечно, были мотивы чисто временные—протестъ противъ петровскихъ нововведеній, боязнь за чистоту своей вѣры и нравовъ, ненависть къ нѣмцамъ и къ „перемѣнному царю". Однако и явленія того самаго порядка, съ которымъ мы уже ознакомились въ болѣе раннихъ движеніяхъ, сказываются и въ этомъ возстаніи весьма сильно. Бунтовщики устанавливаютъ у себя казацкое выборное старшинство, пересылаются съ терскими и донскими казаками и хотятъ поднять все поволжье. Дальше казачьяго идеала съ войсковымъ кругомъ и выборнымъ атаманомъ и здѣсь, повидимому, дѣло не шло. Бунтъ принималъ, слѣдовательно, не только анти-правительственный, но и противогосударственный характеръ.

Средина XVIII вѣка, особенно эпоха императрицы Елизаветы, заполнена цѣлымъ рядомъ волненій, глав-

нымъ образомъ, въ Пріуральѣ въ заводскихъ округахъ и селеніяхъ, но въ нихъ чего-либо революціоннаго не было. Всѣ они были ярко окрашены въ одинъ цвѣтъ— борьбы прикрѣпленныхъ и приписанныхъ къ горнымъ работамъ крестьянъ съ заводовладѣльцами, хищнически эксплуатировавшими ихъ подневольный трудъ. Но этими волненіями подготовлялась почва для того грандіознаго возстанія, которое въ 1773—74 г.г. краснымъ заревомъ взвилось надъ Поволжьемъ и Пріуральемъ. Я имѣю въ виду пугачевщину.

Чисто казацкое движеніе въ началѣ, оно перекидывается затѣмъ на инородцевъ и заводскихъ крестьянъ, а въ послѣдней своей стадіи вбираетъ въ себя все поволжское крестьянство. Оно охватываетъ пріуральскій и поволжскій районы, ту юго-восточную окраину, въ которой накопилось много и соціальнаго, и національнаго, и религіознаго и, наконецъ, политическаго недовольства. Пугачевъ признавался, что онъ поднялъ возстаніе, примѣтивъ, что „народъ вездѣ разоренъ", и что всѣ терпятъ много обидъ и налоговъ. Основнымъ лейтъ-мотивомъ пугачевщины, все же, былъ протестъ чисто соціальный. Современники уловили это какъ нельзя лучше. Бибиковъ напр. въ рѣчи, обращенной къ казанскимъ дворянамъ, прямо сказалъ: „это бунтъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, холоповъ противъ господъ", а по словамъ тульскаго помѣщика Болотова: „дворяне удостовѣрены были, что вся подлость и чернь, а особливо все хамство и наши слуги, когда не въ явь, такъ въ тайнѣ сердцами своими были злодѣю сему преданы и въ сердцахъ своихъ бунтовали и готовы были при малѣйшей возгорѣвшей искрѣ произвести огонь и полымя". Анти-дворянскій характеръ пугачевщины придавалъ ей рѣзко выраженную противоправительственную окраску, такъ какъ, въ эпоху Екатерины II дворянство, по существу, стало правящимъ классомъ и правительство, въ буквальномъ смыслѣ слова, было ставленникомъ помѣщиковъ. Принимая имя Петра III, Пугачевъ дѣлалъ движеніе особенно грознымъ для правящихъ

дворянскихъ круговъ съ Екатериною II во главѣ. Этимъ клалась рѣзкая грань между царемъ и народомъ съ одной стороны, дворянствомъ и его царицей съ другой.

Чѣмъ же силенъ былъ Пугачевъ, этотъ царь, радѣющій за народные интересы? Тѣмъ же самымъ, чѣмъ манилъ къ себѣ широкую массу Разинъ въ XVII вѣкѣ и о чемъ писалъ въ своихъ прокламаціяхъ въ эпоху Петра Кондратій Булавинъ. Онъ плылъ по руслу народныхъ чаяній и ожиданій, онъ давалъ всѣмъ то, мечту о чемъ каждый лелѣялъ въ глубинѣ сердца. Выражаясь современнымъ языкомъ, Пугачевъ укрѣплялъ подъ собою почву въ народныхъ низахъ своимъ большевизмомъ, тѣмъ, что не зналъ границъ въ своихъ посулахъ и лозунгахъ. Казаковъ напр. онъ жалуетъ „рякою съ вершинъ и до усья и землею, и травами и денежнымъ жалованьемъ и свинцомъ и порахомъ и хлебнымъ провіянътамъ,“ крестьянамъ даетъ сверхъ „вольности“ и „земли и великія угодья безъ покупки (выкупа) и оброка“. „Податей не платите, на помѣщиковъ не работайте“, говорятъ пугачевскіе эмиссары.

Еще болѣе обширный перечень различныхъ льготъ и выгодъ даетъ одинъ изъ манифестовъ Пугачева, выпущенный въ разгаръ возстанія. „Жалуемъ всѣмъ находящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ вольностью и свободою, вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными и сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку, и освобождаемъ отъ всѣхъ прежде чинимыхъ—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеній“. Объявляя „вѣчную вольность“, Пугачевъ въ своихъ воззваніяхъ, обращенныхъ къ сторонникамъ старой вѣры, которыхъ было такъ много въ районѣ его возстанія, сулилъ полную свободу совѣсти. Онъ при этомъ явно „одобряетъ“ старообрядчество. Онъ жаловалъ всѣхъ „крестомъ и бородою“. Въ его новомъ царствѣ будетъ приказано

„держать старую вѣру“, будетъ даже запрещено брить бороду и носить нѣмецкое платье“. Даже взятыхъ въ плѣнъ онъ заставлялъ присягать, поднявъ не три, а два пальца. Итакъ, разсыпая полной пригоршней „вольности“ и „свободы“ во всѣхъ рѣшительно сферахъ жизни, Пугачевъ разрушалъ весь тотъ строй, который въ глазахъ простого народа или „черни“ проникнутъ былъ дворянской неправдой. Перспективы, которыя при этомъ открывалъ Пугачевъ передъ своими сторонниками, рисовали въ будущемъ яркую картину соціальнаго мира. Такъ, одинъ изъ его манифестовъ говорилъ, что „по истребленіи противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ возчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до вѣка и продолжаться будутъ“. Итакъ, призывъ „умерщвлять смертію всякаго званія начальниковъ“ мотивируется водвореніемъ тишины и спокойной жизни.

Вы, надѣюсь, согласитесь съ тѣмъ, что пугачевщина прежде всего импонировала народной громадѣ своимъ могучимъ разрушительнымъ размахомъ; она все уничтожала на своемъ пути, а въ основу грядущаго строя краеугольнымъ камнемъ клала магическое слово „вольность“. Однако, кромѣ этого понятія никакихъ другихъ положительныхъ перспективъ для своего будущаго государства Пугачевъ не указывалъ. Его движеніе, по существу, было противогосударственнымъ и въ этомъ его слабая сторона. Выше казачьяго круга народная творческая мысль подняться не могла, лучше свободной казачьей жизни она ничего представить себѣ не была въ силахъ. Пугачевъ игнорировалъ всю тогдашнюю городскую Россію, весь тотъ хозяйственный укладъ, который къ концу XVIII в. пустилъ уже довольно глубокіе корни въ Россіи. Это должно было вооружить противъ повстанцевъ не только знатныхъ, но и богатыхъ, не только дворянъ, но и купцовъ съ городскими ремесленниками. Сословность и классовость лежали въ основѣ Пугачевскаго движенія, настоящаго демократизма въ немъ абсолютно не было. Другой его слабой стороной была дезорганизованность и стихій-

ность. На ряду съ главнымъ Пугачемъ чуть ли не въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ селѣ былъ свой Пугачъ, свой императоръ Петръ III. Это казацко-крестьянское движеніе, какъ ни грозны были его размѣры, неизбѣжно должно было потерпѣть неудачу. Дѣло въ томъ, что такое стихійное движеніе не въ силахъ было побороть государство. Съ регулярными, дисциплинированными войсками боролись нестройныя толпы, вооруженныя по преимуществу дубинами, кольями, косами и вилами. Отдѣльныя группы разрозненно выступали подъ предводительствомъ своихъ атамановъ и этимъ наносили сокрушительный ударъ народной оппозиціи. Итакъ, всѣ массовыя выступленія какъ XVII, такъ и XVIII вв., были въ сущности или казачьими, или крестьянскими, и лозунгомъ ихъ были слова: „бояръ всѣхъ истребить". Все это были соціальныя возстанія, а не политическія революціи.

Но и тѣ правящіе классы, смыть съ корнемъ господство которыхъ пытались волны народнаго гнѣва, пропитаны были въ своемъ міровоззрѣніи той же классовостью и сословностью.

Дворцовые перевороты средины XVIII в., которые въ сущности были ничѣмъ инымъ, какъ дворянскими революціями преслѣдовали не обще-государственныя, а чисто-сословныя цѣли. Вопреки желанію обломковъ старой знати и новаго генералитета, рядовая, шляхетеская масса въ 1730 г. провозглашаетъ курляндскую герцогиню Анну самодержавной императрицей и грозитъ „разбить голову боярамъ", если государыня „не учинится въ суверенствѣ". Но отвергая „кондиціи" или ограничительные пункты, дворяне требуютъ отъ новой императрицы уничтоженія всѣхъ законовъ, стѣснявшихъ дворянское землевладѣніе, учрежденіе шляхетскаго корпуса, окончаніе курса въ которомъ давало бы прямо офицерскій чинъ и, наконецъ, сокращеніе срока обязательной службы, доведя его до 25 лѣтъ. Дальнѣйшими выступленіями, все съ оружіемъ въ рукахъ, гвардейскіе полки, всѣ поголовно состоящіе изъ

дворянъ, добиваются въ 1762 г., въ царствованіе Петра III, манифеста о „свободѣ и вольности россійскаго дворянства“, а при Екатеринѣ II въ 1785 г.—жалованной грамоты „на права и выгоды дворянскаго сословія“. О политическихъ гарантіяхъ дворяне не помышляли. Они хотѣли лишь революціоннымъ путемъ урвать себѣ львиную долю тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя имѣла въ своихъ рукахъ государственная власть. Они хотѣли имѣть всѣ права и не нести никакихъ обязанностей, все брать отъ государства и ничего ему взамѣнъ не давать. Не къ политическому переустройству государства на конституціонныхъ началахъ, а къ сословному самоуправленію и къ выборной администраціи на мѣстахъ стремились дворяне въ исходѣ XVIII в., никакой общегосударственной идеологіи, никакой мысли объ общемъ благѣ, одинъ лишь сословный эгоизмъ, однѣ лишь классовыя привилегіи! Если Разиновщина и Пугачевщина не сумѣли превратить Россійское государство въ казачье или крестьянское царство, то гвардейскія революціи XVIII в. сдѣлали Россію эпохи Екатерины II чисто дворянской имперіей. Только сближеніе съ Западной Европой, только знакомство съ пытливой работой мысли англійскихъ и французскихъ публицистовъ XVII и XVIII в.в. могли посѣять на русской почвѣ сѣмена конституціонализма и демократизма. Только такимъ общечеловѣческимъ путемъ народное недовольство могло превратиться въ общенаціональную оппозицію, а отдѣльныя сословныя возстанія слиться въ могучій потокъ всероссійскаго революціоннаго движенія.

Лекція III.

XVIII столѣтію принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества. Его по всей справедливости называютъ эпохой просвѣщенія, послѣднимъ вѣкомъ стараго порядка въ Западной Европѣ. И дѣйствительно, въ этотъ періодъ громко и во всеуслышаніе провозглашены были тѣ истины, которыя стали затѣмъ краеугольнымъ камнемъ національной и общечеловѣческой свободы. Цѣлой плеядой выдающихся представителей ума и таланта формулированы были тѣ основныя положенія, изъ которыхъ сложились и теорія конституціонализма и доктрина республиканизма. Франціи въ этомъ отношеніи принадлежитъ первая роль, такъ какъ ея философы и публицисты внесли самый большой вкладъ въ ученіе о народномъ верховенствѣ и о правильно организованномъ государствѣ. Начиная съ Вольтера и кончая Мабли, черезъ все XVIII-ое столѣтіе идетъ кипучая и неустанная борьба съ пережитками и проявленіями феодально-абсолютнаго государства. Но французы были не столько піонерами въ дѣлѣ установленія основныхъ началъ новаго демократическаго строя, сколько популяризаторами тѣхъ конституціонныхъ и республиканскихъ теорій, которыя впервые формулированы были англичанами во второй половинѣ XVII в. Поэтому, чтобы уяснить основное содержаніе тѣхъ политическихъ доктринъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось къ концу XVIII в. ученіе о демократическомъ государствѣ, необходимо, прежде всего, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, ознакомиться съ эволюціей англійской политической мысли во второй половинѣ XVII в.

Благодаря своему островному положенію, Англія раньше другихъ европейскихъ государствъ перешла къ тѣмъ формамъ хозяйственнаго быта, которыя пробудили въ ея населеніи значительно большія, чѣмъ на континентѣ, самодѣятельность и предпріимчивость. Ея города стали играть крупную торгово-промышленную роль, а землевладѣльческое дворянство все болѣе втягивалось въ тѣсное хозяйственное общеніе съ городскимъ населеніемъ страны. На этой почвѣ единства экономическихъ интересовъ почти всей англійской націи и создается то сплоченное общественное мнѣніе, которое нашло себѣ довольно полное выявленіе въ парламентѣ, какъ органѣ народнаго представительства. Первая половина XVII в. была въ исторіи Англіи эпохой попытокъ королей изъ династіи Стюартовъ ограничить права парламента и увеличить за счетъ этихъ правъ прерогативы монарха. Однако, на сторонѣ парламента оказалось громадное большинство націи со столицей Лондономъ во главѣ, и король Карлъ I, въ концѣ концовъ, долженъ былъ капитулировать передъ народомъ. Въ разгаръ революціи средины XVII в., приведшей къ временному упраздненію монархіи и къ созданію республиканской формы правленія, англійское общественное мнѣніе впервые отчетливо и ясно формулировало свои взгляды на лучшую, въ интересахъ большинства, организацію государства.

Сторонникомъ умѣренно республиканскихъ взглядовъ былъ Джонъ Мильтонъ. Вся его продолжительная публицистическая дѣятельность была посвящена защитѣ всѣхъ видовъ гражданской и политической свободы. Въ 1649 г. послѣ казни Карла I онъ выпускаетъ нѣсколько трактатовъ въ защиту революціи, въ которыхъ отстаиваетъ доктрину общественнаго договора и ученіе о тирано-убійствѣ. Мильтонъ былъ убѣжденнымъ республиканцемъ, но не радикально демократическаго направленія. Онъ высказывался противъ всеобщаго избирательнаго права и выражалъ предпочтеніе аристократіи ума и таланта. Онъ былъ сторонникомъ

буржуазной демократіи или средняго класса, среди котораго находятся, по его мнѣнію, наиболѣе мудрые и наиболѣе образованные люди.

На лѣвомъ флангѣ англійской революціи стоялъ Джонъ Лильборнъ. Онъ былъ идейнымъ вождемъ левеллеровъ или уравнителей, стремившихся къ полной свободѣ и равенству и провозглашавшихъ принципъ всеобщаго избирательнаго права. Лильборнъ настаивалъ на безграничномъ суверенитетѣ народа. Утверждать, что парламентъ значитъ больше, чѣмъ совокупность гражданъ—это, по его словамъ, все равно, что сказать, будто посолъ имѣетъ больше власти, чѣмъ монархъ, пославшій его. Народъ никогда не можетъ дать парламенту неограниченной надъ собою власти. Въ этихъ словахъ передъ нами уже какъ бы самъ Руссо съ его блестящей теоріей народнаго суверенитета.

Однако, послѣ реставраціи Стюартовъ въ 1661 г. и второй англійской революціи 1688 г., высказаны были сомнѣнія въ цѣлесообразности республиканскаго строя и формулированы были основныя положенія теоріи конституціоннаго парламентаризма. Наиболѣе яркимъ ея выразителемъ былъ безспорно Джонъ Локкъ. Естественное состояніе людей до момента образованія государства онъ мыслитъ какъ всеобщую свободу, ограниченную лишь всеобщей равноправностью. Для обезпеченія себѣ тѣхъ благъ, которыми люди пользовались въ этомъ первоначальномъ состояніи и которыя стали нарушаться кровавыми схватками и братоубійственными распрями, по взаимному соглашенію и въ силу общаго договора, они рѣшили образовать государство. Слѣдовательно, цѣлью всякаго правового государства является охрана естественныхъ правъ человѣка, къ которымъ принадлежитъ жизнь, свобода и собственность гражданъ. Признавая лучшей формой правленія конституціонную монархію, Локкъ считаетъ, что и при этой формѣ правленія первоначальный суверенитетъ остается за народомъ, но его осуществленіе самимъ же народомъ предоставляется законодательной власти.

Законодательная власть въ лицѣ парламента не должна дѣйствовать постоянно, потому что, въ противномъ случаѣ, у носителей ея можетъ возникнуть искушеніе захватить въ свои руки также власть исполнительную и этимъ избавить себя отъ отвѣтственности передъ закономъ. Исполнительная власть, проводящая въ жизнь законы, должна быть постоянной и находиться въ рукахъ короля. Она заботится также о международныхъ или внѣшнихъ интересахъ государства. Исполнительная власть хотя и подчинена законодательной, но, въ тоже время, и сама участвуетъ въ законодательствѣ. Послѣдовательностью своей теоріи умѣреннаго конституціонализма Локкъ оказалъ громадное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе политической мысли въ Западной Европѣ. Принципъ раздѣленія властей впервые, какъ вы видите, былъ провозглашенъ имъ задолго до выхода въ свѣтъ знаменитой книги Монтескье „О духѣ законовъ". Наряду съ этимъ, имъ впервые возведены были въ систему идеи народнаго верховенства и неотчуждаемости естественныхъ правъ человѣка. Итакъ на рубежѣ XVIII в., подъ перомъ Джона Локка, теорія конституціоннаго государства отлилась въ законченную форму. Въ его лицѣ англійская политическая мысль сказала свое вѣское, прекрасно обоснованное слово.

Однако, принципы демократическаго государственнаго строя, выросшіе на почвѣ Англіи въ разгаръ ея борьбы за свою свободу и независимость, стали достояніемъ культурнаго человѣчества лишь тогда, когда къ нимъ прикоснулась колоритная и изящная мысль французскихъ публицистовъ XVIII в. Въ первой половинѣ этого столѣтія во Франціи обнаруживается глубокій и затяжной кризисъ абсолютной монархіи; одновременно, промышленные успѣхи превращаютъ ея городскую буржуазію въ политическую силу первой величины. Обладая экономическимъ могуществомъ, сильная своей интеллигентностью, она уже не желаетъ играть прежней второстепенной роли и уступать первое мѣсто

привилегированнымъ сословiямъ. Преобразованiе устарѣлыхъ государственныхъ формъ было неизбѣжнымъ, въ связи съ кореннымъ измѣненiемъ соцiальныхъ отношенiй въ странѣ. Старый порядокъ приносилъ въ жертву интересы личности самодержавно-бюрократическому государству. На защиту этой личности и ея правъ, какъ человѣка и гражданина, и выступаютъ французскiе писатели XVIII вѣка. Главной ихъ заботой является страстное желанiе избавить человѣка отъ двойного гнета—государства и церкви. Они вѣрятъ въ близкое наступленiе на землѣ царства Разума и въ конечное торжество благородныхъ сторонъ человѣческой природы.

Признаннымъ вождемъ всего оппозицiоннаго движенiя „эпохи просвѣщенiя", патрiархомъ философовъ и публицистовъ во Францiи XVIII столѣтiя былъ Вольтеръ. За всѣми гражданами, по его мнѣнiю, слѣдуетъ обезпечить ихъ естественныя права, которыя правительство должно свято уважать. Эти „естественныя права" заключаются въ свободѣ личности и собственности, въ свободѣ мысли, печати и совѣсти и въ правѣ судиться по уголовнымъ дѣламъ въ судѣ присяжныхъ при строгомъ соблюденiи законовъ. О коренной реорганизацiи государственнаго строя Вольтеръ, какъ вы видите, рѣчи не поднималъ. Дороже всего для него—духовная свобода человѣка, главнаго врага которой, онъ видѣлъ въ воинствующемъ клерикализмѣ, посягающемъ на неотъемлемыя права личности. Духовенство, лишенное всѣхъ своихъ привилегiй, должно было превратиться въ учителей нравственности и ничѣмъ не посягать на свободу мысли и совѣсти. Высшее благо человѣка, по словамъ Вольтера,—свобода, которая есть ни что иное, какъ подчиненiе однимъ только законамъ. Но для этого нужно, чтобы законы были для всѣхъ равны и чтобы въ обществѣ не было сословныхъ привилегiй. Онъ ждетъ преобразованiй не снизу, а сверху, не „отъ народныхъ невѣждъ, а отъ просвѣщеннаго монарха". Теоретически онъ готовъ согласиться, что демократическая республика—самая

совершенная изъ всѣхъ формъ правленія, но онъ не можетъ побороть въ себѣ аристократическаго предубѣжденія противъ массъ и глубоко убѣжденъ, что „все потеряно, когда чернь пускается разсуждать“. Вольтеръ готовъ удовлетвориться даже абсолютной монархіей, но подъ условіемъ, чтобы она „умѣрялась терпимостью и просвѣщеніемъ“ и занялась осуществленіемъ необходимыхъ преобразованій. Эту форму правленія онъ любилъ называть „союзомъ королей и философовъ“. Будучи сторонникомъ „просвѣщеннаго“ абсолютизма, Вольтеръ сыгралъ громадную роль въ идейной подготовкѣ конечнаго торжества демократическихъ принциповъ. Имъ первымъ изъ французскихъ писателей XVIII в. былъ поставленъ рѣзко и опредѣленно вопросъ о гражданскихъ свободахъ и о гражданскомъ равенствѣ.

Однако, во французской общественности первой половины XVIII в. существуетъ уже и иное политическое теченіе: оно не вѣритъ въ возможность соединенія абсолютизма съ гражданской свободой и требуетъ гарантій для защиты правъ личности. Самымъ виднымъ его представителемъ является Монтескье. Въ своей знаменитой книгѣ „О духѣ законовъ“, вышедшей въ 1748 г. онъ въ болѣе совершенной формѣ, чѣмъ то сдѣлалъ Локкъ, выявляетъ основные принципы теоріи конституціонной монархіи, краеугольными камнями которой онъ считаетъ политическую свободу гражданъ и начало раздѣленія властей въ сферѣ организаціи государства. Явно высказывая предпочтеніе англійской формѣ правленія, Монтескье полагаетъ, что подъ политической свободой слѣдуетъ разумѣть не право народа дѣлать все, что ему угодно, а лишь право дѣлать все, что дозволяютъ законы. Свобода это—гарантія личныхъ правъ человѣка. Въ перечнѣ этихъ правъ Монтескье почти буквально совпадаетъ съ Вольтеромъ. Монтескье —врагъ политическихъ крайностей; свобода, по его мнѣнію, встрѣчается только въ государствахъ съ умѣренной формой правленія, т. к. тамъ существуетъ равновѣсіе между властями, что исключаетъ возможность

злоупотребленія властью. Въ этомъ отношеніи ближе всего къ цѣли англійская монархія. Въ каждомъ государствѣ есть три рода власти: законодательная, исполнительная и судебная. Политическая свобода гарантируется ихъ раздѣленіемъ и, всякій разъ, какъ только хотя бы двѣ изъ нихъ соединяются въ однѣхъ рукахъ, ей грозитъ опасность. Право заключать гражданъ въ тюрьму должно принадлежать исключительно суду и только въ случаяхъ крайней опасности для государства, можно вооружать этимъ правомъ органы исполнительной власти. Какъ же полагаетъ Монтескье наиболѣе цѣлесообразно построить организацію правового государства? Судебную власть, по его мнѣнію, слѣдуетъ вручать не постоянной коллегіи, а лицамъ временно-избираемымъ изъ народа. Тогда нѣтъ передъ глазами постоянныхъ судей, и начинаютъ бояться учрежденія, а не отдѣльныхъ лицъ. Законодательная власть принадлежитъ всему народу, въ силу того естественнаго принципа, что каждый гражданинъ долженъ управляться самимъ собой. Но осуществить его народъ можетъ только черезъ своихъ представителей. Избирательнымъ правомъ должны пользоваться всѣ взрослые граждане мужского пола, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые, находясь въ весьма низкомъ положеніи, считаются какъ бы неимѣющими личной воли. Народные представители избираются лишь для того, чтобы издавать законы и наблюдать за тѣмъ, какъ они исполняются. Однако одной палатой представителей нельзя удовлетвориться въ дѣлѣ организаціи законодательной власти. Въ каждомъ государствѣ, говоритъ Монтескье, есть люди, возвышающіеся надъ другими или своимъ происхожденіемъ, или богатствомъ или почетомъ. Если бы у нихъ были права одинаковыя со всѣми другими, то общая свобода была бы для нихъ рабствомъ. Поэтому имъ слѣдуетъ отвести соотвѣтственно съ ихъ положеніемъ особое мѣсто въ законодательствѣ и учредить верхнюю или аристократическую палату. Исполнительная власть должна находиться въ рукахъ монарха,

потому что она почти всегда требуетъ быстраго дѣйствія, а для этого удобнѣе одно лицо, чѣмъ цѣлая коллегія. Время и продолжительность засѣданій законодательныхъ учрежденій опредѣляется исполнительной властью, которая, сверхъ того, должна имѣть право останавливать рѣшенія законодательной власти. Это необходимо, по словамъ Монтескье, для того, чтобы законодательная власть не сдѣлалась деспотической. Законодательной же власти по отношенію къ органамъ власти исполнительной принадлежитъ право контроля и наблюденія за тѣмъ, чтобы законы не нарушались. Къ отвѣтственности, при этомъ, привлекаются лишь министры, какъ дурные совѣтники монарха, самъ же онъ, какъ носитель исполнительной власти, отвѣтственности не подлежитъ и особа его считается священной и неприкосновенной. Въ виду того, что главный источникъ силы исполнительной власти составляютъ войско и финансы, никогда не слѣдуетъ опредѣлять составъ вооруженныхъ силъ страны и устанавливать размѣры налоговъ разъ навсегда, а постановленія объ этомъ должны дѣлаться законодательной властью ежегодно. Итакъ, изъ подъ пера Монтескье вышла весьма стройная и продуманная политическая теорія. Слабыми ея сторонами, какъ вы уже вѣроятно замѣтили, являются: 1) сильное пристрастіе къ аристократическимъ кругамъ населенія и 2) отрицаніе системы парламентаризма, т.-е. составленія министерства изъ представителей большинства законодательныхъ палатъ. Однако, со времени появленія книги Монтескье, гарантію правъ личности стали видѣть прежде всего, въ правильной организаціи государственныхъ учрежденій, а за ея авторомъ навсегда удержалось наименованіе отца европейскаго либерализма.

Однако къ срединѣ XVIII в., подъ могучимъ вліяніемъ требованій самой жизни нарождаются болѣе радикальныя политическія теоріи. Ихъ цѣлью является не личная свобода, а народное благо, осуществить которое призывается самъ народъ. Свой политическій

идеалъ творцы этихъ теорій видятъ въ непосредственномъ народовластіи или въ представительной демократіи, послѣ того, какъ въ 1776 г. возникаетъ великая заатлантическая Сѣверо-американская республика. Радикальное направленіе политической мысли XVIII в. довольно полно отразилось въ издаваемой съ 1751 г. по 1772 г., подъ редакціей Дидро и д'Аламбера, „Энциклопедіи наукъ, искусствъ и ремеслъ". По удачному выраженію Морлея, она была „громаднымъ арсеналомъ, въ которомъ добывалось оружіе для штурма стараго порядка". По всему было видно, что общество, разочаровавшись въ возможности мирныхъ преобразованій, опредѣленно стремилось къ захвату власти и нуждалось въ такомъ политическомъ ученіи, которое помогло бы оправдать и осмыслить эти стремленія. Такое ученіе и отлилось въ законченную и блестящую форму подъ перомъ Руссо, этого настоящаго вдохновителя великой французской революціи.

Руссо исходитъ изъ положенія, что по естественному праву всѣ люди равны между собою. Однако вернуться къ блаженству первобытнаго состоянія человѣчество уже не въ силахъ. Остается поэтому одно: не уничтожая современной цивилизаціи съ ея матеріальнымъ и культурнымъ неравенствомъ, установить такой государственный порядокъ, который сумѣлъ бы примирить естественную свободу и равенство человѣка съ существованіемъ государства. Разрѣшенію этой проблемы и посвященъ наиболѣе извѣстный изъ всѣхъ трактатовъ Руссо—„Общественный договоръ". Насколько Монтескье на первый планъ выдвигалъ принципъ политической и гражданской свободы, настолько Руссо былъ увлеченъ принципомъ политическаго равенства. Центральнымъ пунктомъ „Общественнаго договора" является вопросъ, какъ примирить свободу человѣка съ подчиненіемъ его государственной власти. Какъ раціоналистъ, Руссо не интересуется тѣмъ, возможно ли въ реальной жизни такое примиреніе этихъ двухъ положеній—коллективной власти и индивидуальной свободы. Отвѣтъ, даваемый

Руссо, отличается большой смѣлостью и оригинальностью: если человѣкъ всецѣло отдаетъ себя обществу, наравнѣ съ другими, то онъ, хотя и будетъ подчиненъ этому цѣлому, однако сохранитъ свою свободу, потому что отчужденіе его правъ происходитъ на равныхъ условіяхъ для всѣхъ. Такое отчужденіе называется общественнымъ договоромъ. Изъ всеобщаго и безусловнаго подчиненія тому цѣлому, которое составилось путемъ общественнаго договора возникаетъ, по словамъ Руссо, общественное тѣло. Это общественное тѣло выступаетъ передъ нами съ двухъ сторонъ: когда мы говоримъ о немъ, какъ объ опредѣленномъ предметѣ, то мы называемъ его государствомъ, но если мы имѣемъ въ виду его, какъ активную силу, то мы называемъ его „владыкой" или сувереномъ. Народъ слѣдовательно въ одно и тоже время и владыка и государство. Верховная власть принадлежащая народу, какъ владыкѣ или суверену, отличается слѣдующими свойствами. Она прежде всего неотчуждаема, т. е. никогда не можетъ быть безусловно передана какому-либо одному правительству или вручена народнымъ представителямъ въ формѣ парламента или законодательной палаты. Англичане, по словамъ Руссо, свободны только въ моментъ производства выборовъ, а какъ скоро они избрали членовъ парламента, то перестаютъ уже быть свободными. Вторымъ свойствомъ верховной власти является ея недѣлимость. Это положеніе направлено противъ Монтескье и его теоріи о раздѣленіи властей. Третье свойство верховной власти заключается въ ея непогрѣшимости. Владыка - народъ желаетъ только своего блага и никогда не можетъ ошибаться относительно того, что для него полезно, т. е. что составляетъ его благо. Но развивая свое положеніе о народной непогрѣшимости, Руссо дѣлаетъ одну весьма существенную оговорку: народъ никогда не можетъ впасть въ ошибку, но его можно ввести въ ошибку. Руссо при этомъ проводитъ различіе между двумя понятіями: общая воля и воля всѣхъ. Подъ первой онъ

разумѣетъ такую, которая направлена на общее благо, а воля всѣхъ есть ничто иное, какъ совокупность частныхъ волеизъявленій и поэтому она имѣетъ въ виду не общее, а частное благо. Для того, чтобы въ государствѣ всегда господствовала общая воля, въ немъ не должно быть партій; не должно быть проявленій частныхъ интересовъ. Наконецъ, верховная власть безусловна, т. е. она распространяется на все—на достоянія гражданъ, на ихъ имущество, на жизнь и даже совѣсть. Таковъ народъ-владыка въ государствѣ Руссо, возникшемъ на основѣ общественнаго договора.

Считаясь съ практической необходимостью, Руссо долженъ былъ въ своемъ государствѣ выдѣлить законодательныя и исполнительныя функціи. Въ каждомъ свободномъ дѣйствіи, по его словамъ, надо различать моральную и физическую стороны т.-е. волю, которая опредѣляетъ поступокъ и силу, которая его осуществляетъ. Согласно этому и въ государствѣ, которое всегда свободно проявляетъ свое дѣйствіе, надо различать волю или власть законодательную и силу или власть исполнительную. Законодательная власть принадлежитъ народу-самодержцу и не можетъ принадлежать никому кромѣ него, такъ какъ всякій законъ есть выраженіе общей воли. Но народъ самъ, во всей своей совокупности, не можетъ быть исполнителемъ, и для исполненія законовъ должно существовать правительство. Подъ этимъ словомъ—„правительство“ Руссо разумѣетъ скорѣе администрацію, потому что отношеніе между народомъ-самодержцемъ и правительствомъ таково, что въ извѣстные періоды времени, по возможности краткіе, народъ долженъ рѣшить вопросъ—сохранять ли данную форму правительства и оставлять ли правительственную власть въ рукахъ тѣхъ, кому она была поручена? Для рѣшенія этого народъ время отъ времени долженъ собираться весь цѣликомъ. Говоря о формахъ правительства, Руссо вынужденъ также пойти на рядъ уступокъ. Какъ это ни странно, но онъ признаетъ несовершенными и демократію, и монархію. Демо-

кратія требуетъ простоты нравовъ, отсутствія рѣзкаго дѣленія общества на богатыхъ и бѣдныхъ и, наконецъ, большого досуга у гражданъ, чтобы они могли посвящать все свое время дѣламъ правленія. Демократія могла существовать только въ античномъ мірѣ при наличности рабскаго труда, въ современныхъ же условіяхъ только народъ боговъ могъ бы управляться демократически. Монархическая форма правленія даетъ правительству силу, твердость и единство, но зло ея заключается въ томъ, что монархъ обыкновенно заботится больше о своей выгодѣ, чѣмъ о пользѣ народа. Лучшей формой правленія Руссо признаетъ аристократію, но не наслѣдственную, а выборную. Выборная аристократія имѣетъ, оказывается, рядъ громадныхъ преимуществъ. Въ ней народъ, сохраняя за собой законодательную власть, избираетъ своихъ правителей, причемъ власть достается обыкновенно самымъ способнымъ лицамъ. Итакъ въ конечномъ итогѣ, Руссо высказывается за выборную аристократію подъ контролемъ народа-самодержца. Этимъ путемъ, по его мнѣнію, достигается то единство, безъ котораго не мыслима прочная организація государственнаго строя. Таково, господа, въ общихъ чертахъ политическое міросозерцаніе Руссо. Онъ кладетъ въ основу государства будущаго—свободу и равенство. Но подъ свободой онъ разумѣетъ непосредственное участіе гражданина во власти, вопреки взгляду Монтескье, который видѣлъ въ свободѣ установленіе извѣстной сферы дѣятельности человѣка, куда уже не могла вторгаться государственная власть. Никакихъ гарантій, поэтому, противъ народнаго постановленія, противъ изъявленія общей воли народа-самодержца Руссо не допускаетъ. Подмѣнивъ понятіе свободы народа принципомъ власти народа, онъ требуетъ во имя народнаго блага проведенія начала полнаго равенства гражданъ путемъ радикальныхъ соціальныхъ преобразованій. Личность, по теоріи Руссо, совершенно безправна передъ народомъ-самодержцемъ: онъ лишаетъ ее даже такого неотъемлемаго права, какъ сво-

бода совѣсти, карая смертью всѣхъ, кто отважился бы имѣть свои собственныя религіозныя убѣжденія. Деспотизму монархическому Руссо противопоставлялъ деспотизмъ демократическій, одну диктатуру, диктатуру стараго строя замѣнялъ другой, диктатурой сувереннаго народа. Я потому такъ подробно остановился на „Общественномъ договорѣ“ Руссо, что его основныя положенія до сихъ поръ находятъ себѣ откликъ въ нѣкоторыхъ крайнихъ теченіяхъ радикально-настроенной общественной мысли. Намъ, свидѣтелямъ и участникамъ великой русской революціи 1917 года, болѣе, чѣмъ кому бы то ни было приходится бояться, какъ бы необдуманными экспериментами и поспѣшно бросаемыми лозунгами, въ превратно-понимаемомъ равенствѣ не потопить съ такимъ трудомъ завоеванную свободу. Идея народовластія—здоровое зерно въ ученіи Руссо, но его конечные выводы наносятъ смертельный ударъ той самой національной волѣ, которую онъ, собственно, заковываетъ въ стальные кандалы принципа народнаго суверенитета, который въ конечномъ итогѣ является ни чѣмъ инымъ, какъ диктатурой большинства.

Руссо несомнѣнно самый оригинальный политическій мыслитель второй половины XVIII вѣка, но его теорія, кромѣ тѣхъ отрицательныхъ сторонъ, на которыя я только что указалъ, страдала еще тѣмъ, что она была слишкомъ трудно примѣнимой на практикѣ. Народное собраніе легко устроить въ республикѣ въ нѣсколько тысячъ жителей, но нѣтъ возможности созвать его въ странѣ съ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ. А безъ такихъ собраній не могла существовать и выборная аристократія, поставленная, какъ вы припомните, подъ постоянный и бдительный контроль народа-суверена. Политическій идеалъ Монтескье, отличавшійся большей практичностью и осуществимостью, не могъ уже въ это время удовлетворить общественное настроеніе своимъ аристократизмомъ и консерватизмомъ. Выявлялась, такимъ образомъ, настоятельная необходимость провести своего рода равнодѣйствующую между

Руссо и Монтескье, выработать новую политическую теорію, въ которой бы принципъ народовластія гармонически сочетался съ началомъ представительной демократіи. За рѣшеніе этой задачи и принялся послѣдній изъ крупныхъ политическихъ мыслителей Франціи XVIII вѣка—Мабли.

Исходнымъ пунктомъ политическаго міросозерцанія аббата Мабли является мысль о нравственномъ перевоспитаніи человѣчества. Свободное развитіе страстей онъ считаетъ необходимымъ принести въ жертву идеи общественнаго блага. Самой вредной и злой страстью Мабли считаетъ жадность. Искоренить „этого вѣчнаго врага равенства“ возможно, по его мнѣнію, лишь путемъ уничтоженія частной собственности и установленія коммунистическаго строя. Однако, при современномъ состояніи человѣчества такой коммунистическій идеалъ не достижимъ. Къ нему надо людей еще подготовить соотвѣтственнымъ законодательствомъ и государственнымъ порядкомъ. Позвольте же теперь остановить ваше вниманіе на той политической организаціи, которую Мабли считалъ наиболѣе подходящей для коренного нравственнаго перевоспитанія человѣчества.

Какъ и Руссо, онъ хочетъ построить государственный порядокъ на свободѣ и равенствѣ, этихъ высшихъ „дарахъ природы“ человѣку. Источникомъ верховной власти и онъ признаетъ народъ. Народъ всегда имѣетъ неотъемлемое право измѣнять существующій образъ правленія. Ему поэтому должна цѣликомъ принадлежать главная власть въ государствѣ—законодательная. Отвергая и монархію и аристократическую республику, въ которыхъ носители верховной власти всегда стремятся къ достиженію своихъ частныхъ выгодъ, Мабли утверждаетъ, что народъ только тогда будетъ уважать свои законы, когда онъ самъ будетъ своимъ собственнымъ законодателемъ. Однако Мабли, признавая принципъ народнаго верховенства, не раздѣляетъ точки зрѣнія Руссо на его неограниченность. И послѣ образованія государства, у каждаго гражданина остаются

права, прежде всего—право подвергать критикѣ законы и не повиноваться явно несправедливымъ изъ нихъ. Въ противоположность Руссо, видѣвшему въ народныхъ представителяхъ простыхъ приказчиковъ народа-самодержца, Мабли не довѣряетъ чистой демократіи и думаетъ, что представительная система—единственное средство обезпечить политическую свободу. Заслуживаютъ большого вниманія тѣ аргументы, посредствомъ которыхъ Мабли доказываетъ несовершенство непосредственнаго народовластія. Когда народъ самъ издаетъ законы, говоритъ онъ, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ. Въ „чистой демократіи“ каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи, чтобы превращать ихъ въ законы. Всѣ дѣла будутъ рѣшаться въ безразсудномъ порывѣ. Народъ знаетъ, что ему въ дѣйствительности принадлежитъ верховная власть и у него всегда будутъ угодники и льстецы, а слѣдовательно всѣ предразсудки и пороки деспота“. При отсутствіи просвѣщенія главными движущими пружинами въ демократіи всегда будутъ оставаться страсти и предразсудки. Выводъ, который дѣлаетъ Мабли изъ всѣхъ только что указанныхъ мною положеній, вполнѣ ясенъ: законодательная власть должна быть передана народнымъ представителямъ. Послѣдовательно проводя въ своей теоріи принципъ равенства, Мабли отвергаетъ наслѣдственную аристократическую палату, къ которой имѣлъ такое пристрастіе Монтескье и довольствуется единымъ представительнымъ собраніемъ. Однако и принципъ равенства Мабли принимаетъ съ нѣкоторой весьма существенной оговоркой. Недовѣряя, очевидно, всему народу, какъ носителю верховной власти, онъ совѣтуетъ предоставлять политическія права однимъ земельнымъ собственникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ, считаясь съ неподготовленностью и некультурностью широкихъ народныхъ массъ, суживаетъ кругъ демократіи, включая въ ея составъ только обладателей земельнаго ценза. Но и представительному собранію Мабли тоже, очевидно, не совсѣмъ довѣряетъ. Чтобы га-

рантировать его отъ увлеченій, онъ находитъ нужнымъ обставить дѣятельность народныхъ представителей разными формальностями, настаиваетъ, напримѣръ, на полученіи депутатами отъ своихъ избирателей соотвѣтствующихъ инструкцій, опредѣляющихъ ихъ поведеніе въ законодательномъ собраніи. Мабли отвергаетъ также идею Руссо о недѣлимости народнаго суверенитета. Онъ является горячимъ сторонникомъ теоріи раздѣленія властей и идетъ въ этомъ отношеніи значительно дальше Монтескье. Но при этомъ Мабли не склоненъ идеализировать англійскіе порядки, стремится умалить прерогативу короля и высказывается за чрезвычайно своеобразную политическую форму, которую онъ называетъ „республиканской монархіей“. Монархъ, по его мнѣнію, не долженъ имѣть никакихъ правъ въ сферѣ законодательства, и законодательное собраніе совершенно независимо отъ его воздѣйствія. Но и власть исполнительную не слѣдуетъ сосредоточивать цѣликомъ въ рукахъ монарха, такъ какъ это давало бы ему постоянные поводы къ захватамъ.

Судъ долженъ быть совершенно независимъ отъ администраціи, а полиція должна подчиняться суду. Управленіе финансами надо поручить лицамъ, выбираемымъ изъ среды законодательнаго собранія. Въ арміи, офицеры должны быть выборными, и монарху должно принадлежать только право верховнаго надзора и команды во время войны. Иностранными дѣлами монархъ долженъ руководить при помощи особаго совѣта, причемъ право войны и мира должно принадлежать законодательному собранію.

Вы спросите, конечно, почему Мабли не вводитъ прямо республиканскаго порядка, а удерживаетъ все же монарха во главѣ своего государства. Сохраненіе монархіи, по его мнѣнію, необходимо по слѣдующимъ причинамъ: она даетъ возможность поддерживать равенство между аристократическими фамиліями, держитъ ихъ въ подчиненіи и предохраняетъ, такимъ образомъ, государство отъ тиранніи.

Въ теоріи Мабли, какъ вы видите, довольно мало оригинальнаго: основныя ея положенія онъ заимствовалъ у Монтескье и Руссо, почему въ конечномъ итогѣ онъ оказался и монархистомъ и республиканцемъ, создавъ довольно своеобразную форму правленія, названную имъ самимъ „республиканской монархіей“. Однако его ученіе пользовалось большимъ успѣхомъ въ концѣ XVIII вѣка. Съ одной стороны, онъ упрощалъ и облегчалъ примѣненіе на практикѣ демократическихъ принциповъ Руссо, съ другой — старался обезпечить личную свободу гражданина ограниченіемъ правъ суверениаго народа и раздѣленіемъ властей.

Итакъ, я прослѣдилъ съ вами эволюцію политической мысли на западѣ въ XVII и XVIII вв. Теперь намъ слѣдуетъ уяснить, какъ преломились англійскія и французскія освободительныя теоріи въ сознаніи передовой русской интеллигенціи.

Лекція IV.

Начиная съ эпохи Петра Великаго, Россія въ идеологическомъ отношеніи все болѣе сближается съ западной Европой. Усваивая матеріальную основу европейской жизни, русское общество невольно должно было вбирать въ себя и ту культуру, которая пышнымъ цвѣтомъ развернулась въ европейскихъ странахъ на почвѣ новыхъ экономическихъ отношеній. Вотъ почему въ конечномъ итогѣ вслѣдъ за фабрикой и заводомъ, вслѣдъ за новымъ платьемъ и домашнимъ обиходомъ, неизбѣжно заносились къ намъ изъ западной Европы первыя завязи нарождающейся свободной политической мысли. Къ эпохѣ Екатерины II литературные вкусы Франціи были уже довольно прочно привиты къ передовымъ слоямъ дворянской интеллигенціи, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ несомнѣнно А. Н. Радищевъ. Въ своей знаменитой книгѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", напечатанной въ 1790 году, онъ впервые смѣло и открыто бросилъ вызовъ самодержавію.

Политическіе взгляды этого писателя-гражданина особенно полно отразились въ его одѣ „Вольность", которую онъ помѣстилъ въ своемъ „Путешествіи", однако, далеко не цѣликомъ. Называя вольность „благословеннымъ безцѣннымъ даромъ небесъ, источникомъ всѣхъ великихъ дѣлъ", Радищевъ стремится воспѣть ее такъ, чтобы проснулись Брутъ и Телль и чтобы отъ ея гласа пришли въ смятеніе цари. Онъ изображаетъ въ видѣ ужаснаго стоголоваго чудовища „священное" суевѣріе, которое всѣмъ велитъ вѣрить слѣпо, велитъ бояться истины, говоритъ о божественномъ происхожденіи вла-

сти. По словамъ царя это „Законъ Божій“, но можетъ ли Богъ унизиться до того, чтобы вѣщать намъ при посредствѣ чужого голоса! Вотъ царь, надменно поднявъ чело, схватилъ желѣзный скипетръ, властно сѣвъ на огромный тронъ, видитъ въ народѣ лишь подлую тварь и, располагая жизнью и смертью, говоритъ: по своей волѣ я щажу злодѣя, я могу надѣлять властью; пользуется жизнью лишь тотъ, кому я велю жить. И мы спокойно слушаемъ, какъ алчный змѣй, надругаясь надъ всѣми, отравляетъ дни веселья. Но хотя вокругъ твоего престола всѣ стоятъ, преклонивъ колѣни, трепещи, такъ какъ идетъ мститель: онъ объявитъ вольность, и вѣсть о томъ распространится отъ края до края, провозглашая свободу. Начнется возстаніе, надежда вооружитъ всѣхъ, всѣ спѣшатъ „омыть свой стыдъ“ въ крови вѣнчаннаго мучителя. Вездѣ сверкаетъ острый мечъ, летаетъ смерть, паритъ надъ гордой головою. Ликуйте скованные народы: это прирожденное право мести возвело царя на плаху, оно, мощно разодравъ завѣсу лживой ночи, поправъ огромный истуканъ кичливой и строптивой власти, сковавъ сторукаго исполина, влечетъ его, какъ простого гражданина, къ престолу, на которомъ возсѣлъ народъ. Уносясь мыслью въ прошлое, Радищевъ останавливается на англійской революціи средины XVII вѣка, начавшейся, какъ извѣстно, крушеніемъ королевской власти, а закончившейся возстановленіемъ единоличнаго правленія въ лицѣ Кромвеля съ титуломъ протектора, и съ его устъ слетаютъ слѣдующія слова:

„Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукахъ своихъ имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ,
Но показалъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ“.

Въ этомъ народномъ судѣ надъ королемъ, поправшемъ естественныя права гражданъ, Радищевъ видитъ основной смыслъ англійской революціи. Какъ бы про-

видя будущее, Радищевъ развертываетъ передъ своимъ читателемъ ослѣпительную по блеску и яркости красокъ картину всеконечнаго торжества вольности. Гремятъ голоса свободы, народъ сбѣгается на вѣче и разрушаетъ чугунный престолъ. „Великъ, великъ ты духъ свободы, зиждителенъ, какъ самъ Господь.“ Нигдѣ не видно грознаго владыки, это царство свободы. Возвысить могутъ только личныя заслуги. Духъ, взлетая на крыльяхъ разума, „возможетъ все.“ Обращаясь къ знаменитой странѣ, къ Франціи, гдѣ согбенная вольность лежала попранная гнетомъ, Радищевъ восклицаетъ: „Ликуешь ты, а мы здѣсь страждемъ. Того-жъ, того-жъ и мы всѣ жаждемъ“. Эти слова скажутъ намъ еще больше, если припомнить, что вѣдь какъ разъ въ тотъ моментъ, когда вышла книга Радищева, пожинала свои первые побѣдоносные лавры великая французская революція. Къ свободной Франціи стремится дума поэта, у него мелькаетъ желаніе быть погребеннымъ на ея берегахъ. Однако онъ предпочитаетъ умереть на родинѣ, чтобы юноша, жаждущій славы, сказалъ у его гроба: онъ первый предсказалъ намъ вольность. Истинный республиканецъ по своимъ убѣжденіямъ, Радищевъ предвидитъ распространеніе предѣловъ родины, ослабленіе связи ея частей и даже ея распаденіе, тѣмъ болѣе скорое, чѣмъ она будетъ обширнѣе, но это не пугаетъ его: онъ вѣритъ, что изъ нѣдръ этой огромной развалины среди рѣкъ крови возникнутъ малыя свѣтила; они украсятъ „свои кормила“ вѣнцомъ „дружества“ и направятъ ладью на пользу всѣхъ. Часъ еще не насталъ, судьбы еще не совершились, еще далеко окончаніе всѣхъ бѣдъ. Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ Радищевъ высказывается не только за демократическую, но и за федеративную республику, т. е. за тѣ самые лозунги, которые объединяютъ теперь истинныхъ сторонниковъ народной свободы. Въ пророческомъ экстазѣ, какъ бы провидя грядущія судьбы народа, Радищевъ набрасываетъ картину паденія неограниченнаго, самодержавнаго строя. Власть „при послѣднемъ издыханіи

приставитъ стражу къ слову и соберетъ всѣ свои силы", чтобы раздавить возникающую вольность. Но человѣчество, руководимое надеждой на освобожденіе и „неистребимымъ правомъ природы", возстанетъ, и власть будетъ „приведена въ трепетъ" и развѣется въ одно мгновеніе. Уже трясутся своды вѣчнаго мрака и появляется „яркій свѣтъ" свободы. Просто не вѣрится, что все это написано было 125 лѣтъ тому назадъ—такъ много въ этихъ словахъ тѣхъ переживаній, которыя свѣжи еще въ памяти всѣхъ насъ, испытавшихъ на себѣ весь гнетъ только что низвергнутаго строя. Мощнымъ аккордомъ прозвучалъ гимнъ свободы въ порабощенной Россіи конца XVIII вѣка. За свой гражданскій подвигъ поэтъ-гражданинъ долженъ былъ испить великую чашу нравственнаго униженія и великихъ терзаній. Глашатай вольности и другъ свободы испыталъ на себѣ весь гнетъ того строя, который онъ бичевалъ въ своей безсмертной одѣ. Приговоренный сперва къ смертной казни, онъ былъ затѣмъ наказанъ ссылкой на поселеніе въ далекій Илимскій острогъ въ восточной Сибири, гдѣ протомился болѣе 6 лѣтъ. Но почва была подготовлена, и сѣмя свободы было брошено.

Революціонные лозунги и освободительные принципы, впервые выдвинутые русской публицистикой въ исходѣ XVIII в. подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейской политической идеологіи, облечены были плотью и кровью конкретнаго государственно-правового мышленья лишь въ 20-хъ годахъ XIX в., въ тайныхъ обществахъ декабристовъ. Только здѣсь пылкія слова Радищева о свободѣ и вольности нашли себѣ юридическую формулировку въ статьяхъ и параграфахъ будущей русской конституціи.

Вы, конечно, прекрасно освѣдомлены о томъ, что въ теченіи всего царствованія Александра I вопросъ о реформѣ нашего государственнаго строя не сходилъ, можно сказать, съ очереди. Но ни члены неофиціальнаго комитета, ни представители такъ называемой старовельможной партіи, ни такой, наконецъ, крупный поли-

тическій умъ какъ Сперанскій не смогли дать отвѣтъ на этотъ, поставленный самой жизнью вопросъ. Правда Сперанскій въ 1809 г. разработалъ весьма обстоятельный планъ государственнаго переустройства Россіи, но недовѣріе къ автору этого плана феодально-дворянскихъ круговъ съ одной стороны и событія надвинувшейся Отечественной войны съ другой, помѣшали Сперанскому въ его реформаціонныхъ начинаніяхъ. Онъ самъ, этотъ „министръ нововведеній", по остроумному выраженію французскаго посла Коленкура, былъ не только отставленъ, но даже сосланъ въ Пермь, а клубы порохового дыма наполеоновскихъ войнъ отбросили отъ себя длинную тѣнь на всю вторую половину царствованія Александра I. Бывшій республиканецъ въ душѣ, какъ любилъ онъ самъ себя называть, Александръ I съ 1815 г. превращается въ мистика и піетиста, въ одного изъ вождей обще-европейской реакціи. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характернымъ, на мой взглядъ, является тотъ манифестъ, съ которымъ русскій императоръ обратился къ своимъ подданнымъ по возвращеніи съ Вѣнскаго конгресса. Этотъ манифестъ прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ съ настроеніемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества. Онъ говорилъ не о подвигахъ, а о смиреніи, онъ взывалъ не къ героическимъ, а къ покаяннымъ чувствамъ. Въ этомъ актѣ есть прямыя указанія на необходимость полнаго подчиненія Божественному промыслу, который даетъ прозрѣніе слѣпымъ, который снабжаетъ силой упавшихъ духомъ и ослабшихъ въ борьбѣ. Съ этого времени правительство, возглавляемое Аракчеевымъ, все глубже погружалось въ туманъ ханжества и реакціи.

Однако въ тотъ моментъ, когда нить политическихъ преобразованій порвалась въ рукахъ Александра I ее подхватили молодыя энергичныя силы, вынесенныя на гребнѣ высоко поднявшейся волны передовой русской общественности. Тѣ самыя событія освободительныхъ наполеоновскихъ войнъ, которыя сковали летаргическимъ сномъ правительственные круги пробудили

стремленія къ коренному переустройству русской жизни въ молодыхъ представителяхъ дворянской интеллигенціи. „Мы были сыны 12-го года“, заявляетъ декабристъ Якушкинъ: „порывомъ нашего сердца было жертвовать всѣмъ, даже жизнью во имя любви къ отечеству. Въ нашихъ чувствахъ не было ни капли эгоизма. Призываю въ свидѣтели самого Бога“. Заграничные походы отложились неизгладимымъ впечатлѣніемъ въ душѣ ихъ участниковъ.

„Войска, отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ“, говоритъ другой декабристъ, извѣстный писатель-романистъ Бестужевъ-Марлинскій, „только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ?“ Многіе изъ будущихъ дѣятелей тайныхъ обществъ откровенно признаются въ своихъ запискахъ, какъ они, благодаря пребыванію заграницей замѣтно выростали въ политическомъ отношеніи. Извѣстный декабристъ, кн. Сергѣй Волконскій прямо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что на путь политической критики привело его знакомство съ нѣмецкимъ патріотомъ Ю. Грунеромъ, отъ котораго онъ получилъ „болѣе познаній объ обязанностяхъ гражданина къ отечеству“. „Кампаніи 12 года и послѣдующихъ 13 и 14 г.г.“, по его словамъ, „сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями, противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія— рѣзко выказались уму и сердцу многихъ“. И дѣйствительно, лица, которыя прошли изъ конца въ конецъ всю западную Европу, подышали ея свободнымъ воздухомъ, видѣли реставрацію прежней династіи во Франціи съ сохраненіемъ въ ней конституціонной формы правленія, на глазахъ которыхъ введена была конституція въ царствѣ польскомъ и въ рядѣ небольшихъ германскихъ государствъ, которымъ во время походовъ „свободу проповѣдывали и манифесты, и воззванія, и

приказы“ естественно были полны ожиданія коренныхъ преобразованій и у себя на родинѣ. И съ чѣмъ же они столкнулись по возвращеніи? Вмѣсто политической и соціальной реформы на нихъ пахнуло затхлымъ запахомъ застоя и реакціи. Вмѣсто конституціи ихъ стальнымъ кольцомъ сдавилъ режимъ аракчеевщины. Ропотъ разнесся по всей Россіи. Роптали всѣ, начиная съ солдатъ и кончая генералами. Ополченцы, которыхъ оторвали отъ дома и сохи, возвращаясь изъ Зап. Европы, говорили: „Мы проливали кровь, а насъ заставляютъ опять потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа“. Если такія рѣчи раздавались среди народной массы, среди ополченцевъ, которые попадали подъ строгій режимъ крѣпостного права, то вполнѣ понятно, что и въ общественной средѣ разливалось недовольство все шире и шире. „Тогда то“, пишетъ Николаю I изъ крѣпости декабристъ Бестужевъ-Марлинскій, „стали говорить военные: для того ли освободили мы Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? для того ли дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней?“ Если правительственная дѣятельность эпохи аракчеевщины вліяла на будущихъ декабристовъ подобно любой революціонной пропагандѣ, то и событія въ Зап. Европѣ 10-хъ и 20-хъ г.г. XIX в. не проходили для нихъ безслѣдно. Дѣло въ томъ, что на рубежѣ XVIII и XIX в.в. и въ Италіи, и въ Германіи были сильно возбуждены національныя чувства. И тамъ, и здѣсь пробудились стремленія къ образованію большихъ политическихъ союзовъ взамѣнъ множества мелкихъ раздробленныхъ государствъ.

Борьба съ государями, державшими своихъ подданныхъ въ невыносимо-тяжелыхъ условіяхъ стараго порядка, стала лозунгомъ передовой интеллигенціи какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. На итальянскомъ полуостровѣ, быть можетъ, подъ вліяніемъ еще средневѣковыхъ традицій и воспоминаній, шедшихъ изъ сѣдой старины, образовались небольшіе тайные кружки такъ

наз. „карбонаріевъ“ или „уголщиковъ“. Во имя осуществленія національнаго объединенія рѣшительно всей Италіи признавались дозволенными всѣ средства вплоть до террора, до убійства изъ-за угла. Такъ какъ приходилось дѣйствовать въ очень тяжелыхъ условіяхъ, то вполнѣ понятно, что кружки карбонаріевъ пріобрѣли окончательно заговорщическій характеръ, окутаны были покровомъ непроницаемой тайны; ихъ планы и предположенія обсуждались въ самой сокровенной обстановкѣ. Карбонарій былъ заговорщикомъ по существу и предполагалъ, что дѣйствіемъ одного человѣка, одной личной волей можно пересоздать существующій политическій строй. Полной противоположностью итальянскому карбонаризму былъ нѣмецкій Тугендбундъ или „союзъ добродѣтели“. Члены этой патріотической организаціи, возникшей вскорѣ послѣ полнѣйшаго униженія Пруссіи Наполеономъ при заключеніи Тильзитскаго мира, предполагали прежде всего сокрушить иноземное французское господство, а затѣмъ уже объединить Германію, привлекши къ филантропической и культурно-просвѣтительной дѣятельности широкія общественныя и народныя массы. Только тогда, когда въ народѣ будетъ подготовлена почва они считали возможнымъ приступить къ дѣлу. Подготовительныя мѣропріятія должны были привести къ установленію государственнаго строя, покоющагося на политическомъ равенствѣ и соціальной справедливости. Входившіе въ составъ Тугендбунда, прежде всего должны были давать клятву, что они освободятъ своихъ крѣпостныхъ, если таковыхъ имѣли, такъ какъ рабовладѣльцы не могли быть участниками этого союза. Въ Тугендбундѣ было значительно меньше таинственности, такъ какъ ему открыто покровительствовали и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III и его министры Штейнъ и Гартенбергъ. Наряду съ этими итальянскими и нѣмецкими образцами не безъ вліянія на русскія тайныя общества конца царствованія Александри I были революціонныя организаціи въ Испаніи и Греціи. Онѣ возникли

въ ближайшее время послѣ 1812 г., когда въ Испаніи усилилась клерикально политическая реакція, а въ Греціи сталъ сильнѣе давать себя чувствовать тяжелый гнетъ турецкаго деспотизма. На Пиринейскомъ полуостровѣ для провозглашенія въ Испаніи конституціонной формы правленія образовались военно-революціонные кружки подъ названіями „Хунтъ" или „Юнтъ," а подготовку греческаго національнаго возстанія взяли на себя тайныя организаціи или „гетеріи," разбросанныя какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и на югѣ Россіи. Подобно гетеристамъ карбонаріи изъ Швейцаріи и Италіи имѣли сношенія съ Польшей и Россіей. Слѣдовательно непосредственное знакомство съ революціонными организаціями Запада было значительнымъ факторомъ въ образованіи у насъ тайныхъ политическихъ обществъ.

Зародившись на почвѣ близкаго знакомства съ явленіями и фактами какъ европейской радикальной публицистики, такъ и европейской политической дѣйствительности, движеніе декабристовъ окрѣпло и окончательно сформировалось въ тотъ моментъ, когда въ Испаніи, въ Италіи и въ Греціи раздался первый рокотъ революціонной волны, смывшей хотя и не надолго старый порядокъ, возстановленный въ этихъ государствахъ въ эпоху реставраціи послѣ Вѣнскаго конгресса. Особенно большой интересъ представляютъ въ этомъ отношеніи показанія самаго крупнаго изъ декабристовъ—Пестеля, сдѣланныя имъ верховной слѣдственной комиссіи послѣ своего ареста въ 1825 г. „Сочиненіе Детю-де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно на меня подѣйствовало; онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному устройству ихъ, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республи-

канскаго правленія. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Происшествія въ Неаполѣ, Испаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины къ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мысли, которыя раздѣляли многіе члены тайнаго общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканецъ и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи".

Итакъ, господа, вы видите, какой сложный процессъ вліяній можно прослѣдить въ идеологической структурѣ декабристскаго движенія. Съ одной стороны политическіе трактаты XVIII в. и начала XIX ст., съ другой—политическіе опыты въ Зап. Европѣ въ связи съ великой французской революціей и образованіе великой заатлантической республики въ сѣверной Америкѣ. Съ третьей стороны, наконецъ, то революціонное возбужденіе, которое охватило южные полуострова Европы въ періодъ реставраціи послѣ Вѣнскаго конгресса. Всѣ эти теченія, сливаясь въ причудливую амальгаму, создавали то революціонное движеніе въ Россіи 20-хъ г.г. XIX в., которое перешло въ исторію съ общимъ наименованіемъ декабризма. Оно не представляетъ изъ себя чего-либо единаго и сплоченнаго: въ немъ много отдѣльныхъ идеологическихъ струй. Но его судьба представляетъ глубокій историческій интересъ, почему я считаю необходимымъ подробно остановить на немъ ваше вниманіе въ слѣдующій часъ.

Лекція V.

Когда мы знакомились съ міровоззрѣніемъ будущихъ членовъ той организаціи, которая привела къ движенію 14 декабря 1825 г., то прежде всего должны констатировать тотъ фактъ, что это движеніе было оторвано отъ широкой народной массы. Оно шло, какъ я указывалъ въ своей вступительной лекціи, подъ распространеннымъ въ то время лозунгомъ: „все для народа, но ничего посредствомъ народа". Такъ же, какъ карбонаріи въ Италіи, члены русскихъ тайныхъ обществъ вѣрили только въ свою личную силу. Они были тѣми революціонерами, которые впослѣдствіи получили названіе бланкистовъ. Они думали, что одной личной волей можно создать новый строй, можно перестроить все, иногда вѣками установленныя отношенія: „найдись у насъ десять человѣкъ истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ, все приняло бы другой видъ" писалъ одинъ изъ декабристовъ, М. Орловъ въ 1819 г.. Другой декабристъ, самый выдающійся дѣятель тайныхъ обществъ, Пестель говорилъ еще болѣе рѣшительно въ 1825 г.: „Народная масса не имѣетъ никакого значенія: она будетъ тѣмъ, чего захотятъ отдѣльныя личности, которыя составляютъ все". Можетъ быть, въ этомъ-то основномъ принципіальномъ положеніи и надо искать причину неудачи тайныхъ обществъ, когда отъ словъ пришлось перейти къ дѣлу.

Другой особенностью декабризма является, по моему мнѣнію, быстрая смѣна тѣхъ организацій, въ которыхъ вырабатывались программныя требованія и выковывались тактическіе лозунги будущихъ участниковъ вооруженнаго возстанія 1825 г. Эта смѣна вызывалась не

какимъ-либо стороннимъ вмѣшательствомъ, а исключительно тѣми треніями, которыя возникали въ средѣ самихъ декабристовъ, тѣми политическими разногласіями, которыя имѣли мѣсто въ этихъ кружковыхъ организаціяхъ. Въ 1816 г. положено было почти одновременно основаніе двумъ тайнымъ политическимъ обществамъ. Молодой, блестящій генералъ Михаилъ Орловъ вмѣстѣ съ сыномъ Екатерининскаго фаворита гр. Дмитріевымъ-Мамоновымъ подъ вліяніемъ старыхъ масонскихъ традицій задумали организовать общество русскихъ рыцарей, а гвардейскій полковникъ Александръ Муравьевъ съ нѣсколькими другими офицерами устроилъ общество подъ названіемъ „Союзъ Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества". Первое изъ этихъ обществъ полу-мистическое и полу-политическое не отлилось въ сколько нибудь законченную форму, зато второму суждено было сыграть крупную историческую роль. Первоначально у „союза спасенія" сколько-нибудь опредѣленной политической цѣли не было; нѣкоторые изъ его членовъ даже были увѣрены, что главной своей задачей онъ ставитъ противодѣйствіе наплыву и успѣху иностранцевъ на русской службѣ, но безспорно, что главной его цѣлью по идеѣ основателей было стремленіе къ политическимъ и соціальнымъ преобразованіямъ. Въ такомъ, нѣсколько безформенномъ положеніи просуществовалъ „союзъ спасенія" нѣкоторое время, пока въ него не вошелъ Пестель, безспорно самый талантливый и энергичный изъ всѣхъ декабристовъ. Въ январѣ 1817 г. Пестелемъ уже былъ составленъ для „союза спасенія" уставъ, въ которомъ ставились вполнѣ опредѣленныя цѣли чисто политическаго характера. Онѣ заключались въ достиженіи конституціонной формы правленія въ Россіи. Организація же для „союза" была заимствована Пестелемъ у итальянскихъ карбонаріевъ. Этотъ выборъ былъ подсказанъ личными свойствами Пестеля, о которомъ до насъ дошли самые восторженные отзывы. Онъ обладалъ не только громаднымъ творческимъ умомъ, но и властнымъ темпе-

раментомъ; это былъ человѣкъ желѣзной воли и колоссальнаго честолюбія, которыя были, повидимому, у него главными движущими пружинами на ряду съ искреннимъ и сильнымъ стремленіемъ къ общему благу. Однимъ словомъ, Пестель воплощалъ въ себѣ политическаго дѣятеля вполнѣ якобинскаго типа, склоннаго къ неумолимой централизаціи и къ самымъ безпощаднымъ мѣрамъ. Вотъ почему онъ и выработалъ чисто карбонарскій уставъ и убѣдилъ другихъ членовъ союза принять его полностью. При вступленіи, новые члены должны были давать самыя ужасныя клятвы; всѣ члены союза не пользовались одинаковыми правами и распредѣлялись по различнымъ разрядамъ. Во главѣ общества должны были стоять „бояре"—руководители, которые остальнымъ членамъ не были даже извѣстны. Вторая категорія называлась „мужами"; ей по крайней мѣрѣ былъ извѣстенъ уставъ общества. Но третьему разряду членовъ, такъ наз. „братьямъ" невѣдомы были ни уставъ, ни цѣли общества, и они должны были слѣпо повиноваться тайнымъ руководителямъ этой конспиративной организаціи. Наконецъ была еще четвертая категорія, правда не членовъ, но лицъ, сочувствующихъ союзу: такъ назыв. „друзья", которые могли лишь вноситься въ списки, иногда даже безъ освѣдомленія ихъ объ этомъ и представляли матеріалъ для рекрутированія будущихъ „братьевъ". Противъ этихъ якобинскихъ тенденцій всего устава началась довольно скоро среди членовъ союза оппозиція, которая особенно усилилась въ 1818 г. съ отъѣздомъ Пестеля изъ Петербурга въ мѣстечко Тульчинъ Подольской губерніи, въ штабъ квартиру 2-й арміи. Подъ вліяніемъ Михаила Муравьева и его единомышленниковъ былъ составленъ новый уставъ по образцу нѣмецкаго „тугендбунда", а самое общество въ 1818 г. было переименовано въ „союзъ благоденствія".

Члены этого союза должны были „подвизаться на пользу общую, поддерживать всѣ благія мѣры правительства и полезныя частныя предпріятія, препятство-

вать всякому злу и для того обличать злоупотребленія чиновниковъ и безчестные поступки частныхъ лицъ". Никакой конспираціи въ немъ не было. Какъ вы видите, по своимъ основнымъ цѣлямъ новое тайное общество являлось учрежденіемъ вполнѣ благонамѣреннымъ, и не мудрено, что члены его дѣйствовали почти открыто. А правительство никакихъ репрессивныхъ мѣръ въ отношеніи „союза благоденствія" не предпринимало. При отсутствіи какихъ бы то ни было заговорщическихъ цѣлей „союзъ благоденствія" имѣлъ характеръ культурно-просвѣтительнаго общества; его члены группировались въ отдѣлы, называвшіеся управами. Во главѣ этихъ управъ стояла петербургская коренная управа съ выборнымъ кореннымъ совѣтомъ. Уставъ „союза благоденствія" или такъ наз. „зеленая книга" никакой тайной окруженъ не былъ и извѣстенъ былъ всѣмъ его членамъ. Дѣятельность „союза" разбивалась по слѣдующимъ четыремъ отраслямъ: 1) Филантропическая; она сводилась главнымъ образомъ къ мѣрамъ, направленнымъ къ улучшенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что „зеленая книга" прямо вмѣняла въ обязанность членамъ союза „благожелательное отношеніе къ своимъ крестьянамъ". 2) Просвѣтительная; она выражалась преимущественно въ учрежденіи такъ наз. „ланкастерскихъ" школъ, построенныхъ на принципѣ взаимнаго обученія. 3) Судебная; она ставила себѣ цѣлью улучшеніе правосудія въ Россіи путемъ разработки проектовъ коренной реорганизаціи суда. 4) Экономическая; ея дѣятельность выражалась въ заботахъ объ улучшеніи хозяйственнаго и финансоваго положенія Россіи, которыя осуществлялись прежде всего посредствомъ изданія соотвѣтственныхъ сочиненій.

Хотя число членовъ „союза благоденствія" возрастало, но весьма многихъ изъ нихъ его дѣятельность не удовлетворяла. Въ связи съ усилившимся правительственнымъ гнетомъ чувствовалась потребность въ созданіи новой, чисто революціонной организаціи. Конечно, по-

литическими вопросами члены „союза благоденствія“ не переставали интересоваться, но офиціально, по его уставу, эти чисто политическіе интересы не входили въ кругъ цѣлей и задачъ всего общества. Чтобы показать вамъ, въ какую сторону склонялись политическія симпатіи лицъ, стоявшихъ во главѣ „союза“, я считаю не лишнимъ ознакомить васъ съ однимъ изъ засѣданій „коренной думы“, происходившемъ въ Петербургѣ въ 1820 г. По заслушаніи доклада Пестеля „о выгодахъ и невыгодахъ, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія“, открыты были пренія, послѣ чего постановлено было, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента. Каждый при этомъ заявлялъ о причинахъ своего выбора. Когда же дѣло дошло до Николая Тургенева, то онъ рѣшительно заявилъ: „президентъ безъ дальнихъ толковъ“. Одинъ только Глинка, на квартирѣ котораго происходило это засѣданіе, говорилъ во время преній въ пользу монархическаго строя. Въ заключеніе всѣ единогласно высказались за республиканскую форму правленія. Такимъ образомъ, виднѣйшіе изъ декабристовъ еще за пять лѣтъ до возстанія были полными сторонниками республиканизма. Поэтъ Рылѣевъ, одинъ изъ вождей „союза благоденствія“, нерѣдко говорилъ, что въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни истинныхъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи, гдѣ опытъ 1812 г. служитъ лучшимъ доказательствомъ, что революція наша въ отличіе отъ Неаполя, Пьемонта и даже Испаніи не можетъ быть прекращена чужеземною силою“. Рылѣевъ, слѣдовательно, мечталъ о республикѣ и былъ увѣренъ въ томъ, что въ Россіи политическая свобода сумѣетъ пустить глубокіе и прочные корни.

До тѣхъ поръ, пока правительство не преслѣдовало тайныя организаціи, пока существовали въ Россіи ма-

сонскія ложи, можно было проводить въ жизнь идеи союза подъ флагомъ масонства. Но въ 1820 г. послѣдовалъ рядъ событій, въ результатѣ которыхъ рѣшено было закрыть „союзъ благоденствія.“ Въ перечнѣ этихъ событій первое мѣсто занимаетъ возмущеніе въ Семеновскомъ полку. Оно вызвано было безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ солдатами его командира полковника Шварца, отлилось въ мирную форму пассивнаго протеста и привело въ концѣ-концовъ къ тому, что весь Семеновскій полкъ сперва былъ заключенъ въ крѣпость, а затѣмъ раскассированъ, причемъ его офицеры и солдаты составили въ различныхъ частяхъ арміи превосходные кадры революціонной пропаганды и общаго недовольства. Не слѣдуетъ опускать изъ вида, что среди офицеровъ раскассированнаго Семеновскаго полка было много членовъ „союза благоденствія“. Вторымъ обстоятельствомъ было рѣзко-оппозиціонное настроеніе второго польскаго сейма, отвергшаго въ 1820 г. почти всѣ внесенные въ него правительствомъ законопроекты. Къ этому, наконецъ, присоединилось усиленіе революціоннаго движенія въ Италіи, по поводу чего созванъ былъ даже спеціальный международный конгрессъ въ Лайбахѣ. Все это заставило Александра I поставить семеновскую исторію въ тѣсную связь съ дѣятельностью тайныхъ обществъ и въ частности масонскихъ ложъ; на всѣ вообще общественныя организаціи объявлено было гоненіе, а въ 1822 г. офиціально было предписано повсемѣстно въ Россіи закрыть масонскія ложи.

Для того, чтобы не навлекать на себя подозрѣнія, коренной совѣтъ „союза благоденствія“ рѣшилъ созвать въ январѣ 1821 г. въ Москвѣ съѣздъ представителей всѣхъ мѣстныхъ управъ и объявить на немъ „союзъ“ окончательно закрытымъ. Хотя нѣкоторые изъ членовъ и протестовали, но постановленіе о прекращеніи дѣятельности союза благоденствія было принято, причемъ Николай Тургеневъ, предсѣдательствовавшій въ большинствѣ этихъ московскихъ совѣщаній, даже циркулярно оповѣстилъ объ этомъ всѣхъ членовъ. Тѣмъ

не менѣе, въ томъ же 1821 г. на развалинахъ „союза благоденствія“ возникло два новыхъ тайныхъ общества, уже значительно болѣе конспиративнаго и революціоннаго характера. Первое изъ нихъ образовалось на югѣ, въ Тульчинѣ и во главѣ его стали Пестель съ Юшневскимъ, а второе было учреждено въ Петербургѣ Никитой Муравьевымъ и кн. Трубецкимъ. Съ этими двумя обществами и приходится имѣть прежде всего дѣло, когда мы изучаемъ декабризмъ, какъ одно изъ наиболѣе раннихъ политическихъ теченій въ исторіи русской общественной мысли. Здѣсь то, въ этихъ южномъ и сѣверномъ тайныхъ обществахъ зрѣли тѣ проекты коренныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій Россіи, которые отражаютъ въ себѣ конституціонно - либеральную и радикально - республиканскую идеологію той эпохи. Кромѣ того въ 1823 г. возникло, внѣ всякаго вліянія Союза Благоденствія, на югѣ, во 2-ой арміи общество Соединенныхъ Славянъ, основателями котораго были братья Борисовы, Горбачевскій и нѣкоторые другіе офицеры. Слѣдовательно къ концу царствованія Александра I въ Россіи существовало уже нѣсколько тайныхъ политическихъ обществъ, объединявшихъ вокругъ себя наиболѣе энергичныхъ и образованныхъ представителей гвардейской и армейской военной молодежи. Изъ донесенія верховной слѣдственной комиссіи по дѣлу о возстаніи 14 декабря 1828 г. видно, что 47% участниковъ этого движенія получили образованіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того многіе изъ декабристовъ, не пройдя военной школы, по своему положенію принадлежали къ гвардейской или армейской средѣ. Такимъ образомъ декабризмъ, какъ революціонное теченіе, окрашенъ прежде всего чисто-военнымъ колоритомъ, онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ прежде всего гвардейскимъ офицерскимъ кругамъ. Однако революціонное движеніе, приведшее въ конечномъ итогѣ къ возстанію 14 декабря 1825 г., отнюдь не похоже на гвардейскіе перевороты XVIII в.; тѣ, какъ я уже имѣлъ случай указывать вамъ, были

чисто сословными революціями, выдвигавшими и разрѣшавшими узко-дворянскія задачи. Декабрьское же возстаніе ставило цѣли общенаціональныя и стремилось достичь ихъ во имя общаго блага всего русскаго народа.

Разсматривая идейное содержаніе декабризма, мы прежде всего должны отрѣшиться отъ представленія о немъ, какъ о чемъ то единомъ и цѣльномъ. Въ немъ можно намѣтить прежде всего двѣ основныя струи: одна изъ нихъ направляется въ сторону разрѣшенія соціальныхъ проблемъ, другая выдвигаетъ на первый планъ вопросы политическаго характера. Но и вторая струя—политическая дробится въ свою очередь на 3 теченія: одно,—болѣе умѣренное, имѣетъ своимъ идеаломъ конституціонно монархическую форму правленія; другое, болѣе крайнее, стремится къ учрежденію централизованной республики; и, наконецъ, третье, занимающее промежуточное между ними мѣсто, пытается разрѣшить политическій вопросъ въ плоскости республиканско-федеративной.

Соціальная струя нашла себѣ наиболѣе яркое отраженіе въ извѣстномъ сочиненіи Николая Тургенева „Россія и русскіе", вышедшемъ въ свѣтъ въ 1847 г. Тургеневъ полагалъ, что главной, основной задачей русской жизни является отмѣна крѣпостного права. Онъ готовъ былъ даже поддерживать абсолютную власть, видя въ ней средство для уничтоженія дворянскихъ привилегій. Только тогда, когда крестьяне получатъ свободу, можно будетъ, по его словамъ, помышлять о введеніи конституціи. Составляя проэктъ освобожденія крестьянъ, Тургеневъ надѣлялъ ихъ только усадебной землей по одной десятинѣ на душу или по 3 десятины на дворъ, но ни за личность крестьянина, ни за его усадьбу помѣщики никакого вознагражденія не получали, У Тургенева среди членовъ Сѣвернаго общества было немало единомышленниковъ, выдвигавшихъ на первый планъ реформу соціальную. Такъ, напр., прапорщикъ Тучковъ на одномъ изъ засѣданій сказалъ: „мы говоримъ о конституціи для Россіи, а

между тѣмъ не видимъ еще примѣра фермы для воздѣлыванія земли свободными людьми".

Переходя къ той струѣ декабризма, которую я назвалъ политической, я остановлю ваше вниманіе на слѣдующихъ трехъ проектахъ: на конституціи Никиты Муравьева, „Русской Правдѣ" Пестеля и на проектѣ славянской федераціи Петра Борисова. Прежде всего позвольте вскрыть тѣ вліянія, подъ которыми складывались эти планы коренного государственнаго переустройства Россіи. Политическое міровоззрѣніе Никиты Муравьева сочетало въ себѣ основныя положенія двухъ конституцій: Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и французской 1791 г. Изъ первой Муравьевъ заимствовалъ принципъ федерализма и ученіе объ организаціи верховнаго управленія, изъ второй онъ взялъ декларацію правъ человѣка и гражданина, а также положеніе, что политическія права гражданъ опредѣляются имущественнымъ цензомъ. На Пестеля главное вліяніе оказалъ якобинизмъ, поскольку онъ отразился въ дѣятельности французскаго конвента и республиканской конституціи 1793 г. Проектъ Петра Борисова складывался, по всему вѣроятію, съ одной стороны подъ воздѣйствіемъ такъ наз. національнаго романтизма, съ другой стороны, безспорно, подъ вліяніемъ американской федеральной конституціи. Позвольте теперь, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейти къ характеристикѣ политическихъ взглядовъ Муравьева, Пестеля и Борисова.

Лекція VI.

По конституціи Муравьева главнымъ условіемъ пользованія политическими правами является личная независимость. Выборы въ палату представителей—прямые, но для крестьянъ—двухстепенные, причемъ избирательными правами обладаютъ только тѣ крестьяне, которые имѣютъ землю въ общинномъ владѣніи. Крѣпостное право и рабство отмѣняются, но такъ какъ владѣльческіе крестьяне получали при освобожденіи только дома съ огородами, то гражданскими правами они не пользовались. Муравьевъ провозглашаетъ свободу устнаго и печатнаго слова, равенство всѣхъ передъ судомъ и закономъ, упраздненіе чиновъ и сословій и свободу совѣсти. Въ политическомъ отношеніи Муравьевъ всю Россію, за исключеніемъ Царства Польскаго, дѣлитъ на 13 державъ и 2 области. Законодательную власть онъ вручаетъ народному вѣчу изъ 2 палатъ—верховной думы и палаты народныхъ представителей. Избирателями могутъ быть лица, владѣющія имуществомъ недвижимымъ стоимостью въ 5000 р. или движимымъ въ 10.000 р. Крестьяне же избираютъ сперва выборщиковъ по одному на каждые 500 чел. мужск. пола, которые затѣмъ участвуютъ въ выборахъ наравнѣ со всѣми прочими избирателями. Въ палату представителей выбираются депутаты по одному на каждые 50.000 жителей мужск. пола. Въ верховную думу входятъ 42 представителя по избранію правительственныхъ учрежденій всѣхъ державъ и областей т. е. въ соединенныхъ засѣданіяхъ державной думы и палаты выборныхъ. Членами нижней палаты народнаго вѣча могли быть лица безъ всякаго имущественнаго ценза, но засѣдать въ верховной думѣ

имѣли право лишь лица, владѣвшія имуществомъ въ 30.000 р. недвижимымъ, и въ 60.000 р. движимымъ. Верховная дума вмѣстѣ съ императоромъ рѣшаетъ вопросы о заключеніи мира, назначеніи судей „верховныхъ судебныхъ мѣстъ“, главныхъ военныхъ и морскихъ начальниковъ. Ей же принадлежитъ право лишать должностей министровъ и другихъ сановниковъ, если противъ нихъ палата представителей возбудитъ обвиненіе, послѣ чего предавать ихъ обычному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Всякое предложеніе о новомъ налогѣ или военномъ наборѣ вносится сперва въ палату представителей, а затѣмъ, по принятіи его обѣими палатами народнаго вѣча, утверждается императоромъ. Въ случаѣ несогласія императора, законопроекты вновь разсматриваются народнымъ вѣчемъ, и если обѣ палаты большинствомъ $^2/_3$ голосовъ останутся при прежнемъ рѣшеніи, то проектъ получаетъ силу закона даже безъ согласія монарха. Народное вѣче обязательно должно быть ежегодно созываемо, засѣданія обѣихъ его палатъ публичны и депутаты не подлежатъ отвѣтственности за рѣчи, произнесенныя на этихъ засѣданіяхъ.

Власть монарха Муравьевъ старается ограничить какъ можно сильнѣе. Такъ, народное вѣче устанавливаетъ налоги, рѣшаетъ вопросы о займахъ, принимаетъ бюджетъ не болѣе, какъ на два года, объявляетъ войну, издаетъ законъ о „всепрощеніи“. Цивильный листъ императора и членовъ его семьи опредѣляется въ 2 милліона рублей. Придворные не считаются находящимися на общественной службѣ и получаютъ вознагражденіе изъ личныхъ средствъ императора.

Вообще монархъ по конституціи Муравьева, ничѣмъ не отличается отъ президента республики за исключеніемъ лишь пожизненности и наслѣдственности своего званія. Каждая держава пользуется довольно широкой автономіей; ея правительственныя собранія состоятъ также изъ 2 палатъ: „палаты выборныхъ“ и „думы“. Онѣ устанавливаютъ налоги на мѣстныя потребности

и издаютъ постановленія въ сферѣ своего внутренняго управленія. Правители державъ, члены державныхъ думъ и судовъ могли избираться только изъ среды лицъ съ имущественнымъ цензомъ въ 30000 и 60000 р. Для палаты же выборныхъ были тѣ же условія, что и для нижней палаты народнаго вѣча. Учредительная власть для пересмотра конституціи или составленія новой поручалась спеціально созываемому народному собору. Для разсмотрѣнія выработаннаго имъ проекта созываются областные соборы по всѣмъ державамъ, которые большинствомъ 2/3 голосовъ принимаютъ или отвергаютъ проэктъ, не имѣя права дѣлать новыя предложенія. Затѣмъ, большинствомъ 2/3 всѣхъ поданныхъ на этихъ соборахъ голосовъ, рѣшается судьба проэкта конституціи. Въ этомъ опять сказывается вліяніе Сѣверо-Американской конституціи. Наиболѣе слабымъ мѣстомъ этого политическаго проэкта Муравьева несомнѣнно является непомѣрно высокій имущественный цензъ для полученія гражданскихъ и политическихъ правъ, что придавало рѣзко выраженный буржуазный характеръ. Но чего-либо специфически дворянскаго въ немъ не было, тѣмъ болѣе, что крѣпостное право должно было быть отмѣнено въ первую очередь и притомъ безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ.

Какимъ же путемъ думалъ Муравьевъ провести въ жизнь свою конституцію? Онъ предполагалъ: 1) распространить ее во множествѣ экземпляровъ „между всѣми состояніями людей“; 2) вызвать въ войскѣ возстаніе и обнародовать конституцію; 3) по мѣрѣ успѣховъ военныхъ приступить къ созыву избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, учрежденію областныхъ палатъ, а въ случаѣ „великихъ успѣховъ“ и народнаго вѣча; 4) если бы и тогда императорская фамилія не согласилась на введеніе конституціи, то ее слѣдуетъ изгнать и предложить установленіе республики. Слѣдовательно въ конечномъ итогѣ Никита Муравьевъ былъ не только республиканцемъ, но и революціонеромъ.

Гораздо болѣе послѣдовательнымъ демократомъ былъ Пестель. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что главное стремленіе XIX в. состоитъ въ борьбѣ между народными массами и „всякаго рода аристократіями", какъ на богатствѣ, такъ и на наслѣдственныхъ правахъ основанными. Такимъ образомъ Пестель относился отрицательно не только къ поземельной аристократіи, но и къ крупной буржуазіи. Главнымъ политическимъ трудомъ Пестеля была его „русская правда" или наказъ будущему „верховному правленію". Предоставляя Польшѣ независимое существованіе, всю остальную Россію онъ хотѣлъ видѣть единой и нераздѣльной. Финляндія, по его проекту, никакой автономіи не получала. Самую независимость Польши Пестель связывалъ съ двумя условіями: 1) она должна ввести у себя такое же республиканское устройство, какъ и Россія и 2) назначеніе и выборъ всѣхъ должностныхъ лицъ въ обоихъ государствахъ должны происходить на одинаковыхъ демократическихъ основаніяхъ. Въ самой Россіи всѣ сословныя права какъ дворянъ, такъ и гильдейскихъ купцовъ уничтожаются, крѣпостные получаютъ освобожденіе, причемъ уничтоженіе крѣпостного права вмѣняется „въ священнѣйшую и непремѣннѣйшую обязанность" временнаго правительства. Все населеніе, не исключая и городского, распредѣляется по волостямъ. Всѣ земли въ волостяхъ дѣлятся на 2 равныя части, причемъ одна часть остается во владѣніи крестьянскихъ селеній или въ собственности частныхъ лицъ, а другая поступаетъ въ собственность государства. При обращеніи частной собственности въ общественныя или казенныя земли Пестель допускалъ вознагражденіе лишившимся своей земли отъ казны денежною платой или отводомъ участка одинаковой цѣнности. Общественная земля должна быть раздѣлена на такіе участки, чтобы каждый изъ нихъ могъ давать средства къ жизни для мужа, жены и троихъ дѣтей. Участки должны раздаваться въ пользованіе членамъ волости на одинъ годъ; каждый имѣетъ право требовать сколько угодно участковъ, если же

нельзя удовлетворить всѣ требованія, то предпочтеніе должно быть оказано людямъ болѣе бѣднымъ. Только по приговору суда, или по постановленію всей волости можно было гражданъ лишить права на землю за совершенное преступленіе или за развратное поведеніе. Въ этой аграрной части своего проэкта Пестель былъ склоненъ къ частичной націонализаціи земли и находился подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ коммунистическихъ сочиненій XVIII в. въ томъ числѣ „общественнаго договора“ Руссо и трактатовъ Мабли. Что касается выборовъ въ народное вѣче, т. е. въ законодательную палату, то они построены по двухстепенной системѣ, причемъ никакого ценза, какъ для избирателей, такъ и для депутатовъ не требуется. Законодательная власть поручалась народному вѣчу, „верховно-исполнительная“ державной думѣ, а власть блюстительная—верховному собору. Члены народнаго вѣча избираются на 5 лѣтъ, но ежегодно 1/5 часть замѣняется вновь избранными.

Кромѣ законодательной дѣятельности, народное вѣче имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ. Основные законы или, какъ ихъ Пестель называетъ, „завѣтные“ прежде своего вступленія въ силу обнародываются и предлагаются на „сужденіе всей Россіи“, т. е. ставятся на референдумъ. Народное вѣче никѣмъ кромѣ его самого распущено быть не можетъ. Державная дума состоитъ изъ пяти лицъ, избранныхъ народнымъ вѣчемъ на 5 лѣтъ, изъ кандидатовъ, предложенныхъ губерніями, причемъ ежегодно одинъ изъ ея членовъ выбываетъ по жребію и замѣняется вновь избраннымъ. Державная дума ведетъ войну, но не объявляетъ ея, ведетъ переговоры о мирѣ, но не заключаетъ его. Всѣ министерства и другія учрежденія состоятъ подъ начальствомъ державной думы. Верховный соборъ, состоящій изъ 120 пожизненныхъ членовъ, утверждаетъ законы, принятые народнымъ вѣчемъ, наблюдая при этомъ за тѣмъ, чтобы были соблюдены всѣ формальности ихъ обсужденія и принятія. Слабой стороной

соціально-политическихъ взглядовъ Пестеля была склонность къ централизаціи и національной нивеллировкѣ. Характернымъ для всего его чисто якобинскаго міровоззрѣнія является сужденіе о политическихъ обществахъ въ будущемъ россійскомъ республиканскомъ государствѣ. Пестель высказывался противъ нихъ, говоря, что если они будутъ преслѣдовать одинаковыя съ правительствомъ цѣли, то ихъ существованіе будетъ излишнимъ, если же они будутъ разрѣшать задачи, идущія въ разрѣзъ съ видами правительства, то въ такомъ случаѣ они явятся безусловно вредными. Весь государственный и общественный переворотъ долженъ былъ быть по проэкту Пестеля произведенъ диктаторіально, властью временнаго верховнаго правленія, которое должно было стоять во главѣ Россіи съ неограниченными полномочіями въ теченіе по крайней мѣрѣ 10 лѣтъ.

Теперь намъ слѣдуетъ ознакомиться съ предположеніями „общества соединенныхъ славянъ“, учредителемъ и вдохновителемъ котораго былъ П. И. Борисовъ. По запискамъ одного изъ его основателей, декабриста Горбачевскаго, общество имѣло главной цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластія; уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами Союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Слѣдовательно общество ставило себѣ задачи федеративно-республиканскаго характера или, какъ заявилъ Борисовъ на слѣдствіи, стремилось къ тому, чтобы учредить „федеративный союзъ славянскихъ поколѣній, „подобный греческому, но гораздо его

совершеннѣе". Переходя къ тактическимъ вопросамъ, какъ они ставились и разрѣшались въ обществѣ соединенныхъ славянъ, я долженъ повторить то, о чемъ уже говорилъ раньше: это общество занимало промежуточное положеніе между сѣвернымъ и южнымъ. По словамъ Горбачевскаго, „славяне" были убѣждены, что „никакой переворотъ не можетъ быть успѣшенъ безъ согласія и содѣйствія цѣлой націи; посему прежде всего должно приготовить народъ къ новому образу гражданскаго существованія и потомъ уже дать ему оный; народъ не иначе можетъ быть свободнымъ, какъ сдѣлавшись нравственнымъ, просвѣщеннымъ и промышленнымъ. Хотя военныя революціи быстрѣе достигаютъ цѣли, но слѣдствія оныхъ опасны: онѣ бываютъ не колыбелью, а гробомъ свободы, именемъ которой совершаются". Подобно членамъ союза благоденствія „славяне", убѣжденные въ томъ, что ихъ надежды на переворотъ не могутъ скоро осуществиться ставили себѣ слѣдующія ближайшія цѣли: 1) „положили опредѣлить нѣкоторую часть общественной суммы на выкупъ крѣпостныхъ людей", 2) старались „заводить или содѣйствовать заведенію небольшихъ сельскихъ и деревенскихъ училищъ", 3) внушали „крестьянамъ и солдатамъ необходимость познанія правды и любовь къ исполненію обязанностей гражданина" и возбуждали такимъ образомъ въ нихъ желаніе измѣнить унизительное состояніе рабства. Тѣмъ не менѣе славянскій союзъ, несмотря на такія чисто культуртрегерскія и мирно пропагандистскія намѣренія, все же, носилъ на себѣ отпечатокъ нѣкоторой воинственности. Онъ не былъ чуждъ заговорщической обстановкѣ „союза спасенія" и тѣмъ уставнымъ правиламъ, которыя положены были Пестелемъ въ основу дѣятельности южнаго общества. Объ этой сторонѣ въ организаціи общества соединенныхъ славянъ узнаемъ все изъ тѣхъ же любопытныхъ записокъ Горбачевскаго. „Страшная клятва, обязывающая членовъ онаго посвящать всѣ мысли, всѣ дѣйствія благу и свободѣ своихъ единоплеменниковъ и жертво-

вать всей жизнью для достиженія сей цѣли, произносилась на оружіи; отъ однихъ своихъ друзей, отъ одного оружія „славяне“ ожидали исполненія своихъ желаній; мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вкоренена въ ихъ сердца, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: „обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія“. Таковы были, въ общихъ чертахъ, наиболѣе существенныя теченія въ декабризмѣ. Были, конечно, и другіе проэкты какъ демократическаго, такъ и аристократическаго характера, но ихъ изложеніемъ я не буду затруднять вашего вниманія.

Теперь позвольте перейти къ эпилогу всего движенія, къ тому, какъ подготовлено и осуществлено было возстаніе 14 декабря. Въ виду того, что декабристы были людьми по преимуществу военными, они болѣе всего склонялись къ мысли о вооруженномъ возстаніи. Организацію возстанія они предполагали начать съ 1826 г., но дѣйствовать пришлось гораздо раньше потому, что вопросъ о реформѣ оказался тѣсно сплетеннымъ съ вопросомъ о перемѣнѣ царствованія. Осенью 1825 г. Александръ I отправился со своей больной супругой, Елизаветой Алексѣевной, на югъ въ Таганрогъ, гдѣ императрица должна была лечиться, но во-время путешествія по Крыму Александръ простудился, получилъ лихорадку, которая свела его въ могилу 19 ноября 1825 г. Послѣ смерти государя при существованіи закона о престолонаслѣдіи немедленно вступаетъ въ его права наслѣдникъ. Такимъ наслѣдникомъ при отсутствіи сыновей у Александра былъ его слѣдующій по старшинству братъ в. к. Константинъ Павловичъ, который въ это время, въ качествѣ намѣстника царства Польскаго, жилъ въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ же находилась вдовствующая императрица Марія Федоровна и остальные члены императорской фамиліи съ в. в. кн. Николаемъ и Михаиломъ Павловичами во главѣ. Во-

просъ осложнялся тѣмъ, что Константинъ женатъ былъ на подданной полькѣ Грудзинской, получившей послѣ брака титулъ княгини Ловичъ, и вслѣдствіе этого давно уже отказался отъ своихъ правъ на престолъ, такъ какъ по закону 1796 г. члены императорской фамиліи, женатые на лицахъ, не принадлежащихъ къ владѣтельнымъ фамиліямъ, не могутъ наслѣдовать престола. 16 августа 1823 г. отреченіе Константина Павловича было оформлено, составленъ былъ по этому поводу манифестъ, который почему то не сочли нужнымъ тогда же опубликовать. Въ четырехъ экземплярахъ онъ былъ положенъ въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ и въ Петербургѣ въ государственномъ совѣтѣ, сенатѣ и синодѣ въ запечатанныхъ конвертахъ съ такой собственноручной надписью Александра I: „хранить до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія“. Наслѣдникомъ престола назначался слѣдующій по старшинству—великій князь Николай, самъ почти совершенно не освѣдомленный о содержаніи этого манифеста. Ему только, какъ-то лѣтомъ 1819 г., на маневрахъ императоръ Александръ сообщилъ, что самъ онъ намѣренъ вскорѣ отказаться отъ престола, что братъ Константинъ не имѣетъ склонности къ дѣламъ правленія и что такимъ образомъ все бремя государственной власти ляжетъ на него, в. к. Николая. Но кромѣ этого бѣглаго разговора дальнѣйшихъ бесѣдъ о престолонаслѣдіи у в. к. Николая ни съ имп. Александромъ, ни съ цесаревичемъ Константиномъ не было.

Какъ только Александръ скончался, немедленно была послана эстафета въ Варшаву и Петербургъ. Въ Варшавѣ и въ предѣлахъ всего царства Польскаго по распоряженію Константина Павловича всѣ присягнули на вѣрность новому императору Николаю. Во всей же остальной Россіи и войска, и жители приведены были къ присягѣ на имя Константина. Вы спросите, почему не былъ вскрытъ манифестъ объ отреченіи,—этому воспротивился в. к. Николай, не желая нарушать

правъ своего старшаго брата. Такимъ образомъ одновременно въ Россiи на лицо было 2 власти, 2 монарха, устанавливалось какъ бы двоевластiе и вмѣстѣ съ тѣмъ междуцарствiе, такъ какъ ни та, ни другая власть не признавала своихъ правъ и въ результатѣ, вплоть до 13 декабря 1825 г. шли переговоры между Петербургомъ и Варшавой. Когда окончательно выяснилось, что Константинъ ни въ коемъ случаѣ не беретъ назадъ своего отреченiя, рѣшено было, что власть переходитъ къ Николаю. Войска и подданные, которые только что присягали Константину, должны были 14 декаб. быть приведены къ присягѣ на вѣрность новому императору Николаю. Конечно, всѣ эти факты, окруженные полной неизвѣстностью,—и самое отреченiе Константина, и таинственное составленiе манифеста, и упорное нежеланiе цесаревича для личныхъ переговоровъ прибыть въ Петербургъ—должны были возбуждать различные толки среди населенiя. Николай былъ за свой суровый и жестокiй нравъ чрезвычайно непопуляренъ среди жителей столицы, а особенно въ войскахъ Петербургскаго гарнизона, однимъ изъ бригадныхъ генераловъ котораго онъ состоялъ. Всѣмъ этимъ и рѣшили воспользоваться члены Сѣвернаго общества. Правительственные круги съ Николаемъ во главѣ въ ночь съ 13 на 14 декабря находились въ нѣкоторомъ смущенiи, т. к. было уже извѣстно о существованiи какихъ то тайныхъ политическихъ организацiй. О южномъ обществѣ сдѣланы были доносы еще Александру I капитаномъ Майбородой и унтеръ-офицеромъ Шервудомъ, а о томъ, что 14 декабря готовится въ Петербургѣ военный заговоръ, стало извѣстно Николаю черезъ офицера Ростовцева, не сообщившаго ему, однако, именъ заговорщиковъ. Александръ своевременно не распорядился о производствѣ слѣдствiя во 2 армiи, а донесенiе Ростовцева послѣдовало лишь 13 декабря. Такимъ образомъ тайныя общества могли дѣйствовать почти совершенно свободно. Конечно, намѣренiе посредствомъ вооруженнаго возстанiя произвести политическiй пере-

воротъ въ Россіи было заранѣе обречено на полную неудачу. Въ Сѣверномъ обществѣ, которое собственно и задумало дѣйствовать, было слишкомъ мало членовъ, а на поддержку въ войскахъ они могли мало разсчитывать, т. к. сколько-нибудь широкой пропаганды среди солдатъ не велось. Въ результатѣ всего, 14 дек. только части 3-хъ гвардейскихъ полковъ отказались присягать новому императору. И въ количествѣ не болѣе 2000 чел. столпились на Сенатской площади вокругъ памятника Петру Великому, давъ возможность на глазахъ населенія окружить себя остальными войсками, оставшимися вѣрными правительству. Возставшіе обнаружили сперва большую стойкость и не сдались на увѣщанія митрополита Серафима, в. к. Михаила и генералъ-губернатора гр. Милорадовича, изъ которыхъ послѣдній былъ даже убитъ. Но когда было сдѣлано нѣсколько залповъ картечью, послѣдовало замѣшательство, ряды возставшихъ дрогнули и побѣжали, оставивъ на площади нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ. Всѣ члены Сѣвернаго общества были захвачены и арестованы. Послѣ того какъ начались аресты и въ южномъ обществѣ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ сдѣлалъ попытку, въ самомъ началѣ января 1826 г., поднять возстаніе въ Черниговскомъ полку въ Васильковѣ подъ Бѣлой церковью, но и это возстаніе оказалось неудачнымъ. Такъ открытъ былъ заговоръ противъ существующаго государственнаго строя. Началось слѣдствіе, дѣятельное участіе въ которомъ принималъ самъ Николай. Въ результатѣ пятеро изъ декабристовъ, а именно Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, Бестужевъ-Рюминъ и Муравьевъ-Апостолъ были казнены, а остальные участники заговора въ количествѣ 120 человѣкъ, по лишеніи всѣхъ правъ, распредѣлены были по категоріямъ и отправлены одни на каторгу, другіе въ Сибирь на поселеніе, а третьи заключены были въ крѣпость. Нѣкоторые, менѣе виновные, разжалованы были въ солдаты и отправлены въ дѣйствующую армію на Кавказъ.

Что же, сами участники вооруженнаго заговора 14 дек. 1825 г. разсчитывали на успѣхъ своего дѣла или нѣтъ? У насъ въ рукахъ имѣется цѣлый рядъ данныхъ, доказывающихъ, что декабристы были увѣрены въ своей неудачѣ. Такъ, напр. кн. Оболенскій поздно вечеромъ 13 декабря, прощаясь съ друзьями говорилъ: „Мы погибнемъ, но какою славною смертью". А Рылѣевъ за нѣсколько мѣсяцевъ до возстанія, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній—„Наливайко", прекрасно охарактеризовалъ то положеніе, въ которомъ находился онъ самъ и другіе члены тайнаго общества. Въ этомъ стихотвореніи онъ въ яркихъ краскахъ изобразилъ стремленіе Украины освободиться отъ иноземнаго польскаго ига. Передъ началомъ возстанія казакъ Наливайко, бесѣдуя со старцемъ схимникомъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ говоритъ между прочимъ:

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла;
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю
И радостью, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю".

Такимъ образомъ въ поэтическомъ образѣ казака „Наливайки" Рылѣевъ какъ бы выявилъ свою собственную судьбу и судьбу близкихъ и дорогихъ ему лицъ.

Пусть тогда, въ этотъ незабвенный декабрьскій день ихъ дѣло не удалось, но починъ былъ положенъ и примѣръ для подражанія данъ. „Мы начнемъ"—говорилъ Рылѣевъ за день до возстанія,—„я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется." „Потрясеніе необходимо"—часто восклицалъ онъ въ кругу своихъ друзей—„тактика революціи заключается въ одномъ словѣ: дерзай, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ." Полныя сознанія правоты

предпринятаго ими гражданскаго подвига, декабристы всходили на эшафотъ и спускались въ каторжныя норы. Имъ было ясно, что ихъ дружными усиліями проведена глубокая борозда на нивѣ народнаго освобожденія.

„Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ;
Изъ искры возгорится пламя,
И просвѣщенный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя“

писалъ изъ сибирской ссылки Пушкину декабристъ кн. Одоевскій. Каховскій же еще ярче выразилъ эту мысль, сказавъ, стоя подъ висѣлицей: „Щуку поймали, а зубы остались.“ Мысль о томъ, что движеніе, начатое ими, будетъ поддержано послѣдующими поколѣніями, являлась для декабристовъ лучшимъ утѣшеніемъ, и они въ своихъ предположеніяхъ не ошиблись: сѣмя, брошенное ими, въ почву русской дѣйствительности, дало пышные всходы. „Пушки на Исаакіевской площади разбудили цѣлое поколѣніе“, прекрасно сказалъ Герценъ. И, дѣйствительно, декабризмъ съ его республиканскимъ демократизмомъ—это исходный моментъ той славной побѣды, которую одержалъ весь русскій народъ надъ твердыней самодержавія.

Лекція VII.

14 декабря 1825 г., когда сенатская площадь въ Петербургѣ обагрилась кровью борцовъ за коренное переустройство Россіи, самодержавіе въ лицѣ Николая I одержало крупную побѣду надъ сторонниками широкой политической реформы. Началось то тридцатилѣтнее царствованіе, въ теченіе котораго Россія, по словамъ Герцена, „существовала для другихъ народовъ только какъ щетина штыковъ становившаяся дыбомъ при малѣйшемъ дыханіи свободы, при малѣйшемъ крикѣ независимости". Борьба съ радикализмомъ стала боевымъ лозунгомъ всей николаевской эпохи. „Революція у воротъ Россіи", сказалъ Николай своему младшему брату Михаилу въ день восшествія на престолъ,—„но клянусь, пока я живу и дѣйствую, она не переступитъ черезъ ея границы". И „вѣнценосный фельдфебель", какъ именуетъ Николая Герценъ, остался вѣренъ этой клятвѣ всю свою жизнь, начиная съ коронаціоннаго шествія „подъ тріумфальными воротами пяти висѣлицъ", и, кончая полнымъ крушеніемъ его политической системы въ пороховомъ дыму подъ развалинами Севастополя.

Пресловутое III-ье отдѣленіе съ шефомъ жандармовъ, гр. Бенкендорфомъ во главѣ, сосредоточило въ своихъ рукахъ всѣ нити внутренняго управленія; военные люди на административныхъ постахъ явно предпочитались гражданскимъ; все живое и независимое въ странѣ должно было безропотно склоняться передъ синимъ мундиромъ жандармскаго офицера и безапелляціонными распоряженіями начальственныхъ лицъ всѣхъ ранговъ и наименованій; барометръ общественной жизни

сильно понизился; режимъ всепоглощающей опеки давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Легко представить себѣ, что создавалось въ результатѣ всѣхъ этихъ пріемовъ управленія. „Печать унынія и скорби отражается на всѣхъ лицахъ, проглядываетъ во всѣхъ чувствахъ и дѣйствіяхъ... эта печать унынія была для меня поразительна, тѣмъ болѣе, что благословеніе Божіе лежало на поляхъ губерній, мною проѣханныхъ (Новгородской, Псковской и части Тверской); на нихъ красовались богатыя жатвы, обѣщавшія вознаградить труды земледѣльца болѣе, чѣмъ обыкновенно вознаграждаетъ ихъ сѣверное небо нашей родины. Отпечатокъ этихъ чувствъ скорби такъ общъ всѣмъ классамъ, слѣды бѣдности общественной такъ явны, неправда и угнетеніе вездѣ и во всемъ такъ наглы и губительны для государства, что невольно рождается вопросъ: неужели все это не доходитъ до престола вашего императорскаго величества“, говоритъ въ своей оффиціальной запискѣ генералъ-адъютантъ Кутузовъ на основаніи впечатлѣній, полученныхъ имъ въ 1841 г. при объѣздѣ по высочайшему повелѣнію, трехъ губерній: Новгородской, Псковской и Тверской. Если такъ выражался представитель правящихъ сферъ, должностное лицо съ высокимъ служебнымъ положеніемъ, то мы можемъ представить себѣ, что должны были чувствовать, думать и говорить общественные дѣятели, особенно изъ прогрессивныхъ интеллигентскихъ круговъ.

Послѣ суровой расправы надъ декабристами заниматься политикой было, конечно, чрезвычайно опасно, и въ общественныхъ кружкахъ начинаютъ преобладать интересы къ вопросамъ эстетики, философіи, исторіи и литературы. Между западниками и славянофилами возникаютъ нескончаемые горячіе споры о грядущихъ историческихъ судьбахъ Россіи.

Однако въ эти годы затяжной реакціи, въ противоположность той централизаціи, которая пустила глубокіе корни въ правящихъ кругахъ, стремленіе къ раскрѣпощенію и децентрализаціи не замирало въ об-

щественномъ сознанiи. Но оно проявлялось теперь не среди представителей молодой гвардейской молодежи, а въ кружкахъ литераторовъ, ученыхъ и публицистовъ правда тоже, подобно декабристамъ, молодыхъ по своимъ годамъ и также какъ они, склонныхъ въ горячемъ энтузiазмѣ слишкомъ переоцѣнивать свои силы. Какъ это не странно, но въ этихъ кружкахъ обсуждалась не столько конституцiонно-монархическая, сколько республиканская форма правленiя, причемъ идеи республиканизма выдѣляютъ изъ себя къ концу 1840-хъ гг. два теченiя: одно формировалось вокругъ Кирилло-Меѳодьевскаго братства, другое неразрывно связано съ кружкомъ Буташевича-Петрашевскаго. Въ составъ Кирилло-Меѳодьевскаго братства входила передовая группа украинской интеллигенцiи во главѣ съ Костомаровымъ и Шевченко. Все это были въ большинствѣ случаевъ молодые литераторы, увлекавшiеся идеей народности и намѣревавшiеся проводить эту идею въ жизнь. Въ 1846 г. по почину Костомарова, только что начавшаго тогда въ кiевскомъ университетѣ свою профессорскую дѣятельность, образованъ былъ кружокъ, получившiй вскорѣ свое названiе Кирилло-Меѳодьевскаго братства отъ имени славянскихъ первоучителей. Члены кружка не были узкими украинофилами; ихъ интересы не ограничивались исключительно малороссiйской народностью. Они мечтали объ общеславянской взаимности и вмѣстѣ съ тѣмъ о внутреннемъ прогрессѣ Россiи. „Взаимность славянскихъ народовъ“, писалъ позднѣе въ своей автобiографiи Костомаровъ, въ нашемъ воображенiи не ограничивалась уже сферой науки и поэзiи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна была воплотиться для будущей исторiи. Помимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченiе общественной жизни славянскихъ нацiй.“

Эта славянская федерацiя отливалась въ слѣдующую политическую форму. Полная свобода и автономiя народностей. Всѣ вѣроисповѣданiя должны были пользо-

ваться одинаковыми правами, но предполагалось склонять славянъ-католиковъ принять славянскій языкъ въ богослуженіи. Великорусскій языкъ, какъ наиболѣе распространенный, думали сдѣлать общимъ языкомъ для всей федераціи. Крѣпостное право, смертная казнь и тѣлесныя наказанія должны были быть немедленно и навсегда упразднены. Формируя вокругъ себя федерацію славянскихъ племенъ, Россія должна была разбиться на штаты или автономныя области. Центральнымъ городомъ всей федераціи назначался Кіевъ. Въ немъ засѣдаетъ сеймъ, который собирается разъ въ 4 года, а въ случаѣ необходимости и чаще. Въ каждомъ штатѣ предполагался свой сеймъ, собирающійся ежегодно, и свой особый президентъ. Верховная или центральная власть представлялась президенту, выбираемому на четыре года и двумъ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ. Эта единая центральная власть вѣдала сношеніями внѣ союза, т.-е. иностранной политикой, войскомъ и флотомъ. Каждая же часть была вполнѣ автономной по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію. Такимъ образомъ по проэкту Кирилло-Меѳодьевскаго братства, Россія должна была стать государствомъ республиканскимъ и притомъ федеративнаго типа. Но этимъ пылкимъ мечтамъ украинской интеллигенціи эпохи Николая I не суждено было облечься плотью и кровью. Кружокъ былъ открытъ полиціей 1847 г. и всѣхъ его членовъ постигли тяжкія кары: сперва заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ ссылка съ воспрещеніемъ чего бы то ни было писать и печатать. Въ этомъ федеративно-республиканскомъ проектѣ нельзя не подмѣтить нѣкоторыхъ откликовъ декабризма, преимущественно того его теченія, которое господствовало на югѣ въ обществѣ „Соединенныхъ славянъ“.

Вторая струя республиканизма конца 1840-хъ г. приводитъ насъ въ кружокъ петрашевцевъ. Главной своей цѣлью его члены ставили насажденіе въ Россіи

соціалистическихъ взлядовъ Фурье, въ котораго они вѣрили какъ въ новаго Мессію. На экономической и соціальной программѣ петрашевцевъ мы останавливаться, конечно, не будемъ, но постараемся вскрыть ихъ политическую идеологію.

Самъ основатель и глава этого кружка, молодой талантливый литераторъ Буташевичъ-Петрашевскій, еще слушая лекціи въ Петербургскомъ университетѣ въ 1840—41 г.г., былъ убѣжденъ въ превосходствѣ федеративно-республиканскаго строя и полагалъ, что республика возникнетъ у насъ прежде всего въ Сибири. При республиканско-федеративномъ строѣ не будетъ нужды въ громадномъ количествѣ постоянныхъ вооруженныхъ силъ, что благопріятно отзовется на положеніи народнаго и государственнаго хозяйства. Такимъ же убѣжденнымъ республиканцемъ-федералистомъ Петрашевскій оставался и позднѣе, что видно изъ его разговора въ началѣ 1849 г. съ агентомъ III отдѣленія Антонелли, которому удалось проникнуть на засѣданіе кружка, не возбудивъ противъ себя подозрѣній. Узнавъ, что Антонелли знакомъ съ нѣкоторыми черкесами, Петрашевскій выразилъ желаніе, чтобы онъ пропагандировалъ имъ идеи федерализма, и самъ проредактировалъ, составленный съ этой цѣлью Антонелли, проэктъ государственнаго устройства родины черкесовъ послѣ будущаго переворота на Кавказѣ. Въ это время Петрашевскій былъ полонъ надеждъ, что и вся Россія съ ослабленіемъ „военной силы“ (т.-е. войска) превратится въ федерацію отдѣльныхъ племенъ ее населяющихъ. Повидимому, онъ мечталъ послѣ 1848 г. и о революціи въ Россіи, но считалъ ее возможной лишь послѣ обширной пропаганды.

Республиканскія идеи Петрашевскаго раздѣлялись и другими членами его кружка, собиравшихся обычно у него на квартирѣ по пятницамъ для совмѣстнаго обсужденія докладовъ, рефератовъ и новыхъ книгъ о Фурье и его ученіи. Такъ, по мнѣнію одного изъ видныхъ петрашевцевъ Ахтарумова, достиженіе идеально-

соціальнаго строя невозможно безъ коренного преобразованія государственнаго устройства. Не расчитывая на немедленный переходъ къ республиканской формѣ правленія, онъ высказался за конституціонную монархію въ качествѣ переходной мѣры. Власть монарха ограничивалась при этомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ: онъ не имѣлъ права созывать и распускать народное собраніе, опредѣлять продолжительность его засѣданій; войско также должно было быть независимымъ отъ государя. По существу, слѣдовательно, такой монархъ являлся наслѣдственнымъ президентомъ республики и единственной его прерогативой было то, что онъ имѣлъ нѣсколько голосовъ въ народномъ собраніи. Какъ только собраніе пріобрѣтетъ прочное довѣріе въ народѣ, должна была быть провозглашена уже прямо республика. Но какова, по мнѣнію Ахтарумова, должна быть будущая россійская республика,—федеративнаго или унитарнаго типа,—неизвѣстно.

Средствомъ для достиженія новаго какъ государственнаго, такъ и общественнаго строя, петрашевцы прежде всего считали самую широкую пропаганду. Какъ видно изъ раннихъ рукописей самого Петрашевскаго, онъ признавалъ необходимымъ полную свободу печати, уничтоженіе, унизительной для разума человѣческаго, цензуры, „ужаснаго орудія угнетенія и деспотствованія", а также гласность судопроизводства. Ахтарумовъ высказывался за пропаганду среди людей различныхъ званій и состояній, а также среди учащейся молодежи. Но болѣе горячія головы изъ среды единомышленниковъ Петрашевскаго являлись сторонниками болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій. Такъ Тимковскій въ одной изъ своихъ рѣчей говорилъ, что „всѣ старанія истинныхъ поборниковъ прогресса должны быть обращены на ускореніе возмущенія", что онъ „готовъ первый выйдти на площадь и если нужно будетъ, принести себя въ очистительную жертву святому дѣлу свободы". Другой петрашевецъ, отставной офицеръ Черносвитовъ, всѣ свои надежды возлагалъ на возстаніе въ Си-

бири и въ Пріуральѣ, которое затѣмъ должно было перекинуться на нижнюю Волгу и на Донъ. „Если же къ этому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кончено: революціонная партія выиграла“, съ жаромъ говорилъ онъ, какъ-то, на одномъ изъ обычныхъ собраній по пятницамъ. Даже Ахтарумовъ, являвшійся, какъ мы видѣли, сторонникомъ конституціонной монархіи, высказывался за „возбужденіе народа къ возстанію“.

Такъ, подъ вліяніемъ революціонныхъ событій въ западной Европѣ 1848 г., и среди русской передовой интеллигенціи явились сторонники насильственнаго ниспроверженія монархическаго строя и установленія на его развалинахъ республиканской формы правленія. Но петрашевцамъ не суждено было выйдти на площадь съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Выданные въ апрѣлѣ 1849 г. провокаторомъ Антолелли, они сперва были присуждены къ смертной казни, а затѣмъ, по смягченіи приговора должны были до 1856 г. протомиться на каторгѣ въ Сибири. Здѣсь многіе изъ нихъ встрѣтились съ декабристами, вмѣстѣ съ которыми они были амнистированы по коронаціонному манифесту Александра II.

Но въ то время, какъ Николай I такъ сурово расправлялся съ республиканско-настроенными умами и, передъ лицемъ европейской революціи 1848 г. гордо заявлялъ, бросая вызовъ чуть ли не всему западу: „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!“ устои его собственнаго царства подтачивались могучимъ потокомъ новыхъ экономическихъ отношеній. Несостоятельность дореформеннаго строя, всецѣло покоившагося на крѣпостномъ правѣ, брасалась въ глаза каждому безпристрастному и вдумчивому наблюдателю. Работа изъ-подъ палки въ помѣщичьемъ хозяйствѣ шла изъ рукъ вонъ плохо, такъ какъ крестьяне не были матеріально заинтересованы въ результатахъ своего труда. По словамъ Дж. Ст. Милля, съ одною и тою же площадью луга, которую въ Англіи могли убрать въ день два свободныхъ рабочихъ, едва справ-

лялись въ Россіи шесть крѣпостныхъ косцовъ; крѣпостной трудъ былъ, слѣдовательно, втрое менѣе продуктивнымъ сравнительно съ вольнонаемнымъ. Россія, которую обстоятельства властно толкали на хозяйственное культурное сближеніе съ Западной Европой, отставала отъ нея на каждомъ шагу все больше и больше въ силу существованія подневольнаго крѣпостного труда. Крестьянская реформа настойчиво стучалась въ двери русской жизни, а съ ея проведеніемъ естественно должны были послѣдовать коренныя измѣненія и въ области государственнаго строя. Недаромъ такой представитель Николаевской бюрократіи, какъ пресловутый министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ говорилъ: „Вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единодержавіи. Это двѣ параллельныя силы, кои развились вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало: законность ихъ одинакова; что было у насъ прежде крѣпостного права, то все прошло, кромѣ крѣпостного права, которое, слѣдовательно, не можетъ быть тронутымъ безъ всеобщаго потрясенія. Крѣпостное право существуетъ, каково бы ни было, и нарушеніе его повлечетъ за собою неудовольствіе дворянскаго сословія, которое будетъ искать себѣ вознагражденіе гдѣ-нибудь, а искать негдѣ, кромѣ области самодержавія“. „Къ такому многосложному вопросу“, по выраженію гр. Уварова, „должно приступить съ величайшей осторожностью. Это дерево пустило далеко корень: оно осѣняетъ и церковь и Престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно“.

Однако неумолимая логика жизни становилась въ рѣзкій конфликтъ съ этой реакціонной идеологіей сановныхъ политиковъ. Россія средины XIX вѣка давно уже переросла формы крѣпостного быта, какъ ребенокъ съ годами выростаетъ изъ своего дѣтскаго платья. И народное, и помѣщичье, и государственное хозяйство испытывало самый глубокій кризисъ, который по своей природѣ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ крѣпостного строя. Въ самомъ дѣлѣ за 60 лѣтъ, про-

текшихъ между 5-ой ревизіей 1796 года и 10-ой ревизіей 1858 г., населеніе Россіи возросло болѣе чѣмъ въ два раза—съ 36 милліоновъ до 74 милліоновъ человѣкъ. Естественно, что эти новые милліоны не могли прокормиться при старой хозяйственной системѣ. Надо было прилагать ихъ трудъ къ инымъ отраслямъ экономической жизни, преимущественно въ область обрабатывающей промышленности и торговли. Вѣдь не могла же Россія существовать однимъ только земледѣліемъ, которое къ тому же, при наличности крѣпостного права, какъ вы только что видѣли, приносило такіе печальные плоды. И дѣйствительно, за разсматриваемый періодъ времени въ области торговли и промышленности наблюдаются явленія несомнѣнно прогрессивнаго характера. Такъ за первую половину XIX в. Россія все болѣе и болѣе втягивалась въ хозяйственный обмѣнъ съ западной Европой. Если въ 1806 г. торговый оборотъ между Россіей и Европой выражался въ круглыхъ цифрахъ въ 107 мил. руб., то въ 1857 г. онъ достигъ уже 366 мил. руб., т.-е. за 50 лѣтъ выросъ въ $3^1/_2$ раза. Вполнѣ понятно, что Европа получала изъ Россіи главнымъ образомъ сырье, а отправляла къ намъ почти исключительно готовыя издѣлія или полуобработанные фабрикаты. Но одной европейской индустріей Россія удовлетворяться уже не могла. Въ ней было слишкомъ много сырья, непочатый край естественныхъ богатствъ. Все это нуждалось въ обработкѣ, создавало почву для интенсивнаго роста фабрично-заводской промышленности. И цифры дѣйствительно говорятъ намъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ о промышленномъ развитіи дореформенной Россіи: въ 1804 г. въ ней насчитывалось около $2^1/_2$ тыс. фабрикъ и заводовъ, а черезъ 50 лѣтъ ихъ уже было 10 тыс. Вполнѣ понятно, что одновременно съ этимъ увеличеніемъ числа промышленныхъ предпріятій должны были рекрутироваться все новыя и новыя массы въ ряды рабочей арміи. За тѣ же самые 50 лѣтъ количество рабочихъ съ 95 тысячъ поднялось до 460 тыс. человѣкъ. Слѣдова-

тельно число фабрикъ и заводовъ возросло въ 4 раза, а количество занятыхъ на нихъ рабочихъ болѣе чѣмъ въ 4½ раза. Эти цифровыя данныя скажутъ намъ еще больше, если мы примемъ во вниманіе, что вольнонаемному труду явно должны были въ обрабатывающей промышленности отдавать предпочтеніе передъ трудомъ подневольнымъ или крѣпостнымъ. Достаточно указать, что уже въ 1814 г. 48 % всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ принадлежало къ вольнонаемнымъ. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ прилагался крѣпостной трудъ, замѣчались явленія чисто регрессивныя, а тамъ гдѣ существовала работа по найму, производство дѣлало крупные успѣхи. Наша желѣзодѣлательная промышленность, занимавшая въ XVIII в., благодаря усиліямъ Петра Великаго, такое видное положеніе, въ послѣднія десятилѣтія дореформеннаго періода клонилась все болѣе и болѣе къ упадку. Въ началѣ XIX в. Пріуральскій горный округъ по выплавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ на міровомъ рынкѣ. Если при вступленіи на престолъ Николая I количество русскаго желѣза составляло 12% міровой добычи, то наканунѣ Крымской войны оно упало уже до 4%. Если въ первые годы XIX в. ежегодно изъ Россіи заграницу отправлялось 2,1 мил. пуд., то къ концу 50-хъ гг. заграничный экспортъ желѣза упалъ до 880 тыс. пудовъ, т. е. сократился въ 2½ раза. И немудрено, потому что громадное большинство желѣзодѣлательныхъ заводовъ находилось или въ казенномъ вѣдомствѣ, или обслуживалось, такъ называемымъ, посессіоннымъ, т. е. приписаннымъ къ заводамъ крѣпостнымъ трудомъ. Полотняныя фабрики были главнымъ образомъ разбросаны по деревнямъ и на нихъ примѣнялся, преимущественно, крѣпостной трудъ. Естественно, что ихъ постигала та же самая участь, что и нашу дореформенную желѣзодѣлательную промышленность. Изъ 285 полотняныхъ фабрикъ, числившихся въ 1804 г., къ моменту освобожденія крестьянъ, т. е. къ 1861 г. остается всего 100. Слѣдовательно,

въ теченіе первой половины XIX в., до ⅔ нашихъ полотняныхъ промышленныхъ предпріятій вынуждено было прекратить свое существованіе. Діаметрально-противоположныя явленія замѣчаются въ тѣхъ отрасляхъ производства гдѣ примѣнялся преимущественно вольнонаемный трудъ и гдѣ въ большихъ размѣрахъ распространены были новѣйшія техническія усовершенствованія. Т. напр. на бумаго-ткацкихъ фабрикахъ, принадлежавшихъ почти исключительно купцамъ и разночинцамъ, уже съ 1841 г. мы видимъ англійскія ткацкія машины. Количество ввозимаго въ Россію хлопка за изучаемый періодъ, возрастаетъ въ нѣсколько десятковъ разъ. Если въ началѣ XIX в. ежегодно ввозилось хлопка не болѣе 17 тысячъ пудовъ, то къ началу 50-хъ гг. его ввозъ достигаетъ уже 283 тыс. пудовъ. Причемъ наши хлопчато-бумажныя ткани находятъ себѣ хорошій сбытъ въ средней Азіи и сѣверной Персіи. Почти то же самое наблюдаемъ и въ суконной промышленности. До тѣхъ поръ пока на суконныхъ фабрикахъ примѣнялся исключительно крѣпостной или посессіонный трудъ, и не были отмѣнены обязательныя поставки сукна на казну, эта отрасль индустріи влачила жалкое существованіе. Но, какъ только уничтожены были эти казенные заказы и разрѣшено было переводить посессіонныя фабрики на положеніе предпріятій съ вольнонаемнымъ трудомъ, суконная промышленность стала быстро развиваться и количество суконныхъ фабрикъ съ 235 (въ 1814 г.) доходитъ до 492 (1856 г.). Итакъ, въ индустріальной сферѣ была ясна вся несостоятельность существованія крѣпостного права. Но къ не менѣе печальнымъ послѣдствіямъ приводило оно и въ другихъ отрасляхъ хозяйственной жизни. Русскій городъ, напримѣръ, представлялъ изъ себя въ дореформенный періодъ какое-то худосочное растеніе. Городовъ, правда, было къ срединѣ 50-хъ гг. не менѣе 600, но половина ихъ ничѣмъ не отличалась отъ большихъ селеній, т. к. населеніе въ нихъ занималось исключительно земледѣліемъ и огородничествомъ.

Конечно, за 60 лѣтъ, протекшихъ между 5-ой и 10-ой ревизіей, городское населеніе возрасло и абсолютно, и относительно: въ 1796 г. городскихъ жителей числилось 1,3 мил. человѣкъ, что ко всей массѣ населенія составляло 4,1%, а въ 1858 г. ихъ было уже 6 мил. человѣкъ или 9,2%. Однако изъ всего этого количества городского населенія въ 1858 г. купцовъ всѣхъ трехъ гильдій было лишь 4,5%, а ремесленниковъ, рабочихъ и другихъ жителей, непосредственно связанныхъ съ городской промышленной жизнью, 38%. Слѣдовательно, едва ²/₅ всего городского населенія втянуто было въ торгово-промышленныя отношенія въ странѣ. Городскіе доходы, даже въ губернскихъ центрахъ, сплошь и рядомъ не превышали 5—10 тыс. въ годъ. Такимъ образомъ безъ коренной реорганизаціи экономической жизни въ странѣ городъ не могъ въ дальнѣйшемъ развиваться, онъ не имѣлъ сколько-нибудь ярко выраженной торгово-промышленной физіономіи и служилъ лишь мѣстопребываніемъ оффиціальныхъ должностныхъ лицъ.

Но и крѣпостная деревня, съ помѣщичьей усадьбой во главѣ, переживала также глубокій экономическій кризисъ. Доходность дворянскихъ имѣній падала съ каждымъ годомъ, а задолженность частнаго землевладѣнія непомѣрно росла. Къ концу 50-хъ гг. до 40% всѣхъ дворянскихъ имѣній и до 66% всѣхъ крѣпостныхъ душъ было заложено въ сохранной казнѣ, въ опекунскомъ совѣтѣ и въ приказахъ общественнаго призрѣнія, а общая сумма долга достигала внушительной цыфры 500 мил. рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ все выше подымалась волна крестьянскаго недовольства. Крѣпостная деревня съ каждымъ годомъ приходила все въ болѣе лихорадочное состояніе. За 19 лѣтъ, съ 1835—1854 гг., въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ зарегистрировано до 144 случаевъ убійствъ крестьянами помѣщиковъ и управляющихъ и до 75 случаевъ покушеній на убійства. По той же оффиціальной статистикѣ, за время царствованія Николая I значится 556 случа-

евъ крестьянскихъ волненій. Есть основанія думать, что эта цыфра далеко отстаетъ отъ дѣйствительности, но для насъ чрезвычайно важно, что крестьянскія волненія все возрастаютъ по мѣрѣ приближенія къ срединѣ XIX в. Такъ, если мы расположемъ эти оффиціальныя данныя по пятилѣтіямъ за время 1825 по 1855 гг., то получимъ слѣдующую таблицу:

Годы	число волненій:
1826—29	41
1830—34	46
1835—39	59
1840—44	101
1845—49	172
1850—54	137

Слѣдовательно, къ концу николаевскаго царствованія крестьянское недовольство возросло, судя по этимъ даннымъ, болѣе чѣмъ въ 4 раза. Чаша крестьянскаго долготерпѣнья переполнялась и почва подъ зданіемъ крѣпостной Россіи колебалась все сильнѣе и сильнѣе. На ряду съ народнымъ хозяйствомъ тяжелыя послѣдствія отсутствія здоровой хозяйственной самодѣятельности въ странѣ испытывали и государственные финансы. Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражался скорбный обликъ дореформенной Россіи, скованной желѣзнымъ обручемъ крѣпостной неволи. Государственные доходы не могли угнаться за быстрымъ ростомъ государственныхъ расходовъ, т. к. источники какъ прямого, такъ и косвеннаго обложенія были чрезвычайно истощены. Въ результатѣ возникали дефициты, которые чѣмъ ближе къ срединѣ столѣтія, тѣмъ растутъ все сильнѣе, увеличиваясь буквально съ какой-то сказочной головокружительной быстротой. Въ 1802 г. дефицитъ равнялся 2 мил. рублей, въ 1825 г.—4 мил. рублей, а въ 1855 г.—262 мил. рублей. Въ государственномъ хозяйствѣ, слѣдовательно, былъ полнѣйшій крахъ. Для ликвидаціи этихъ дефицитовъ правительству, подобно дворянамъ землевладѣльцамъ, приходилось обращаться къ займамъ. Въ 1817 г. вся сумма русскихъ внутреннихъ и

внѣшнихъ процентныхъ займовъ составляла 94 мил. рублей, а въ 1852 г. она достигаетъ уже 402 мил. руб. Вы видите, такимъ образомъ, что наши долговыя обязательства за эти 35 лѣтъ возросли въ 4 слишкомъ раза. Но этимъ дѣло не ограничивалось. Если мы припомнимъ, что на ряду съ процентными обязательствами были еще безпроцентныя, т. е. бумажно-денежные знаки, которыхъ обращалось въ странѣ не менѣе чѣмъ на 600 мил. рублей, то вся сумма процентныхъ и безпроцентныхъ государственныхъ долговъ достигала къ срединѣ XIX в. колоссальной цыфры—1 милліарда рублей. Принимая во вниманіе, что въ среднемъ, въ послѣдніе годы царствованія Николая I, государственные доходы равнялись 250 мил. руб., мы должны сказать, что правительство Николая I забрало впередъ у послѣдующихъ поколѣній поступленія цѣлыхъ 4 бюджетныхъ годовъ. Такимъ образомъ обстоятельства властно толкали Россію на новую дорогу свободнаго хозяйственнаго развитія, и могучая рука исторіи готова была каждую минуту занести дамокловъ мечъ надъ безсильно опустившейся головой стараго дореформеннаго строя. Реформы ужъ давно назрѣли и никто не въ силахъ былъ предотвратить полное крушеніе самодержавно-вотчинной системы государственнаго управленія.

Лекція VIII.

Крымская война для русскаго политическаго и общественнаго строя была какъ-бы могучимъ порывомъ вѣтра, сорвавшимъ съ вѣтки вполнѣ созрѣвшій плодъ, готовый каждую минуту упасть на землю. Слѣпые прозрѣли и у глухихъ отверзлись уши—всѣмъ стало ясно, что близорукой политикой безотвѣтственныхъ сановниковъ страна заведена была въ тупикъ, изъ котораго она могла выйти на широкую дорогу историческаго развитія только съ помощью всѣхъ своихъ живыхъ творческихъ силъ. „Двадцать лѣтъ душили мысль", писалъ А. С. Хомяковъ 31 января 1854 г. своему другу А. Н. Попову,—„Въ важную минуту натолкнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохой личиной спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? Николаю I, который свою личную волю положилъ краеугольнымъ камнемъ всей русской внутренней и внѣшней политики, чуждо было представленіе о томъ, что общество можетъ оказывать вліяніе на правительственный строй. Какъ вполнѣ остроумно замѣтилъ кн. Вяземскій, общества въ николаевской Россіи не было, а было только населеніе, и вотъ съ этимъ то населеніемъ правительственныя сферы и не хотѣли считаться. Однако самому Николаю I, скончавшемуся 18 февраля 1855 г. какъ разъ въ разгаръ наиболѣе значительныхъ нашихъ военныхъ неудачъ, пришлось, лежа на смертномъ одрѣ, признать полную несостоятельность той системы, которой онъ держался всю свою жизнь. „Передаю тебѣ команду, но не въ такомъ порядкѣ, какъ хотѣлъ"—сказалъ онъ, умирая, сво-

ему преемнику, будущему императору Александру II— „Оставляю тебѣ много трудовъ и заботъ“.

Несмотря на нашъ разгромъ подъ Севастополемъ, вѣсть о кончинѣ Николая I у многихъ вызвала вздохъ облегченія и пробудила надежду на болѣе свѣтлое будущее. „Въ настоящихъ обстоятельствахъ“—записалъ въ своемъ дневникѣ академикъ и цензоръ Никитенко— смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи очевидно наступаетъ новая эпоха, Императоръ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо-таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца“. Въ тотъ моментъ когда у кормила власти очутилось новое правительство, представителямъ не только либеральныхъ, но и консервативныхъ общественныхъ круговъ стало совершенно ясно, что такъ дальше жить нельзя. „Мы сдались“, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ, „не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ“. Общество встрепенулось, оно напряженно ждало преобразованій. Даже Погодинъ, этотъ благонамѣренный профессоръ въ стилѣ офиціальной народности, доказывалъ все безсмысліе прежняго строя. „Государь, очарованный блестящими отчетами, писалъ онъ въ одной изъ записокъ, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля“. Припоминая 1612 и 1812 г.г., когда только въ тѣсномъ единеніи съ народомъ правительство находило себѣ спасеніе, онъ совѣтовалъ кликнуть кличъ: „Развѣ мало талантовъ на святой Руси!“ Свободы печати и широкой организаціи народнаго образованія требовалъ Погодинъ для страны, какъ необходимаго условія для ея дальнѣйшаго развитія. Съ горячимъ призывомъ къ новому императору о незамедли-

тельномъ осуществленіи назрѣвшихъ реформъ обратился и добровольный изгнанникъ А. И. Герценъ, который „покинулъ народъ русскій изъ любви къ нему, потому что не могъ сложа руки и молча остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники“. „Государь!“ писалъ онъ: „дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь... Намъ есть что сказать міру и своимъ“. „Дайте землю крестьянамъ, она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залечите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братьевъ“. „Императоръ Николай, не успѣлъ въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ! Торопитесь! „На первый случай намъ и этого довольно“.

Такимъ образомъ для представителей русской интеллигенціи, давно уже критиковавшихъ существующій порядокъ, была ясна необходимость коренныхъ преобразованій. Особенно сильно и ярко подчеркнулъ эту настоятельную потребность въ цѣломъ рядѣ реформъ Хомяковъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „къ Россіи“. Припоминая, что война начата была во имя освобожденія братьевъ-славянъ, онъ говоритъ въ этомъ стихотвореніи:

„Вставай, страна моя родная,
За братьевъ Богъ тебя зоветъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго.
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ тяжелыхъ налегло!“

И далѣе шелъ перечень этихъ грѣховъ:

„Въ судахъ полна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна“.

Только тогда, когда правительство почувствуетъ всю необходимость новаго строя и приступитъ къ осуществленію назрѣвшихъ реформъ, Россія, по мнѣнію интеллигенціи, могла надѣяться на возстановленіе своего прежняго авторитета въ международныхъ дѣлахъ. Но и въ правительственныхъ кругахъ потребность въ преобразованіяхъ уже вполнѣ опредѣленно сознавалась. Главнокомандующій русской арміей, князь Горчаковъ, вернувшись въ началѣ 1856 г. послѣ заключенія Парижскаго мира въ Петербургъ, говорилъ государю: „хорошо, что мы заключили миръ, дальше воевать мы были не въ силахъ. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло—нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ". Самъ Александръ II на праздникѣ 25 марта 1856 г., говорятъ, поднялъ бокалъ со словами „Теперь мы кончили войну съ врагомъ внѣшнимъ и надо начинать войну съ врагомъ внутреннимъ, а такимъ внутреннимъ врагомъ является крѣпостное право". Манифестъ, возвѣщавшій о заключеніи мира въ мартѣ 1856 г., заканчивался слѣдующими знаменательными словами: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ". Такимъ образомъ, указаніе на какія то грядущія реформы было высказано въ этомъ манифестѣ, которымъ ликвидировалась война, вызванная старымъ строемъ николаевской Россіи. Значитъ и для правительства, и для общества было ясно, что оставаться при старомъ порядкѣ невозможно; надо было выпустить русскій государственный корабль на широкій просторъ еще неизвѣданнаго моря.

А на этотъ просторъ уже давно рвались всѣ живыя общественныя силы страны. „Здѣсь въ Петербургѣ, писалъ Кавелинъ Погодину въ началѣ 1856 г., общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а всетаки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится, и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится". Въ теченіе всего періода разработки крестьянской реформы, въ русскомъ обществѣ шла напряженная внутренняя работа. Она сказалась въ составленіи цѣлаго ряда проэктовъ и заявленій, составленныхъ наиболѣе интеллигентными его представителями, въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, затрагивавшихъ какъ соціально-экономическіе, такъ и административно-политическіе вопросы. Подвергся обсужденію прежде всего крестьянскій вопросъ, а затѣмъ уже и другія реформы, органически съ нимъ связанныя.

Дѣло въ томъ, что въ самомъ началѣ царствованія Александра II прежнія цензурныя строгости были смягчены, и русской повременной печати было разрѣшено, хотя, къ сожалѣнію, ненадолго, обсуждать болѣе или менѣе свободно вопросы, связанные съ назрѣвшими преобразованіями. Журналы и газеты не преминули воспользоваться этой минутной свободой. Довольно легко въ тогдашней русской печати намѣтить нѣсколько общественныхъ теченій. Наиболѣе сильно давали себя чувствовать на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ г.г. тѣ два направленія русской общественной мысли, съ которыми я уже ознакомилъ васъ, характеризуя эпоху Николая I, а именно западничество и славянофильство. Славянофильскими органами были „Русская бесѣда", издававшаяся съ 1856 г. и „Сельское благоустройство", выходившее съ 1858 г. Въ этихъ журналахъ обсуждались главнымъ образомъ вопросы объ освобожденіи кресть-

янъ съ землею на принципѣ общинной собственности и съ сохраненіемъ у нихъ мірової сходки и общиннаго устройства. Сотрудниками ихъ были преимущественно члены губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, какъ братья Самарины, Кошелевъ, кн. Черкасскій, а также Аксаковы. Западническое направленіе сильно сказывалось въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, редактируемомъ Катковымъ, тогда еще англоманомъ и либераломъ. На страницахъ этого журнала обсуждался и крестьянскій вопросъ съ либеральной точки зрѣнія, а также всѣ тѣ общественныя проблемы, которыя выдвигались самой жизнью вслѣдъ за разрѣшеніемъ крестьянской реформы. Въ составъ его постоянныхъ сотрудниковъ входили такія лица, какъ Кавелинъ, Чичеринъ, Унковскій, Головачевъ и другіе представители либеральнаго дворянства и передовой интеллигенціи. Оба эти журнала издавались въ Москвѣ. Въ Петербургѣ же наиболѣе сильнымъ вліяніемъ пользовался „Современникъ“, наиболѣе дѣятельными сотрудниками и идейными вдохновителями котораго были Чернышевскій и Добролюбовъ. Здѣсь развивались преимущественно радикальныя идеи какъ въ экономической, такъ и въ политической сферѣ. Современникъ вскорѣ пріобрѣлъ ярко выраженный демократическій и даже соціалистическій отпечатокъ. Изъ другихъ петербургскихъ журналовъ слѣдуетъ отмѣтить „Библіотеку для чтенія“ выходящую подъ редакціей Дружинина, органъ болѣе или менѣе охранительнаго направленія въ духѣ англійскаго торизма, т. е. не реакціоннаго, а строго консервативнаго характера. Съ 1861 г. въ Петербургѣ же стало издаваться „Русское Слово“, въ которомъ съ громаднымъ успѣхомъ выступилъ на литературномъ поприщѣ Писаревъ, сразу придавшій этому журналу ярко-выраженный оппозиціонный отпечатокъ. Таковы были тѣ органы повременной печати, въ которыхъ дебатировались общественные вопросы, въ той мѣрѣ, конечно, въ какой возможно было ихъ касаться въ условіяхъ тогдашней русской дѣйствительности. А надъ всѣми этими под-

цензурными журналами властно и мощно неслись звуки „Колокола, издаваемаго въ Лондонѣ Герценомъ и Огаревымъ съ 1857 года. Какъ только правительство приступило къ обсужденію крестьянскаго вопроса, Герценъ рѣшилъ посвятить всѣ свои силы всестороннему освѣщенію этой главной коренной проблемы русской жизни. Въ первомъ же номерѣ „Колокола“ онъ раскрылъ свою, программу, сводившуюся къ слѣдующимъ тремъ требованіямъ: освобожденіе слова отъ цензуры, освобожденіе податныхъ сословій отъ тѣлесныхъ наказаній и освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ. При этомъ Герценъ заявилъ, что онъ будетъ неустанно бороться до тѣхъ поръ, покуда не добьется проведенія всего этого въ жизнь. Дѣйствительно, Герценъ оказалъ громадное вліяніе на ходъ и разработку крестьянской реформы, потому что въ его „Колоколѣ“ можно было свободно обсуждать такія стороны крестьянской реформы, которыхъ по цензурнымъ условіямъ нельзя было касаться въ журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ въ Россіи. Такъ напр., Чернышевскому, напечатавшему въ началѣ 1858 г. въ „Современникѣ“ статью о выкупѣ крестьянскихъ надѣльныхъ земель съ выдержками изъ ходившей въ то время по рукамъ записки Кавелина, сдѣлано было строгое внушеніе. Въ томъ же 1858 г. и другимъ подцензурнымъ жуналамъ—„Сельскому Благоустройству“ и „Русскому Вѣстнику“ запрещено было касаться тѣхъ сторонъ крестьянской реформы, которыя въ то время не вошли еще въ составъ правительственной программы. Только за рубежомъ, въ вольной лондонской типографіи, можно было свободно печатать всѣ „голоса изъ Россіи“. Герценъ старался всесторонне освѣтить перипетіи борьбы различныхъ группъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ и печаталъ поэтому записки и проекты, выходившіе изъ самыхъ разнообразныхъ, какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ круговъ.

Въ концѣ 1857 г., когда правительство впервые опубликовало свою программу по крестьянскому вопросу,

всѣ безъ различія привѣтствовали этотъ смѣлый шагъ Александра II. Чернышевскій ставилъ его выше Петра Великаго, а Герценъ посвятилъ ему вдохновенную статью съ эпиграфомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“. Однако, по мѣрѣ того какъ отъ славословій печать перешла къ критической оцѣнкѣ того, что было сдѣлано и что предполагалось осуществить, цензурное вѣдомство начало ставить всевозможныя препоны и преграды. Правительство все время нажимало на печать и только немногимъ, какъ напримѣръ Чернышевскому удавалось обходить подводные камни и, подчасъ эзоповскимъ языкомъ, освѣщать передъ читателями основное содержаніе правительственныхъ актовъ и общественныхъ выступленій. Но одной печатью дѣло не ограничилось.

Въ періодъ разработки крестьянской реформы въ передовыхъ дворянскихъ кругахъ росло и крѣпло оппозиціонное настроеніе, а почти одновременно съ выступленіями цензовой общественности, обнаружилось недовольство и въ средѣ разночинной интеллигенціи. Русское общество готовилось сдѣлать первый натискъ на твердыню самодержавно-бюрократическаго строя. Становилось ясно, что одной крестьянской реформой дѣло ограничиться не можетъ, что вслѣдъ за юридическимъ освобожденіемъ крестьянской массы неизбѣжно должно наступить политическое раскрѣпощеніе всего русскаго народа.

Лекція IX.

Дворянскія выступленія съ требованіемъ широкихъ государственныхъ реформъ начинаются какъ разъ съ того момента, когда правительство подъ давленіемъ суровой дѣйствительности вынуждено было приступить къ ликвидаціи крѣпостного права. Уже въ 1858 г., въ періодъ разработки крестьянской реформы губернскими и дворянскими комитетами, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ въ Тверскомъ, Калужскомъ, Владимирскомъ и Ярославскомъ, крестьянскій вопросъ ставился и разрѣшался въ тѣсной связи съ необходимостью введенія безсословнаго мѣстнаго самоуправленія, свободы печати и всесословнаго выборнаго суда. Но съ наибольшей силою обнаружилось стремленіе дворянской интеллигенціи обратить вниманіе правительства на давно уже стучавшіяся въ двери русской жизни преобразованія въ то время, когда депутаты 1-го приглашенія отъ 21-го губернскаго комитета пріѣхали въ Петербургъ въ августѣ 1859 г. Депутаты съѣзжались подъ впечатлѣніемъ рѣчей Александра II, съ которыми онъ обратился во время своего путешествія по Россіи лѣтомъ 1858 г. сперва къ костромскому, а затѣмъ къ тверскому и нижегородскому дворянству. Въ этихъ рѣчахъ государь между прочимъ обѣщалъ, что по два депутата отъ каждаго губернскаго комитета будутъ приглашены „для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ комитетѣ“. Этими словами поспѣшили воспользоваться дворяне, чтобы составить цѣлую программу дальнѣйшихъ широкихъ государственныхъ мѣропріятій. Они были увѣрены, что крестьянскій вопросъ будетъ окончательно рѣшенъ при ихъ

участіи, но не въ редакціонной комиссіи, а въ главномъ комитетѣ. Каково же было ихъ удивленіе, когда по пріѣздѣ въ Петербургъ, имъ прежде всего пришлось имѣть дѣло съ инструкціей, составленной товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Николаемъ Милютинымъ, твердо рѣшившимъ провести крестьянскую реформу „диктаторіальнымъ" путемъ. По этой иструкціи, уже получившей высочайшее одобреніе, роль дворянскихъ депутатовъ исключительно сводилась къ экспертизѣ: они должны были давать лишь отвѣты на вопросы, предложенные имъ редакціонной комиссіей. Такимъ образомъ дворянскихъ депутатовъ хотѣли свести на роль свѣдующихъ людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстными губернскими условіями. Дѣло пріобрѣтало совершенно иной оборотъ сравнительно съ тѣми планами, которые начертали себѣ депутаты дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Дворяне смирились, но не сдались. Въ разгаръ конфликта между депутатами и членами редакціонной комиссіи, въ атмосферѣ сгустившагося недовольства съ одной стороны и обострившагося недовѣрія съ другой высказаны были впервые общественныя требованія по поводу дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій.

При отъѣздѣ изъ Петербурга депутатами были составлены адреса, представленные ими государю черезъ предсѣдателя редакціонной комиссіи генералъ-адьютанта Ростовцева. Въ одномъ изъ этихъ адресовъ, подписанномъ 18 депутатами, высказывались пожеланія, чтобы окончательно крестьянская реформа разрѣшена была при участіи дворянскихъ депутатовъ въ главномъ комитетѣ, согласно словамъ государя. Но въ другомъ адресѣ отъ имени 5 депутатовъ Тверского, Ярославскаго и Харьковскаго комитетовъ вопросъ переносился въ совершенно иную плоскость. Настаивая на обязательномъ выкупѣ крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, составители этого адреса указывали на необходимость осуществить слѣдующія реформы: 1) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ

сословій, основанное на выборномъ началѣ; 2) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; 3) дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія. Здѣсь, слѣдовательно, дѣло освобожденія крестьянъ ставилось въ органическую связь съ кореннымъ переустройствомъ всего гражданскаго правопорядка. Симбирскій депутатъ Шидловскій подалъ записку лично отъ себя, гдѣ въ туманныхъ, нѣсколько сбивчивыхъ выраженіяхъ говорилъ о необходимости созыва депутатовъ отъ дворянскаго общества для разрѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Но особенно много шуму произвела записка камергера Безобразова, не входившаго въ составъ дворянскихъ депутатовъ, но стремившагося довести до престола пожеланія наиболѣе аристократической части помѣстнаго дворянства. Племянникъ предсѣдателя главнаго комитета, кн. Орлова, Безобразовъ былъ близокъ къ такимъ представителямъ крупнаго землевладѣнія феодальнаго типа, какъ Нечаевъ-Мальцевъ, кн. Паскевичъ и гр. Шуваловъ. Вполнѣ естественно, что Безобразовымъ была усвоена основная идея незадолго передъ тѣмъ представленной въ сферы Нечаевымъ-Мальцевымъ записки, въ которой говорилось о необходимости возврата къ той эпохѣ, когда существовала Боярская Дума и безотвѣственные министры не управляли государствомъ. Въ своей запискѣ Безобразовъ требовалъ созыва выборныхъ отъ дворянскаго общества къ подножью престола, чтобы этимъ собраніемъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, разрѣшены были важнѣйшіе очередные государственные вопросы. Собраніе выборныхъ Безобразовъ считалъ „природнымъ элементомъ самодержавія“; безъ него „верховная власть имѣетъ характеръ своеволія, несмотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіей, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ

власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ". Такимъ образомъ, въ запискахъ Шидловскаго и Безобразова ярко выразилось стремленіе аристократическихъ круговъ установить въ Россіи дворянско-олигархическую представительную форму правленія. Александръ II былъ сильно раздраженъ этими записками. Безобразову повелѣно было немедленно выѣхать заграницу. Адресъ 5-ти депутатовъ найденъ былъ „особенно дерзкимъ" по содержанію. Всѣмъ депутатамъ подписавшимъ адреса былъ сдѣланъ отъ имени государя выговоръ, а пять членовъ, во главѣ съ тверскимъ депутатомъ Унковскимъ, отданы были даже подъ негласный надзоръ полиціи. При такихъ обстоятельствахъ общество впервые заговорило о неотложной необходимости коренныхъ преобразованій.

Но правительство рѣшило немедленно положить предѣлъ дальнѣйшимъ выступленіямъ въ томъ же политическомъ направленіи. Депутаты разъѣхались изъ Петербурга въ ноябрѣ 1859 г., а имъ вслѣдъ разосланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ ко всѣмъ губернскимъ предводителямъ, воспрещавшій въ предстоящихъ очередныхъ дворянскихъ собраніяхъ касаться крестьянскаго вопроса. Этимъ распоряженіемъ, по мнѣнію дворянъ, бюрократія нарушала ихъ исконныя сословныя права, подтвержденныя 112 ст. IX т. Свода Законовъ, по которой дворянамъ разрѣшалось свободно обсуждать свои пользы и нужды. Циркуляръ встрѣтилъ себѣ отпоръ въ цѣломъ рядѣ дворянскихъ собраній. Во Владимирскомъ очередномъ собраніи, напр., послѣ нѣсколькихъ ораторовъ съ особенно сильной и яркой рѣчью выступилъ помѣщикъ Протопоповъ. „Нынѣ, господа", сказалъ онъ, „пользы и нужды наши должны итти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а слѣдовательно цѣлаго государства. Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше всеподданнѣйше

испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть, да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ судомъ присяжныхъ.“ Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ адресъ на имя государя, принятый громаднымъ большинствомъ присутствующихъ. Рязанское губернское дворянское собраніе, заслушавъ циркуляръ министра внутреннпхъ дѣлъ, постановило подать государю адресъ, въ которомъ бы было указано, что „коренными законами государства дворянскому сословію дано право разсуждать на выборахъ о своихъ пользахъ и нуждахъ“; циркуляръ воспретившій говорить дворянамъ о крестьянскомъ вопросѣ, тѣмъ самымъ запретилъ имъ касаться своихъ сословныхъ пользъ и нуждъ. Однако ни Владимирскій, ни Рязанскій адреса не измѣнили создавшагося положенія дѣлъ. Но если правительство на выступленіе владимирскаго и рязанскаго дворянства посмотрѣло сквозь пальцы, то совершенно иначе оно отнеслось къ обсужденію министерскаго циркуляра въ Тверскомъ губернскомъ собраніи.

Тверскіе дворяне подъ предсѣдательствомъ своего губернскаго предводителя Унковскаго, послѣ горячей рѣчи бывшаго петрашевца Европеуса, амнистированнаго вмѣстѣ съ декабристами и остальными петрашевцами по коронаціонному манифесту въ 1856 г., постановили „не подражать бюрократіи все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся, бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора“, и обратиться къ верховной власти съ всеподданнѣйшимъ адресомъ, въ которомъ просить объ отмѣнѣ незаконнаго циркуляра. Ходатайство тверскихъ дворянъ не было принято губернаторомъ Барановымъ для отсылки его въ Петербургъ. Тогда дворянское собраніе отпра-

вило въ Петербургъ для врученія государю своего адреса спеціально-избранную депутацію. Адресъ однако принятъ не былъ, а Унковскій, какъ предсѣдатель собранія, незаконно допустившій обсужденіе правительственнаго циркуляра, устранялся отъ должности. На тверское дворянство наложена была, такимъ образомъ, весьма суровая кара. Дворяне не возражали, но въ знакъ протеста въ 8-ми изъ 12-ти уѣздовъ Тверской губ. никто не пожелалъ баллотироваться въ предводители, а на должность губернскаго предводителя всѣ кандидаты были забаллотированы. Правительство сочло это за демонстрацію, и, рѣшивъ по разслѣдованію, произведенному жандармскимъ генераломъ, что Унковскій и Европеусъ являются опасными общественными дѣятелями, сослало Унковскаго въ Вятку, а Европеуса въ Пермь. Этой мѣрой правительство чрезвычайно сильно способствовало нарастанію оппозиціоннаго настроенія не только въ дворянскихъ, но и въ широкихъ общественныхъ кругахъ.

Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. въ значительной мѣрѣ опредѣлила дальнѣйшій какъ правительственный, такъ и общественный курсъ. Въ правительственныхъ кругахъ уже непосредственно за отмѣной крѣпостного права стали брать верхъ чисто реакціонныя теченія. Въ апрѣлѣ 1861 г. вмѣсто Ланскаго и Милютина во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ поставленъ былъ Валуевъ, всецѣло преданный интересамъ дворянско-олигархической партіи. Новый министръ сталъ оказывать сильное вліяніе на способъ проведенія въ жизнь крестьянской реформы, особенно на дѣятельность мировыхъ посредниковъ, многіе изъ которыхъ интенсивно принялись за ликвидацію крѣпостныхъ отношеній въ русской деревнѣ. По настоянію Валуева наиболѣе либеральные посредники были устранены отъ своихъ должностей подъ предлогомъ сокращенія въ 1863 г. общаго по всей имперіи числа мировыхъ участковъ. На фонѣ зарождающейся правительственной реакціи все сильнѣе проявлялась потребность въ даль-

нѣйшихъ преобразованіяхъ. Передовые общественные круги немолчно твердили о необходимости коренного обновленія всѣхъ сторонъ русской жизни. Въ этомъ отношеніи громадную историческую роль сыгралъ Герценъ. Онъ хотя и написалъ въ своемъ „Колоколѣ“ нѣсколько восторженныхъ статей по поводу окончанія работъ надъ крестьянской реформой и привѣтствовалъ Александра II наименованіемъ „Освободителя“, но въ дальнѣйшихъ номерахъ журнала ставилъ вопросъ о широкихъ коренныхъ реформахъ. По всеобщему признанію, Герценъ въ это время былъ громадной общественной силой, властителемъ думъ передовой интеллигенціи. Если въ газетахъ и журналахъ, издаваемыхъ въ Россіи, нельзя было касаться дальнѣйшихъ преобразованій, то герценовскій „Колоколъ“ энергично будилъ общество и заставлялъ его думать о будущемъ. Подъ вліяніемъ реальныхъ потребностей жизни съ одной стороны и неустанной пропаганды зарубежнаго свободнаго слова съ другой, мысль о широкихъ гражданскихъ реформахъ все болѣе усвоивалась интеллигентными слоями русскаго общества. Въ 1861—1869 г.г. это реформаціонное теченіе окончательно выкристализовывается и отливается въ форму цѣлаго ряда адресовъ. Въ этихъ адресахъ, исходящихъ какъ и въ 1859 г. изъ дворянскихъ владѣльческихъ круговъ, вполнѣ опредѣленно проводилась та мысль, что крестьянская реформа является лишь первой главою въ длинномъ свиткѣ давно уже назрѣвшихъ либеральныхъ преобразованій.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ напр., въ Калужской и Тверской имѣли мѣсто періодическіе съѣзды мировыхъ посредниковъ, въ руки которыхъ попало почти цѣликомъ все дѣло реализаціи освободительнаго акта 19 февраля 1861 г. На этихъ губернскихъ съѣздахъ, засѣдавшихъ, къ тому же, въ присутствіи публики вырабатывались пожеланія, которыя, по мнѣнію мировыхъ посредниковъ, должны были являться руководящей нитью въ ихъ дальнѣйшей дѣятельности. Особенно

большой общественный интересъ представляютъ постановленія тверскихъ мировыхъ посредниковъ въ декабрѣ 1861 г. и тверского дворянскаго собранія въ февралѣ 1862 г.

Главнымъ пунктомъ, около котораго сосредоточивалось вниманіе какъ мировыхъ посредниковъ, такъ и дворянскаго собранія былъ вопросъ объ устройствѣ земскихъ кредитныхъ учрежденій. Но въ связи съ нимъ затронуты были и другія весьма важныя преобразованія. Для возрожденія какъ общественнаго, такъ и государственнаго кредита, тверское дворянское собраніе, всецѣло присоединяясь къ единогласно принятому постановленію мировыхъ посредниковъ, признавало неотложными слѣдующія реформы: 1) Преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола. 2) Учрежденіе независимаго и гласнаго суда. 3) Введеніе полной гласности во всѣ отрасли управленія, безъ чего не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству, а слѣдовательно и къ прочности существующаго порядка. 4) Уничтоженіе антагонизма между сословіями. Въ заключительной части своего постановленія тверское дворянство указывало, что эти реформы оно ждетъ не отъ правительства, а отъ самого народа; потому то и обнаруживаются неудачи мѣропріятій правительства, что у него нѣтъ поддержки въ общественныхъ кругахъ. „Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбой о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій“. Въ этомъ смыслѣ и былъ вотированъ адресъ. Въ этомъ постановленіи тверского губернскаго дворянскаго собранія въ началѣ 1862 г. было впервые вполнѣ опредѣленно указано на необходимость созыва народныхъ представителей. Въ томъ же 1862 г. аналогичное пожеланіе столь же конституціоннаго характера

высказано было московскимъ дворянскимъ собраніемъ. Москвичи просили мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проэкта реформъ. Но если такъ говорила старая Москва, гдѣ въ 17 в. засѣдали земскіе соборы, а въ 18 ст. созвана была Екатерининская законодательная комиссія, то и въ Петербургѣ, несмотря па его чисто бюрократическую обстановку, идея народнаго представительства нашла себѣ убѣжденныхъ защитниковъ. Въ очередномъ петербургскомъ дворянскомъ собраніи 1862 г. царскосельскій уѣздный предводитель Платоновъ выступилъ съ проэктомъ созыва общеземской думы, въ которой бы обсуждались дѣла, касающіяся всѣхъ сословій, всѣхъ губерній и уѣздовъ. При этомъ, по мнѣнію Платонова, въ общеземской думѣ дворянамъ, какъ наиболѣе образованнымъ, наиболѣе подготовленнымъ къ общественной дѣятельности слѣдовало дать нѣкоторое преобладаніе. Итакъ, въ теченіе 1862 г. въ цѣломъ рядѣ дворянскихъ собраній ярко проявилась общественная тенденція чисто-конституціоннаго характера.

Правительство должно было почувствовать, что среди землевладѣльческаго дворянства идея народнаго представительства находитъ себѣ много сторонниковъ. Поэтому въ началѣ 1863 г. министру внутреннихъ дѣлъ Валуеву поручено было Александромъ II составить проэктъ расширенія состава Государственнаго Совѣта представителями отъ будущихъ земскихъ учрежденій и городскихъ думъ. Валуевъ, не склонный вообще идти навстрѣчу „несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій, возбужденныхъ по поводу образованія земскихъ учрежденій“, составилъ, все же, къ концу 1863 г. проэктъ, о привлеченіи новыхъ членовъ въ составъ Государственнаго Совѣта. Ничего конституціоннаго въ немъ, конечно, не было и быть не могло. По предположенію Валуева, при Государствен-

номъ Совѣтѣ, какъ законосовѣщательномъ учрежденіи, должна была засѣдать подготовительная комиссія вродѣ тѣхъ редакціонныхъ комиссій, которыя выработали проэктъ крестьянской реформы. Въ составъ этой комиссіи входило 60 представителей:—отъ губернскихъ земскихъ собраній, по 3 депутата отъ Москвы и Петербурга, и по 1 депутату отъ 12 другихъ крупныхъ губернскихъ городовъ. Окраины, какъ напр. Кавказъ и Сибирь, въ которыхъ земскія учрежденія не вводились, избирали 32 представителя; сверхъ того правительство по своему усмотрѣнію назначало 30 депутатовъ. Черезъ эту комиссію должны были проходить всѣ законопроэкты до внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ. Но въ то время какъ конституціонные проэкты передового дворянства были близки къ осуществленію, произошли событія, оказавшія неблагопріятное вліяніе и на правительственные, и на общественные круги. Дворянскій конституціонализмъ потерпѣлъ свою первую аварію, наскочивъ на общеполитическіе подводные камни.

Лекція X.

Конституціонныя стремленія дворянскихъ цензовыхъ круговъ встрѣтили себѣ противодѣйствіе прежде всего въ средѣ самого же дворянскаго сословія. Я имѣю въ виду заявленія, сдѣланныя какъ разъ по поводу тверскихъ и московскихъ выступленій такими представителями передовой цензовой общественности, какъ ярый западникъ—профессоръ Кавелинъ и убѣжденный славянофилъ Юрій Самаринъ. Такъ Кавелинъ писалъ, что общенародное земское собраніе у насъ немыслимо до тѣхъ поръ, пока умы не будутъ воспитаны на идеѣ представительства въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ; только тогда, когда русское общество пройдетъ эту предварительную школу, можно говорить о созывѣ обще-государственнаго земскаго совѣта. Слѣдовательно, идея земскихъ учрежденій въ глазахъ Кавелина была въ это время гораздо цѣннѣе, чѣмъ принципъ общегосударственнаго представительства. Что касается Самарина, то онъ смотрѣлъ на вопросъ съ нѣсколько иной точки зрѣнія: „общенародной демократической конституціи у насъ сейчасъ быть не можетъ, а представительство олигархическаго направленія, по его убѣжденію, не отражаетъ настроенія народа и является ложью и обманомъ.

Вторымъ фактомъ, съ которымъ приходилось считаться дворянскому конституціонализму, былъ несомнѣнно ростъ радикально-разночиннаго настроенія въ странѣ. Въ глазахъ интеллигенціи разночиннаго лагеря, т. е. нецензовой, недворянской, вопросъ о конституціи, о коренномъ преобразованіи нашего государственнаго строя стоялъ на заднемъ планѣ. По ея мнѣнію въ первую очередь надо было разрѣшать пробле-

мы хозяйственныя и соціальныя, а также задачи культурно-просвѣтительныя. Слѣдовало прежде всего поднять экономическій и умственный уровень широкой народной массы.

Въ этомъ смыслѣ предполагало дѣйствовать общество „Земля и Воля“ основанное въ 1861 г. Серно-Соловьевичемъ, но скоро вынужденное прекратить свою дѣятельность. Въ томъ же направленіи выступали съ пропагандой идеи всесторонней эмансипаціи такіе передовые публицисты, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ въ „Современникѣ“ и „Русскомъ Словѣ.“ Борьба за индивидуальность, за освобожденіе личности отъ всякаго рода путъ, какъ общественныхъ, такъ и семейныхъ, борьба съ рутиной и традиціонными авторитетами сдѣлалась лозунгомъ молодого поколѣнія. Надо было уничтожить то темное царство, въ которомъ прозябало русское общество цѣлыми вѣками, надо было разбросать ту громадную кучу Сильвестровскаго Домостроя, которая давила русскую личность вѣковыми предразсудками. Въ этомъ смыслѣ статьи Добролюбова, удивительныя по своему содержанію и превосходныя по формѣ, были какъ бы набатомъ, призывающимъ русское общество къ новой жизни. Когда онъ умеръ въ 1861 г., его дѣло продолжалъ Писаревъ. Писаревъ, отличавшійся блестящимъ талантомъ и громаднымъ энтузіазмомъ, стоялъ на точкѣ зрѣнія радикальнаго міровоззрѣнія современной молодежи: „все то, что не будетъ разбито подъ напоромъ молодыхъ силъ, пусть существуетъ, говорилъ онъ, все то, что не выдержитъ удара этого молодого обновляющаго молота и будетъ разбито вдребезги, не должно впредь существовать“. Значитъ, уничтоженіе старыхъ авторитетовъ, борьба за новые освободительные принципы—вотъ къ чему стремилась передовая радикальная интеллигенція. Что касается Чернышевскаго, этого наиболѣе серьезнаго и вдумчиваго народника того времени, то въ его глазахъ необходимость осуществленія самыхъ широкихъ соціальныхъ преобразованій, главнымъ образомъ проведе-

нія обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ, стояла на первомъ планѣ. Онъ неустанно твердилъ о неоплатномъ нравственномъ долгѣ русской интеллигенціи передъ народомъ и звалъ всѣхъ образованныхъ людей на культуртрегерскую работу въ широкихъ массахъ городского и сельскаго населенія.

И вотъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ энергичной дѣятельности этихъ писателей-публицистовъ въ русской интеллигенціи, особенно среди учащейся молодежи, пробуждается горячее стремленіе подойти къ народной массѣ съ ярко зажженнымъ свѣточемъ знанія въ рукахъ. Предпринимается тотъ крестовый походъ на борьбу съ народнымъ невѣжествомъ и народной отсталостью, который охватываетъ конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ. Открываются воскресныя школы, вечерніе курсы, библіотеки и читальни, организуются бесѣды и кружки самообразованія. Во главѣ этого, такъ хорошо задуманнаго дѣла, становятся такіе прекрасные организаторы, какъ казанскій профессоръ Щаповъ и другой русскій историкъ, сперва кіевскій, а затѣмъ петербургскій—профессоръ Павловъ. Однако наряду съ подобнаго рода работой передовая, радикально настроенная, интеллигенція не чужда была интересовъ и чисто политическихъ. Правда, политика въ ея глазахъ должна была уступать первое мѣсто экономикѣ, но всеже въ средѣ разночинной интеллигенціи создавались довольно широкіе планы коренныхъ государственныхъ преобразованій. Такъ, еще лѣтомъ 1861 г. Серно-Соловьевичъ, одинъ изъ основателей общества „Земля и Воля“, въ брошюрѣ изданной въ Берлинѣ, опредѣленно указывалъ, наряду съ обязательностью выкупа крестьянскихъ надѣльныхъ земель, на неотложную необходимость ряда финансовыхъ, административныхъ и политическихъ преобразованій. Въ обществѣ въ это время стали циркулировать различныя воззванія и прокламаціи. Такъ напр., группа молодыхъ офицеровъ образовала общество „Великороссъ“, начавшее издавать журналъ подъ тѣмъ же названіемъ. При первомъ номерѣ этого журнала разо-

сланъ былъ проэктъ адреса на имя государя. Въ немъ указывалось на необходимость проведенія въ жизнь цѣлаго ряда политическихъ преобразованій и на созывъ народныхъ представителей въ Москвѣ или Петербургѣ, для составленія проэкта коренной реформы для Россіи, а также выборныхъ представителей польскаго народа въ Варшавѣ для составленія коренныхъ законовъ царства Польскаго. Это заявленіе было составлено въ либерально-демократическомъ направленіи, но были прокламаціи болѣе рѣшительнаго радикальнаго характера. Такъ, осенью 1861 г. появилось обращеніе „къ молодому поколѣнію", составленное извѣстнымъ поэтомъ-переводчикомъ Михайловымъ. Несмотря на преобладаніе въ этомъ обращеніи соціальныхъ элементовъ надъ политическими, въ немъ вполнѣ опредѣленно нашла себѣ отображеніе чисто-республиканская идеологія. „Мы хотимъ—писалъ Михайловъ—чтобы власть была разумная, понимающая потребности страны и дѣйствующая въ интересахъ народа, слѣдовательно выборная и ограниченная. Мы хотимъ свободы слова, развитія существующаго уже частью въ народѣ начала самоуправленія, равенство всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, податяхъ и повинностяхъ, открытаго словеснаго суда, уничтоженія тайной полиціи, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. Правительство должно давать отчетъ народу въ собранныхъ съ него деньгахъ, оно не должно вмѣшиваться въ вопросъ сохраненія или отмѣны общинаго владѣнія землей. Расходы на армію и управленіе, и срокъ солдатской службы должны быть сокращены. Должна быть дана амнистія политическимъ преступникамъ".

Въ концѣ этой михайловской прокламаціи высказывались даже прямыя угрозы династіи, если не будутъ проведены всѣ перечисленныя въ ней реформы. Но наиболѣе рѣзкимъ тономъ написано было въ маѣ 1862 г. воззваніе „Молодая Россія". Въ ней уже прямо говорилось о сверженіи монархіи. Авторы ея говорили совершенно маратовскимъ кровожаднымъ языкомъ. Являясь сторонниками „революціи кровавой и неумолимой",

они настаивали на радикальномъ измѣненіи всѣхъ безъ исключенія основъ современнаго общества. На развалинахъ монархіи долженъ былъ возникнуть „республиканско-федеративный союзъ областей“, причемъ всѣмъ безъ исключенія областямъ предоставлялась возможность рѣшить по большинству голосовъ: желаютъ ли они войти въ составъ федеративной россійской республики, или нѣтъ. Свои требованія авторы воззванія мечтали осуществить путемъ захвата власти и организаціи временнаго правительства. Подъ его вліяніемъ и контролемъ должно было быть созвано національное собраніе съ принятіемъ всѣхъ мѣръ къ тому, чтобы въ его составъ не могли проникнуть сторонники стараго порядка. Вся тогдашняя Россія раздѣлялась въ этой прокламаціи на 2 части: партію народную и партію императорскую, и такъ какъ всѣ не сочувствовавшіе революціи причислялись къ партіи императорской, то указывалось, что ихъ надо бить и убивать, гдѣ прійдется и съ энтузіазмомъ проповѣдывался топоръ, кинжалъ и пожаръ. Такимъ образомъ здѣсь шла рѣчь не только о федеративной республикѣ, но и о революціонной диктатурѣ. Самъ Чернышевскій, отрицательно относившійся къ выступленіямъ дворянъ - либераловъ, будучи увѣренъ, что ихъ конституціонные проекты въ результатѣ отодвинутъ на задній планъ широкое, всестороннее разрѣшеніе соціальной проблемы, нѣсколько измѣнилъ свою точку зрѣнія въ началѣ 1862 г. Когда онъ почувствовалъ въ заявленіяхъ тверскихъ дворянъ нѣкоторое проявленіе истиннаго демократизма, то въ своихъ „письмахъ безъ адреса“, которымъ суждено было увидѣть свѣтъ только въ 1874 г., привѣтствовалъ выступленіе передовой дворянской интеллигенціи. Въ этихъ любопытныхъ „письмахъ“ Чернышевскій указывалъ, что въ настоящее время идея конституціонализма довольно широко развита въ обществѣ и питается всеобщимъ недовольствомъ; недовольны и чиновники, и духовенство, недовольны и дворяне и крестьяне. Вотъ для того, чтобы это недовольство могло найти себѣ

законный выходъ, и надо созвать представителей всего русскаго народа. Но, конечно, точка зрѣнія Чернышевскаго, какъ наиболѣе уравновѣшеннаго и умудреннаго опытомъ народника, не могла встрѣтить всеобщаго признанія въ радикально настроенной молодежи. Онъ пользовался громаднымъ успѣхомъ въ глазахъ широкихъ круговъ читателей „Современника“ и поклонниковъ его популяризаторской дѣятельности, но среди молодого поколѣнія принципы, исповѣдуемые Писаревымъ находили себѣ значительно большій откликъ. Молодежь стремилась немедленно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пропагандировать идеи, почерпнутыя изъ писаревскихъ статей. Она находилась въ возбужденномъ, наэлектризованномъ состояніи. Университеты, которые по остроумному выраженію Пирогова всегда являются лучшими общественными барометрами, естественно становились центрами этого новаго настроенія учащейся молодежи. Еще въ началѣ 1861 г. эта молодежь дала понять правительству, что она не потерпитъ надъ собой никакого гнета. Когда новый министръ народнаго просвѣщенія вздумалъ издать строгія правила въ цѣляхъ регламентаціи студенческой жизни въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, а 8 февраля 1861 г. воспрещена была въ петербургскомъ университетѣ актовая рѣчь профессора Костомарова объ историческихъ трудахъ только что скончавшагося Константина Аксакова, студенческая масса въ Петербургѣ начала волноваться. Студенты впервые вышли на улицу, приковывая къ себѣ всеобщее вниманіе. Изъ петербургскаго университета волненія перекинулись въ Москву и въ другіе университетскіе города. 1861 годъ является такимъ образомъ, моментомъ, когда студенческое волненіе принимаетъ болѣе широкій не только академическій, но и политическій характеръ. Правительство было перепугано этой высоко поднявшейся волной оппозиціоннаго движенія среди учащейся молодежи, что вполнѣ опредѣленно видно изъ слѣдующихъ словъ письма адмирала Путятина къ его другу московскому

митрополиту Филарету: „Цѣль преступныхъ дѣйствій направлена къ ниспроверженію существующаго порядка и даже, повидимому, династіи".

Все это заставляло думать правительство, что радикальное движеніе чрезвычайно широко разлито въ обществѣ. Поэтому, когда одновременно съ появленіемъ уже знакомыхъ намъ прокламацій Михайлова и „молодой Россіи" въ началѣ 1862 г. возникли пожары въ Петербургѣ, въ Саратовѣ и другихъ поволжскихъ городахъ, въ правительственныхъ кругахъ были увѣрены, что они произведены большимъ революціоннымъ обществомъ, и что такимъ путемъ радикальныя организаціи стремятся терроризировать правительство. Ивану Серг. Тургеневу одинъ изъ его высокопоставленныхъ знакомыхъ по этому поводу сказалъ: „Вотъ что дѣлаютъ ваши нигилисты, жгутъ Петербургъ." Однако, какъ теперь выяснено цѣлымъ рядомъ современниковъ, эти пожары были чисто провокаціоннаго происхожденія, они являлись прекраснымъ способомъ со стороны административныхъ и общественныхъ реакціонныхъ элементовъ—показать Александру II и лицамъ, стоящимъ у кормила правленія, до какихъ предѣловъ можетъ дойти нигилистическая пропаганда въ обществѣ.

Въ связи съ этими пожарами, принявшими грозный, почти стихійный характеръ, и подъ вліяніемъ вспыхнувшаго въ 1863 г. польскаго возстанія, которое началось съ того, что ночью перерѣзанъ былъ русскій гарнизонъ въ Варшавѣ и вскорѣ приняло чисто-революціонную окраску, въ обществѣ стало обнаруживаться консервативное и даже шовинистическое настроеніе. Среди тѣхъ самыхъ либераловъ, которые раньше проявляли себя какъ сторонники обновленнаго строя, какъ сторонники созыва земской думы, проявляется боязнь того, какъ бы будущее народное представительство не вступило на путь самыхъ коренныхъ радикальныхъ реформъ. 1863 годъ является, такимъ образомъ, моментомъ кризиса въ настроеніи не только правительственныхъ, но и общественныхъ сферъ. Въ этомъ отно-

шеніи польское возстаніе сыграло несомнѣнно рѣшающую роль. Когда въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе, перекинувшееся и на Литву, Герценъ открыто сталъ на защиту польскаго дѣла и доказывалъ необходимость дарованія Польшѣ самыхъ широкихъ политическихъ правъ. Послѣ того какъ для подавленія возстанія былъ отправленъ Муравьевъ съ чрезвычайными полномочіями, въ Зап. Европѣ, особенно во Франціи и Англіи, ярко проявилось стремленіе принять Польшу подъ свое покровительство и посредствомъ дипломатическаго вмѣшательства оказать вліяніе на судьбу польско-русскаго конфликта. Вѣроятно потому, что это вмѣшательство явилось оскорбленіемъ русскому національному чувству, въ отвѣтъ на шаги, предпринятые французскими и англійскими дипломатами, вспыхнуло весьма сильное патріотическое возбужденіе въ дворянскихъ и городскихъ общественныхъ кругахъ. Началось то знаменитое адресное движеніе, которое на этотъ разъ было принято правительствомъ довольно благожелательно. Всѣ адреса, особенно отъ дворянскихъ собраній, проводили ту мысль, что правительство можетъ вполнѣ надѣяться на поддержку общества въ борьбѣ съ внутреннимъ и внѣшнимъ врагомъ. Особенно много заставилъ говорить о себѣ адресъ московскихъ старообрядцевъ, редактированный, но нѣкоторымъ извѣстіямъ, Катковымъ и заключавшій въ своемъ текстѣ знаменательную фразу: „Въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится“, Александръ II, принимая въ день своего рожденія 17 апрѣля 1863 г. многочисленныя депутаціи, представившія ему адреса, благодарилъ ихъ за содѣйствіе и поддержку, министру же иностранныхъ дѣлъ кн. Горчакову поручилъ въ отвѣтной циркулярной нотѣ ко всѣмъ западно-европейскимъ правительствамъ указать, что русское правительство не оставляетъ намѣренія проводить широкія муниципальныя реформы, что оно никогда не вступитъ на путь реакціи, и его лозунгомъ будетъ стремленіе идти впередъ безъ слабостей и безъ отступленій.

Въ этомъ смыслѣ и были оповѣщены всѣ иностранныя державы. О созывѣ народныхъ представителей въ этой циркулярной нотѣ не было ни слова. Вскорѣ по подавленіи польскаго возстанія даже Валуевскій проектъ былъ признанъ несвоевременнымъ. Чтобы ознакомить васъ со взглядами самого Александра II на конституціонную форму правленія, я считаю не лишнимъ привести двѣ его бесѣды на эту тему, одну съ Николаемъ Милютинымъ въ 1863 г., другую съ звенигородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Голохвастовымъ въ 1865 г. Въ програмномъ разговорѣ съ Милютинымъ передъ отправленіемъ его въ Польшу для содѣйствія фельдмаршалу Бергу въ дѣлѣ умиротворенія этого края, Александръ II между прочимъ сказалъ, „что самъ онъ не является врагомъ конституціонныхъ учрежденій, но не можетъ дать эти учрежденія бунтующей Польшѣ прежде, чѣмъ не дастъ ихъ лойяльной Россіи; эту же послѣднюю онъ еще не считаетъ созрѣвшей для народно-представительнаго строя. Съ Голохвастовымъ же Александръ II велъ бесѣду по поводу политическихъ настроеній среди дворянъ московской губерніи и сказалъ между прочимъ: „Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски“.

Что касается радикальныхъ общественныхъ элементовъ, то они въ связи съ петербургскими пожарами и съ общимъ поправѣніемъ курса всей внутренней политики потерпѣли значительный уронъ. Писаревъ и Чернышевскій были арестованы. Первый изъ нихъ былъ присужденъ къ 2½ г.г. тюремнаго заключенія, а Чернышевскому вмѣнили въ вину составленіе прокламаціи „къ барскимъ крестьянамъ“, въ которой рекомендовались самыя террористическія мѣры для расправы съ помѣщиками. Хотя Чернышевскій и отрицалъ фактъ составленія имъ этой прокламаціи, но особымъ присутствіемъ Сената онъ былъ осужденъ на 14 лѣтъ каторж-

ныхъ работъ; правда, этотъ приговоръ былъ нѣсколько смягченъ Александромъ II и срокъ каторжныхъ работъ былъ сокращенъ на 6 лѣтъ. Но процессъ Чернышевскаго является все же самымъ темнымъ пятномъ въ правительственной дѣятельности 60-хъ годовъ. Одно лицо, близко стоящее къ правящимъ сферамъ, признавалось впослѣдствіи, что Чернышевскій былъ осужденъ только потому, что правительство слишкомъ боялось его сильнаго вліянія на широкіе общественные круги. Расправившись такъ сурово съ идейными вождями радикализма, правительство обрушилось на культурныя начинанія интеллигенціи народническаго направленія. Подъ предлогомъ обнаруженія соціалистической пропаганды въ двухъ петербургскихъ воскресныхъ школахъ стали чуть ли не повсемѣстно закрываться воскресныя школы, вечерніе курсы и народныя библіотеки. Такіе видные представители культуртрегерской работы въ народной средѣ, какъ профессора Павловъ и Щаповъ были высланы. Прогрессивная печать подверглась преслѣдованію. Реакція свинцовой тучей нависла надъ русской общественностью.

Лекція XI.

Въ прошлый часъ я вскрылъ передъ вами, господа, ту насыщенную реакціоннымъ туманомъ атмосферу, въ которой очутилось русское общество къ срединѣ 60-хъ годовъ. Въ такой далеко неблагопріятной обстановкѣ обнародовано было 1-го января 1864 г. „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ", а 20 ноября того же года Россія получила новый гласный судъ. Задуманныя еще въ связи съ отмѣной крѣпостного права, эти реформы осуществлялись правительствомъ скорѣй по инерціи, чѣмъ изъ сознанія ихъ необходимости и цѣлесообразности. Оба новыхъ учрежденія—и всесословное самоуправленіе, и равный для всѣхъ судъ—съ самаго начала были взяты подъ сильное подозрѣніе какъ центральной, такъ и мѣстной администраціи. Въ обществѣ же въ связи съ земской и судебной реформами снова пробудились стремленія къ „завершенію зданія", къ введенію народнаго представительства.

Эти стремленія ярко воплотились въ адресѣ московскаго дворянства, принятомъ послѣ ряда рѣзкихъ оппозиціонныхъ рѣчей въ очередномъ губернскомъ собраніи 11 января 1865 г. Въ этомъ адресѣ окончательно ставился крестъ надъ бюрократической системой управленія. Отдавъ дань вѣрноподданнической признательности за только что осуществленную реформу мѣстнаго самоуправленія, московскіе дворяне въ своемъ адресѣ говорили: „Призванному Вами, Государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ зе-

мли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите Вашему вѣрному дворянству съ этой же цѣлью избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердой опорой русскаго престола. Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды Вашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго исполненія законовъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, и внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть". Хотя, какъ вы видите, дворяне склонны были доказывать необходимость созыва народныхъ представителей соображеніями, почерпнутыми изъ полицейскаго арсенала, но правительство въ 1865 г. далеко не намѣрено было вступить на путь коренной государственной реформы. Московскій адресъ принятъ не былъ и для того, чтобы предупредить дальнѣйшія выступленія въ томъ же духѣ, данъ былъ рескриптъ министра внутр. дѣлъ Валуева, въ которомъ Александръ II указывалъ, что совершившіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о его постоянной заботливости улучшать и совершенствовать въ имъ самимъ опредѣленномъ порядкѣ разныя отрасли государственнаго устройства. „Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постояннаго совершенствованія принадлежитъ исключительно мнѣ", писалъ въ немъ государь, „и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ мнѣ ввѣренною". Заключительныя слова этого знаменательнаго акта были чрезвычайно показательны для окончательно установившагося къ тому времени въ правящихъ кругахъ уклона въ сторону реакціи. „Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя передо мною ходатайства объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установ-

леннаго порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго передъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ“. Такимъ образомъ дворянскимъ собраніямъ запрещено было касаться общегосударственныхъ вопросовъ. Дворяне лишились права ходатайствовать передъ верховной властью о мѣстныхъ и общегосударственныхъ пользахъ и нуждахъ, права, дарованнаго имъ жалованной грамотой Екатерины II и подтвержденнаго при Николаѣ I 9-мъ томомъ Свода Законовъ.

Почти одновременно правительственныя репрессіи направлены были и противъ новыхъ земскихъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1865 г. въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи былъ поднятъ вопросъ объ образованіи общегосударственнаго земскаго собранія для обсужденія такихъ мѣропріятій, которыя касаются цѣлаго ряда земствъ. Когда это предложеніе, которое особенно отстаивали гласные Платоновъ и гр. Шуваловъ, было принято земскимъ собраніемъ въ 1867 г., то оно было опротестовано и земскія учрежденія петербургской губерніи были подвергнуты тяжелымъ наказаніямъ. Въ началѣ 1867 г. они были закрыты и ихъ функціи снова были переданы старымъ дореформеннымъ учрежденіямъ. Этой рѣшительной мѣрой воздѣйствія правительство какъ бы хотѣло поставить на видъ новымъ органамъ земскаго самоуправленія, что выходить изъ сферы данной имъ компетенціи оно не допуститъ. Такимъ образомъ въ срединѣ 60-хъ годовъ и дворянству, и земству воспрещено было касаться вопроса о коренной государственной реформѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣдовало подобное же ограниченіе и для органовъ городского самоуправленія, во-

площавшихъ въ себѣ мнѣніе преимущественно торгово-промышленной части населенія. Этотъ новый актъ реакціонной бюрократіи произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ срединѣ 1870 г. послѣ разгрома Франціи соединенными силами всей Германіи, Россія, заручившись согласіемъ Бисмарка, рѣшила не считать себя болѣе связанной постановленіями парижскаго договора объ ограниченіи своихъ правъ на Черномъ морѣ. По этому поводу московской городской Думой принятъ былъ адресъ, составленный извѣстнымъ славянофиломъ кн. Черкасскимъ, только что передъ тѣмъ избраннымъ городскимъ головой. Вслѣдъ за выраженіемъ патріотической радости по случаю отмѣны унизительныхъ для Россіи статей парижскаго трактата въ немъ между прочимъ говорилось: „какія бы испытанія ни грозили намъ нынѣ, они не застанутъ Россію неприготовленною; они несомнѣнно найдутъ Россію тѣсно сомкнутою вокругъ Вашего престола... Отъ Васъ однихъ ожидаетъ онъ и довершенія Вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего—простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти, свободы церковной, безъ которой не дѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ свободы вѣрующей совѣсти—этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой. Государь! Дѣла внутреннія и внѣшнія связуются неразрывно. Залогъ успѣховъ въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія, которую вноситъ государство во всѣ направленія своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ и созидается то единство, которое было историческимъ завѣтомъ Вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія“. Этотъ адресъ, какъ видите, былъ чрезвычайно умѣреннымъ и лойяльнымъ; о народномъ представительствѣ въ немъ не говорилось ни слова и, тѣмъ не менѣе, онъ вызвалъ по отношенію къ его составителямъ репрессивныя мѣры со стороны пра-

вительства. Министръ внутреннихъ дѣлъ возвратилъ думскій адресъ московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что онъ не нашелъ возможнымъ представить его государю, а министръ императорскаго двора отозвался о немъ въ офиціальной бумагѣ, какъ о составленномъ „въ неумѣстной и неприличной формѣ". Князь Черкасскій вынужденъ былъ послѣ этого подать въ отставку. Итакъ, правительство опредѣленно не хотѣло считаться съ голосомъ общественнаго мнѣнія. Бюрократія стояла высокой стѣной между царемъ и народомъ и темная ночь реакціи спустилась на русскую землю.

Таково было положеніе вещей, когда вся Россія 4-го апрѣля 1866 г. потрясена была выстрѣломъ Каракозова. Это было первое покушеніе на Александра II. Каракозовъ стрѣлялъ вполнѣ открыто, когда государь возвращался съ прогулки изъ Лѣтняго сада и садился въ коляску. Въ связи съ этимъ выстрѣломъ правительственная реакція стала усиливаться еще болѣе. Были немедленно приняты самыя рѣшительныя мѣры. Подъ предсѣдательствомъ Муравьева, усмирителя польскаго возстанія, образована была чрезвычайная слѣдственная комиссія съ огромными полномочіями. Обратились даже къ содѣйствію общественныхъ силъ, чтобы какъ можно скорѣе открыть тотъ заговоръ, въ существованіи котораго было увѣрено правительство. Но на самомъ дѣлѣ никакого заговора не было. Каракозовъ стрѣлялъ въ Александра II-го по собственной иниціативѣ. Съ большимъ трудомъ удалось обнаружить въ Москвѣ общество, во главѣ котораго стоялъ двоюродный братъ Каракозова Ишутинъ. Но оно было далеко отъ какихъ бы то ни было террористическихъ актовъ. Члены этого ишутинскаго кружка стремились распространять въ крестьянской рабочей средѣ соціалистическія идеи, мечтали о томъ, чтобы заняться широкой пропагандой на Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходнаго сообщенія и указывали на необходимость возбуждать антагонизмъ между крестьянствомъ и дворянствомъ, между обществомъ и представителями власти. Такимъ образомъ никакого

комплота, преслѣдовавшаго террористическія цѣли, слѣдственной комиссіи обнаружить не удалось. Тѣмъ не менѣе Каракозовъ былъ казненъ, а члены ишутинскаго кружка сосланы были на каторгу. Въ связи съ каракозовскимъ покушеніемъ послѣдовали значительныя перемѣны въ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ; получили отставку и министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ, и шефъ жандармовъ кн. Долгорукій, и петербургскій генералъ-губернаторъ кн. Суворовъ. У кормила правленія появляются другія лица: молодой генералъ изъ придворной аристократіи гр. Шуваловъ и петербургскій оберъ-полицмейстеръ Треповъ. Во главѣ правительства стала реакціонная клика, въ составъ которой вошли Шуваловъ, Валуевъ и министръ государственныхъ имуществъ Зеленый. Они всячески настаивали передъ имп. Александромъ II на необходимости самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Подъ вліяніемъ этого реакціоннаго тріумвирата изданъ былъ 15 мая 1867 г. рескриптъ на имя представителя государственнаго совѣта кн. Гагарина, въ которомъ всѣ вѣдомства, сословія и частныя лица въ домашнемъ быту приглашались къ охранительной дѣятельности и къ борьбѣ съ тлетворными идеями, направленными противъ религіи, собственности и государственнаго порядка. Одновременно предпринимаются важныя распоряженія, касающіяся областного управленія. Губернаторы облекаются чрезвычайными полномочіями, въ силу которыхъ подчиняются имъ всѣ правительственныя и общественныя учрежденія въ губерніи. Всѣ лица служащіе въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи должны были впредь въ своихъ должностяхъ утверждаться губернаторомъ. — Постановленія земскихъ собраній и протоколы ихъ засѣданій могли печататься въ газетахъ тоже только съ разрѣшенія мѣстной губернской власти. Даже органы судебнаго вѣдомства отдавались какъ бы подъ начальство губернатору, такъ какъ, по циркуляру министра юстиціи, судебныя власти должны были оказывать всяческое содѣйствіе начальнику губерніи

Вполнѣ понятно, что лица, стремившіяся отдать всѣ свои силы мѣстной земской дѣятельности, почувствовали полную невозможность проводить въ жизнь свои либеральные взгляды при столь ненормальныхъ условіяхъ окружающей дѣйствительности. Очень многіе изъ тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые въ началѣ 60-хъ годовъ мечтали о широкой работѣ въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, черезъ 9—10 лѣтъ совершенно разочаровались въ возможности принести какую бы то ни было пользу на земскомъ поприщѣ. Въ провинціи наступаетъ всеобщая апатія; личные эгоистическіе интересы начинаютъ брать верхъ надъ вопросами общественными, надъ широкими задачами новаго государственнаго строительства. Тѣ органы печати, которые еще будили общественную мысль, которые ставили передъ обществомъ новые запросы, а именно „Современникъ" и „Русское слово" были закрыты навсегда, а такой органъ славянофильской печати, какъ аксаковскій „День" подвергся тоже строгимъ репрессіямъ за рѣзкость тона и несдержанность выраженій. Печать, которая прежде оказывала сильное вліяніе на общественное мнѣніе, поставлена была теперь въ тѣсныя и узкія рамки. Однако правительственнымъ реакціонерамъ не удалось окончательно сломить общественное мнѣніе страны. Подъ гнетомъ административныхъ преслѣдованій и полицейскихъ репрессій оно все болѣе и болѣе радикализировалось. Оппозиціонное настроеніе обнаруживалось все сильнѣе и притомъ въ такихъ слояхъ, которые раньше были вполнѣ чужды какой бы то ни было политики.

Если либеральные дворянскіе элементы въ силу указанныхъ мною причинъ затихли и замолкли, если только въ одномъ тверскомъ земствѣ къ началу 70-хъ годовъ прежніе завѣты сохранились ненарушимо и горѣли яркимъ огнемъ даже въ эпоху затяжной реакціи, то въ молодыхъ радикальныхъ кругахъ создавались все новые проэкты и планы по поводу разрѣшенія всѣхъ больныхъ и острыхъ вопросовъ въ русской жизни. Въ

этихъ общественныхъ кругахъ все болѣе задумываются надъ теоріей общественнаго и государственнаго строительства. Подъ вліяніемъ популяризаціи новѣйшихъ западно-европейскихъ соціальныхъ и біологическихъ проблемъ на страницахъ „Современника“ и „Русскаго Слова“, радикальное теченіе съ каждымъ годомъ все росло и крѣпло. Въ молодомъ поколѣніи, воспитавшемся на Чернышевскомъ, Добролюбовѣ и, главнымъ образомъ, на Писаревѣ, недовольство пускало все болѣе глубокіе корни. Уже въ 1861 г., послѣ суровой административной расправы съ петербургскимъ студенчествомъ, Герценъ впервые указалъ, въ какомъ направленіи должна дѣйствовать учащаяся молодежь. „Ну, куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку? Сказать вамъ: куда? Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ, къ народу, вотъ вамъ мѣсто, изгнанники науки; покажите всѣмъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!“ Такимъ образомъ кличъ „въ народъ“ былъ брошенъ въ русское общество; и стремленіе подойти къ той самой народной массѣ, которая была юридически раскрѣпощена, но экономически придавлена реформой 1861 г., сдѣлалось основнымъ стимуломъ нарождающейся разночинной интеллигенціи. Въ народъ шли тогда и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ слова. Съ одной стороны шли въ народъ для практической дѣятельности: или для культуртрегерской работы или для соціалистической пропаганды. Но съ другой стороны въ связи съ отмѣной крѣпостного права и съ выходомъ народной массы на новую дорогу своего историческаго развитія въ широкихъ общественныхъ слояхъ пробуждался серьезный и глубокій интересъ ко всѣмъ рѣшительно сторонамъ народной жизни. Въ

народъ пошла тогда и русская литература,—припомните Глѣба Успенскаго и Златовратскаго,—и въ соприкосновеніи съ народной стихіей стала черпать новые сюжеты для своей художественной дѣятельности. Въ народъ пошла и русская живопись,—припомните Передвижниковъ, Крамскаго, Рѣпина, Маковскихъ и др.,— и стала увѣковѣчивать на полотнѣ въ яркихъ и сочныхъ краскахъ бытовыя сцены изъ городской и сельской жизни. Въ народъ пошла и русская музыка; народныя пѣсни и мелодіи превратились въ перлы художественнаго творчества въ произведеніяхъ такихъ крупныхъ мастеровъ, какъ Балакиревъ, Мусоргскій, Чайковскій и Римскій-Корсаковъ. Пошла наконецъ въ народъ и русская наука, собирая и изучая все многообразіе народнаго прошлаго. Появляются такіе труды по исторіи крестьянства, какъ изслѣдованія Бѣляева, Щапова, Ефименко и Семевскаго; извѣстные юристы, Евгеній Якушкинъ и проф. Шепелевскій, предаются изученію обычнаго права, а блестящая плеяда фольклористовъ съ Гельфердингомъ, Рыбниковымъ, Орестомъ и Всеволодомъ Миллерами и академиками братьями Всесловскими во главѣ съ жаромъ принимаются собирать, записывать и подвергать научному анализу произведенія литературнаго народнаго творчества. Народничество, такимъ образомъ, стало тѣмъ могучимъ стягомъ, подъ которымъ на рубежѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ сплотилось все живое, отзывчивое и талантливое, что только имѣлось въ русской общественности. На фонѣ этого широкаго идейнаго движенія выдѣляются двѣ струи политическаго радикализма, къ знакомству съ которыми намъ и слѣдуетъ перейти.

Лекція XII.

Какъ я указалъ въ концѣ прошлой лекціи, господа, въ исходѣ 60-хъ годовъ наряду съ идейнымъ народничествомъ нарождается и крѣпнетъ народничество активное. Если первое преслѣдовало чисто культуртрегерскія цѣли, то второе стремилось разрѣшать задачи отчасти соціалистическаго, отчасти анархическаго характера. Культуртрегерская работа, какъ вамъ уже извѣстно, была прервана въ 1862 г., а второе направленіе, которое я назвалъ активнымъ народничествомъ, стало давать себя знать съ конца 60-хъ годовъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи сразу можно сказать намѣтилось два теченія: одно вполнѣ мирное, соціалистическое, другое — анархическаго бунтарскаго характера. Представителемъ перваго теченія былъ авторъ извѣстныхъ „историческихъ писемъ" Лавровъ-Миртовъ, а идейнымъ вождемъ второго являлся вождь западно-европейскаго анархизма Михаилъ Бакунинъ. Оба эти писателя выдуждены были жить заграницей и вдохновлять оттуда своихъ послѣдователей и единомышленниковъ. Въ самой Россіи стали образовываться кружки и мирнаго соціалистическаго и революціоннаго бунтарскаго характера. Такъ напр., въ концѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ существовалъ кружокъ Чайковскаго и кн. Крапоткина соціалистическаго направленія, въ Москвѣ же образовался кружокъ Долгушина и Дмоховскаго, ставившій себѣ цѣли революціоннаго характера. Чайковскій старался подойти къ крестьянской и рабочей массѣ съ теоретическими положеніями западно-европейскаго соціализма и анархизма, а кружокъ Долгушина хотѣлъ распропагандировать крестьянскую и ра-

бочую массу для немедленнаго коренного общественнаго и государственнаго переворота. Съ этими двумя теченіями намъ еще придется столкнуться при характеристикѣ народничества и народовольства 70-хъ г.г.

Какъ разъ въ то самое время, когда правительство окончательно вступило на путь реакціи и когда власть центральная въ лицѣ 3-го отдѣленія и министерства внутреннихъ дѣлъ и провинціальная въ лицѣ губернаторовъ и жандармскаго начальства стала сильно тормозить работу мѣстныхъ людей и на каждомъ шагу ставить преграды просвѣтительной дѣятельности земскаго и городского самоуправленія, радикальное теченіе въ русскомъ обществѣ все росло и крѣпло. На ростъ радикализма повліяли слѣдующіе три обстоятельства: пропаганда соціализма въ Зап. Европѣ, усилившаяся съ момента образованія Марксомъ и Бакунинымъ международной ассоціаціи рабочихъ или интернаціонала, успѣхъ парижской коммуны 1871 г. и, наконецъ, циркулярное распоряженіе русскаго правительства 1873 г. съ требованіемъ возвращенія изъ западно-европейскихъ университетовъ въ извѣстный срокъ всѣхъ учащихся русскаго происхожденія и съ угрозой поставить внѣ закона всѣхъ ослушниковъ. Послѣднее обстоятельство сыграло особенно крупную роль. По этому поводу извѣстный революціонный дѣятель 70-хъ годовъ Степнякъ-Кравчинскій говоритъ въ своей книгѣ „Революціонная Россія“: „Правительство попало, что называется, пальцемъ въ небо. Дѣло въ томъ, что въ средѣ русскихъ, пребывавшихъ въ Цюрихѣ, уже и безъ того возникали болѣе или менѣе опредѣленные планы возвращенія на родину съ цѣлью распространенія тамъ идей Интернаціонала, и указъ привелъ только къ тому, что вмѣсто возвращенія поодиночкѣ вернулись всѣ почти поголовно и разомъ“. Благодаря всему этому радикальная идеологія стала быстро распространяться среди молодежи, и создавались вполнѣ готовые элементы для соціалистической и революціонной пропаганды. Впервые весною 1874 г. двинулось въ народъ много уча-

щейся молодежи: и лица съ профессіональнымъ образованіемъ, какъ напр. фельдшера, акушерки и врачи, и такъ называемые кающіеся дворяне, сознавшіе свой долгъ передъ народомъ. Всѣ они энергично старались распространять среди крестьянъ соціалистическія ученія. Это были чистые народники, чуждые всякихъ бунтарскихъ попытокъ. Но въ силу того, что это движеніе было разрозненнымъ, что пропагандистовъ, хотя они и переодѣвались въ крестьянское платье, легко можно было узнать, правительство почти всѣхъ ихъ довольно быстро заарестовало. Въ общей сложности въ 37 губерніяхъ подвергнуто было задержанію до 770 человѣкъ. Такимъ образомъ, эта первая попытка подойти къ народу съ широкой соціалистической программой, доказать крестьянамъ необходимость передачи въ ихъ руки всѣхъ земель и выяснить рабочимъ принципъ обобществленья средствъ и орудій производства, окончилась полной неудачей. Среди народниковъ возникло тогда стремленіе сорганизоваться и вообще дѣйствовать болѣе планомѣрно. Въ 1876 г. возникаетъ общество „Земля и Воля", подъ тѣмъ самымъ флагомъ, подъ которымъ работали нѣкоторые радикальные дѣятели 60-хъ годовъ, какъ, напр. Серно-Соловьевичъ. Теперь молодежь рѣшила дѣйствовать иначе, подходить къ народной массѣ съ той стороны, на которую особенно пристально обращено вниманіе крестьянства, обзаводиться въ мѣстностяхъ лавочками, промышленными заведеніями, мельницами, поступать на службу въ волостныя правленія, въ земскія учрежденія на должности писарей, фельдшеровъ, учителей и т. д. Важно было имѣть сотрудниковъ среди мѣстныхъ крестьянъ, устраивая такъ называемыя „поселенія". Но эти народники-деревенщики также въ концѣ-концовъ потерпѣли неудачу въ 1877—1878 гг.

Первымъ активнымъ выступленіемъ этого новаго общества „Земля и Воля" была извѣстная демонстрація въ Петербургѣ 6-го декабря 1876 г. На Невскомъ у Казанскаго собора должна была собраться большая толпа

рабочихъ, предполагали выкинуть красное знамя, произнести рѣчь, пройтись по городу и мирно разойтись по домамъ; но такъ какъ къ назначенному времени собралось не болѣе 200 чел., то хотя и развернули красное знамя и была произнесена рѣчь не кѣмъ инымъ какъ современнымъ маститымъ идейнымъ вождемъ соціалъ-демократовъ меньшевиковъ Г. В. Плехановымъ, все окончилось крайне печально. Полиція натравила на демонстрантовъ дворниковъ и сидѣльцевъ Гостинаго Двора; началось жестокое и кровавое избіеніе, человѣкъ 20 было арестовано, прочіе успѣли разбѣжаться. Въ связи съ Казанской демонстраціей возникло нѣсколько политическихъ процессовъ, заполнившихъ весь 1877 г. Съ 18-го по 25 января 1877 г. разбиралось въ сенатѣ дѣло по поводу Казанской демонстраціи, причемъ 5 человѣкъ были приговорены къ каторгѣ, а 10—къ ссылкѣ на поселеніе. Затѣмъ съ 21 февраля по 14 марта шелъ въ сенатѣ процессъ 50-ти или такъ наз. московской группы, закончившійся присужденіемъ цѣлаго ряда лицъ за пропаганду анархическихъ идей среди рабочихъ и ремесленниковъ къ самымъ суровымъ наказаніямъ до каторжныхъ работъ включительно. Въ маѣ разсматривалось дѣло „Южно-Русскаго Рабочаго Союза“, а осенью съ 18 октября начался большой процессъ 193-хъ, главнымъ образомъ тѣхъ лицъ, которыя были захвачены во время пропаганды 1874 г. Всѣ эти процессы въ достаточной степени показываютъ, какъ широко разлилось радикальное движеніе въ молодой русской интеллигенціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обнаруживаютъ, какъ боялось правительство этой радикальной пропаганды и какъ стремительно хотѣло оно подавить это движеніе въ корнѣ самыми суровыми, подчасъ жестокими карами.

Въ связи съ этими правительственными репрессіями въ отношеніи радикальныхъ общественныхъ группъ начинается то движеніе, которое перешло въ исторію подъ общимъ названіемъ террора. На гнетъ правительства сверху рѣшено было отвѣчать устрашающимъ воз-

дѣйствіемъ снизу. Терроръ также какъ и массовые политическіе процессы возникаетъ въ связи съ Казанской демонстраціей. Такъ, когда лѣтомъ 1877 г. одинъ изъ присужденныхъ къ каторжнымъ работамъ по дѣлу объ этой демонстраціи—Емельяновъ-Боголюбовъ, по распоряженію петербургскаго оберъ-полицмейстера Трепова, былъ высѣченъ розгами, мстительницей за этотъ возмутительный актъ явилась молодая дѣвушка Вѣра Засуличъ. Изъ глухой провинціи она по собственному побужденію пріѣхала въ Петербургъ, проникла на пріемъ къ Трепову и выстрѣлила въ него. Треповъ получилъ весьма тяжелую рану. Это было первое покушеніе на представителя правительственной власти. Въ обществѣ, не зная всѣхъ обстоятельствъ, многіе были возмущены поступкомъ Засуличъ; въ печати появилось немало негодующихъ статей и правительство, расчитывая встрѣтить общественную поддержку, отдало дѣло на судебное разбирательство съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Но когда на судѣ вскрыты были всѣ подробности дѣла и выяснена была вся предшествующая дѣятельность Трепова, въ особенности по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, то присяжные вынесли Засуличъ оправдательный вердиктъ. Публика ликовала и устроила защитнику Засуличъ, извѣстному присяжному повѣренному Александрову бурную овацію. Сама Вѣра Засуличъ немедленно по вынесеніи оправдательнаго приговора была освобождена по распоряженію предсѣдательствовавшаго на ея процессѣ А. Ф. Кони и тотчасъ уѣхала изъ Петербурга. Правительство однако не осталось въ долгу: послѣ покушенія Вѣры Засуличъ увеличены были наказанія лицамъ, осужденнымъ по процессу 193-хъ. Эта суровая политика Александра II и его министровъ вызвала цѣлый рядъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ. 16 августа 1878 г. Кравчинскій среди бѣла дня убиваетъ ударомъ кинжала шефа жандармовъ Мезинцева; еще раньше въ февралѣ того же года Осинскій въ Кіевѣ стрѣляетъ въ товарища прокурора Котляревскаго; въ

маѣ убитъ жандармскій полковникъ Гейкинчъ; въ мартѣ слѣдующаго 1879 г. въ Харьковѣ былъ убитъ губернаторъ кн. Крапоткинъ, а въ Петербургѣ совершено неудачное покушеніе на новаго шефа жандармовъ Дрентельна; наконецъ 2 апрѣля 1879 г. Соловьевъ стрѣляетъ въ самого Александра II.

Въ то время, когда развивалась эта террористическая дѣятельность, правительство поставило рядъ губерній на чрезвычайное положеніе; лицъ обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ начали судить военно-полевымъ судомъ; устроены были каторжныя тюрьмы съ самымъ тяжелымъ режимомъ, создавались спеціальныя поселенія для каторжанъ въ Сибири и въ сѣверныхъ губерніяхъ—все это, конечно, вызвало ростъ недовольства въ радикальной средѣ. Тогда правительство, подобно тому какъ въ 1867 г., рѣшило обратиться за поддержкой къ обществу. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 20 августа 1878 г. появилось офиціальное сообщеніе, въ которомъ говорилось, что „усугубляя строгость и твердость въ борьбѣ съ шайкой злодѣевъ, правительство разсчитываетъ найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій". Но это обращеніе мало могло повліять на положеніе вещей, которое къ 1879 г. крайне обострилось. Какъ разъ въ этомъ году нарождается новое теченіе среди радикальной интеллигенціи. Отъ мирной соціалистической и культуртрегерской работы переходятъ къ активной революціонной дѣятельности. На терроръ правительственный рѣшено было отвѣчать терроромъ общественнымъ. Лѣтомъ 1879 г. собрался въ Воронежѣ съѣздъ партіи „Земля и Воля", передъ которымъ было небольшое совѣщаніе въ Липецкѣ. Здѣсь сконституировалась лига цареубійцъ во главѣ съ Желябовымъ и Софіей Перов-

ской, зерно будущей партіи „Народной Воли“. Тѣ же, кто остался при прежней землевольческой программѣ, образовали общество „Чернаго передѣла“, руководителемъ котораго сталъ Плехановъ. Чернопередѣльцы довольно рѣзко отрицали политическій вопросъ, полагая, что изъ исторіи Зап. Европы видно, что какъ торжество конституціонныхъ идей приводило лишь къ торжеству буржуазіи. Они ставили себѣ цѣлью задержать въ Россіи образованіе буржуазно-капиталистическаго класса. Своимъ основнымъ идеаломъ общество „Чернаго передѣла“ выставляло коренное перераспредѣленіе земельной собственности, воплощая это понятіе въ извѣстномъ широко распространенномъ среди крестьянъ техническомъ выраженіи „Черный передѣлъ“. Что касается партіи „Народной Воли“, то въ своихъ соціальныхъ идеалахъ она стояла на той же точкѣ зрѣнія. Въ окончательномъ итогѣ, она тоже отрицательно относилась къ государственности. Но для настоящаго времени народовольцы находили, что государство есть крупнѣйшая капиталистическая сила, благодаря которой могутъ существовать капиталисты болѣе мелкіе. По ихъ мнѣнію государство держалось однимъ голымъ насиліемъ, и отъ него проистекало стѣсненіе жизни отдѣльныхъ личностей. Необходимо было такимъ образомъ устранить этотъ всѣми ощущаемый гнетъ и передать власть въ руки народа. Эта партія полагала, что только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, которыя прочны лишь тогда, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа. Народная же воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена въ жизнь учредительнымъ собраніемъ, избранныхъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Отъ рѣшенія этого учредительнаго собранія и должна была зависѣть вся дальнѣйшая судьба государства.

Одновременно съ расколомъ въ рядахъ радикальной интеллигенціи съ средины 1879 г. наблюдается пере-

ломъ въ настроеніи и правительственныхъ, и широкихъ общественныхъ округовъ. Подъ вліяніемъ террористическихъ актовъ правительство повидимому стало разочаровываться въ своей прежней политикѣ, приведшей къ многочисленнымъ покушеніямъ, какъ на самого Александра II, такъ и на цѣлый рядъ высокопоставленныхъ лицъ. Среди же общества какъ дворянскаго, такъ и городского крѣпнетъ убѣжденіе, что при суровомъ режимѣ послѣднихъ лѣтъ оставаться невозможно. Возрожденію прежнихъ конституціонныхъ мечтаній въ сильной степени способствовала русско-турецкая война 1877—1878 г.г. Въ отвѣтъ на правительственное обращеніе къ обществу съ просьбой о поддержкѣ въ борьбѣ съ терроромъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ адресовъ отъ городскихъ думъ, дворянскихъ и земскихъ собраній, основнымъ мотивомъ которыхъ было категорическое заявленіе, что безъ довѣрія правительства къ общественному самоуправленію и вообще къ широкимъ слоямъ населенія оно не въ правѣ разсчитывать на какую бы то нибыло поддержку съ ихъ стороны. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ адресъ тверского земства, въ которомъ между прочимъ говорилось: „Государь императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такой полной готовностью, съ такой беззавѣтной любовью къ своему царю-освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выйти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія“.

Въ то время, какъ ходомъ историческихъ обстоятельствъ радикальная интеллигенція въ лицѣ партіи „Народной воли“ приведена была къ той исходной точкѣ, на которой стояли еще декабристы въ 20-хъ годахъ XIX в., идея учредительнаго собранія начинаетъ заво-

евывать себѣ сторонниковъ и среди лѣваго крыла земцевъ, конституціоналистовъ. Во второй половинѣ 1879 г. положено было основаніе „Лиги оппозиціонныхъ элементовъ", въ составъ которой вошли наряду съ либералами и нѣкоторые „легальные" элементы радикальнаго направленія. Политическая программа этой лиги, какъ она окончательно отлилась въ 1881 г. въ ея обращеніи къ земствамъ заключалась въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) свобода слова и печати; 2) гарантія личности, и 3) созывъ учредительнаго собранія.

Такимъ образомъ къ учредительному собранію апеллировали теперь не только радикальные разночинные круги, но и общественныя группы буржуазно-либеральнаго направленія. Теперь намъ слѣдуетъ сосредоточить свое вниманіе на правительственной дѣятельности конца царствованія Александра II, чтобы уяснить, къ какимъ результатамъ въ конечномъ итогѣ приводила радикальная и либеральная общественная оппозиція.

Лекція XIII.

1879 годъ ознаменованъ былъ, господа, съ одной стороны усиленіемъ правительственныхъ репрессій, съ другой—учащеніемъ террористическихъ актовъ. Дѣло въ томъ, что правительство послѣ покушенія Соловьева на Александра II было крайне встревожено ростомъ революціоннаго движенія и назначило въ рядѣ городовъ, какъ-то Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ генералъ-губернаторовъ съ самыми широкими почти неограниченными полномочіями. Они могли предавать военному суду лицъ гражданскаго состоянія, заподозрѣнныхъ въ противоправительственныхъ мѣропріятіяхъ, что неизбѣжно приводило къ ряду злоупотребленій. Эти мѣры вызвали взрывъ недовольства въ рядахъ партіи „Народной Воли" и организацію новыхъ террористическихъ актовъ. Получался какой-то заколдованный кругъ: терроръ усиливалъ репрессіи, репрессіи интенсифицировали террористическую дѣятельность. Къ концу 1879 г. вскорѣ послѣ воронежскаго съѣзда задумана была цѣлая сѣть покушеній на Александра II. Въ то время, какъ онъ возвращался изъ Крыма въ Петербургъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по пути его слѣдованія были сдѣланы подкопы и заложены мины. Подъ Москвой на курской дорогѣ былъ даже взорванъ поѣздъ, но не царскій, а другой, шедшій вслѣдъ за нимъ. Александру II снова удалось избѣжать смерти. Въ такомъ положеніи засталъ Россію 1880 г. Правительство какъ будто намѣревалось измѣнить свой курсъ. 19 февраля этого года исполнялось 25 лѣтъ со дня вступленія на престолъ Александра II. Ознаменовать этотъ юбилей многіе изъ видныхъ представителей правящихъ сферъ предлагали государю об-

народованіемъ акта, въ которомъ бы возвѣщалось о привлеченіи представителей общества къ дѣламъ государственнаго строительства. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, составившій, какъ вы припомните, еще въ 1863 г. проэктъ о привлеченіи земскихъ гласныхъ къ подготовительной при Государственномъ Совѣтѣ дѣятельности, снова выступилъ съ запиской аналогичнаго содержанія. Великій князь Константинъ Николаевичъ, предоставившій Александру II еще въ 1866 г. записку чисто конституціоннаго характера, также указывалъ на необходимость завершить обще-земскимъ представительствомъ реформы 60-хъ годовъ. Въ либеральныхъ дворянскихъ и земскихъ кругахъ въ связи съ образованіемъ „лиги оппозиціонныхъ элементовъ" тоже разрабатывались въ это время многочисленные проекты объ участіи общественныхъ представителей въ обсужденіи правительственныхъ мѣропріятій. Даже славянофилы, обычно чуждавшіеся конституціонныхъ выступленій, мечтали во главѣ съ Кошелевымъ о созывѣ Земской Думы. И вотъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Россія, казалось, стояла на порогѣ новой эры своего политическаго развитія, совершено было новое покушеніе на Александра II. 5 февраля 1880 г. взорвана была столовая въ Зимнемъ Дворцѣ, въ которой на торжественный обѣдъ должны были собраться всѣ высочайшія особы. Но обѣдъ нѣсколько запоздалъ и отъ взрыва пострадали конвойные и кое-кто изъ дворцовой прислуги. Организаторомъ взрыва былъ придворный столяръ Халтуринъ, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ партіи „Народной Воли". Это покушеніе имѣло пагубныя послѣдствія для нашей внутренней политики. Вмѣсто конституціи Россія получила диктатуру.

12 февраля 1880 г. учреждена была Верховная Исполнительная Комиссія, во главѣ которой съ диктаторскими полномочіями поставленъ былъ бывшій кавказскій боевой генералъ и харьковскій генералъ-губернаторъ гр. Лорисъ-Меликовъ. Эта мѣра принята была для того, чтобы сосредоточить въ однѣхъ рукахъ всю борьбу

съ „преступной пропагандой“ выражаясь тогдашнимъ правительственнымъ языкомъ. III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи, вѣдавшее до того времени политическій сыскъ, было сперва подчинено Лорисъ-Меликову, а вскорѣ и совсѣмъ упразднено; всѣ вѣдомства, не исключая и военнаго, должны были безпрекословно исполнять распоряженія, исходящія отъ новаго диктатора. Но не даромъ управленіе Лорисъ-Меликова получило названіе „диктатуры сердца“. Самъ онъ, какъ говорятъ лица хорошо его знавшіе, напр., извѣстный общественный дѣятель докторъ Бѣлоголовый, сочувственно относился къ политическимъ заявленіямъ земскихъ и дворянскихъ собраній. Онъ полагалъ, что извѣстное участіе общества въ обсужденіи правительственныхъ предположеній является естественнымъ завершеніемъ предшествующихъ реформъ начала царствованія Александра II. Поэтому черезъ день по своемъ вступленіи въ должность предсѣдателя верховной исполнительной комиссіи, Лорисъ-Меликовъ обратился съ воззваніемъ къ петербургскимъ жителямъ, въ которомъ указывалъ, что, съ твердостью стремясь къ искорененію преступниковъ, онъ въ то же время желаетъ успокоить и оградить законный интересъ благомыслящей части общества. „На поддержку общества“, писалъ онъ въ этомъ воззваніи, „смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества“. Зная о сочувствіи новаго главы правительства къ земскимъ и дворянскимъ заявленіямъ, нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей московскаго общества подали графу Лорисъ-Меликову адресъ за подписью 25-ти лицъ, принадлежавшихъ все къ виднымъ представителямъ адвокатуры, профессуры и коммерческихъ сферъ. Въ этомъ адресѣ указывалось, что потому участились террористическіе акты, а радикальная пропаганда такъ широко распространилась въ странѣ, что либеральныя заявленія не принимаются

правительствомъ во вниманіе, что благомыслящая часть общества не можетъ сказать своего слова, высказать своего мнѣнія. Все это Лорисъ-Меликовымъ было принято къ свѣдѣнію, и на ряду съ нѣкоторыми строгостями онъ сталъ постепенно ослаблять тотъ цензурный и полицейскій гнетъ, подъ которымъ находилась Россія послѣдніе 2—3 года.

Уже 30 августа 1880 г. въ рескриптѣ, данномъ на имя Лорисъ-Меликова, Александръ II признавалъ, что въ странѣ „наступило нѣкоторое умиротвореніе“ и что въ силу этого „оказалось возможнымъ, если не вовсе отмѣнить, то значительно смягчить дѣйствіе принятыхъ временно чрезвычайныхъ правительственныхъ мѣръ“. Верховная исполнительная комиссія была закрыта, а Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Немедленно послѣ своего новаго назначенія Лорисъ-Меликовъ приступилъ къ разработкѣ своего проекта, получившаго впослѣдствіи въ обществѣ названіе „Лорисъ-Меликовской конституціи“. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ далекъ былъ отъ увлеченія западно-европейскими конституціонными порядками; онъ считалъ, что Россія должна идти своимъ самобытнымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи онъ какъ бы раздѣлялъ точку зрѣнія славянофиловъ. Его проектъ, основныя положенія котораго получили высочайшее одобреніе уже въ январѣ 1881 г., сводился къ тому, чтобы при Государственномъ Совѣтѣ учреждены были 2 комиссіи—подготовительная и общая. Въ подготовительной комиссіи разрабатывались правительственныя предположенія чисто-бюрократическимъ способомъ. Затѣмъ, прежде внесенія даннаго законопроекта на уваженіе Государственнаго Совѣта, онъ долженъ былъ поступить на разсмотрѣніе общей комиссіи. Составъ этой послѣдней былъ троякій: земскія собранія и городскія думы столицъ и нѣкоторыхъ крупныхъ городовъ выбирали въ эту комиссію своихъ представителей, какъ изъ состава земскихъ и городскихъ гласныхъ, такъ и вообще изъ со-

става уѣзднаго и городского населенія, обладающаго извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ; затѣмъ тѣ губерніи, въ которыхъ не было земскихъ учрежденій, посылали своихъ депутатовъ по назначенію, сверхъ того правительство въ составъ комиссіи назначало извѣстное количество лицъ изъ представителей бюрократіи. Такимъ образомъ въ этой комиссіи общественные элементы какъ бы уравнивались съ элементами правительственными. Законопроектъ, разсмотрѣнный въ этой общей комиссіи вносился затѣмъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ одинъ изъ представителей общей комиссіи являлся его докладчикомъ. Слѣдовательно непосредственнаго участія въ дѣлахъ законодательства общество по проэкту Лорисъ-Меликова не получало. Создавалось только совѣщательное учрежденіе при Государственномъ совѣтѣ, съ мнѣніемъ котораго онъ могъ считаться, но могъ и не считаться. Чего-либо новаго, а тѣмъ болѣе конституціоннаго по утвержденію Лорисъ-Меликова онъ своимъ проектомъ не вносилъ. Это, по его мнѣнію, былъ тотъ самый порядокъ, которому слѣдовали въ эпоху разработки крестьянской реформы въ 1859—1860 г.г. когда основныя положенія вырабатывались въ редакціонной комиссіи, а затѣмъ подвергались обсужденію депутатовъ губернскихъ комитетовъ. Только то, что было тогда временнымъ, теперь Лорисъ-Меликовъ предполагалъ установить въ видѣ постоянной организаціи.

Одновременно съ разработкой этого проекта по предложенію Лорисъ-Меликова были организованы сенаторскія ревизіи въ 8-ми губерніяхъ. Они должны были съ одной стороны, вскрыть административныя злоупотребленія, которыхъ много накопилось къ этому времени, а съ другой—опросить органы земскаго и городского самоуправленія о необходимыхъ, съ ихъ точки зрѣнія, преобразованіяхъ. Что особенно вмѣнялось въ обязанность ревизующимъ сенаторамъ, такъ это собираніе матеріала по вопросу объ оскудѣніи крестьянскаго сословія и объ учрежденіи мелкой земской еди-

ницы, или всесословной волости. Слѣдовательно, Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ и въ центрѣ и въ периферіи ввести рядъ необходимыхъ преобразованій.

Однако въ силу того, что всѣ эти мѣропріятія покрыты были непроницаемой канцелярской тайной, что общество не было ни малѣйшимъ образомъ освѣдомлено о предположеніяхъ Лорисъ-Меликова по вопросу о привлеченіи выборныхъ представителей къ законоподготовительной работѣ, террористическая дѣятельность народовольческихъ организацій не прекращалась. И по исторической случайности какъ разъ въ тотъ самый день, когда Александръ II своей подписью скрѣпилъ законодательныя предположенія Лорисъ Меликова о созывѣ осенью 1881 г. первой сессіи подготовительныхъ комиссій, роковая бомба 1-го марта 1881 г. на углу Михайловской ул. и Екатерининскаго канала положила конецъ его царствованію. Исполнительный комитетъ партіи „народной воли“ могъ торжествовать полную побѣду. Но событіе 1 марта было чревато колоссальными по своему значенію политическими и общественными послѣдствіями. Всякій вообще террористическій актъ, господа, особенно когда онъ направленъ противъ главы государства, производитъ весьма сильное впечатлѣніе. Но въ данномъ случаѣ это впечатлѣніе усугублялось еще оттого, что убитъ былъ государь, который хотя подъ конецъ своей жизни и явился виновникомъ цѣлаго ряда реакціонныхъ мѣропріятій, однако начало своего царствованія ознаменовалъ крестьянской реформой; убитъ былъ „царь-освободитель“, еще не потерявшій въ то время популярности въ широкой народной массѣ. Темныя силы учли это въ свою пользу и стали распространять легенду, дожившую и до нашихъ революціонныхъ дней, будто Александра II убили дворяне за то, что онъ освободилъ крестьянъ. Все это необходимо было принять во вниманіе. Такіе представители охранительныхъ и умѣренно-либеральныхъ общественныхъ круговъ, какъ Катковъ и Иванъ Аксаковъ уже забили тревогу. „Регулирующее дѣйствіе власти, которое твер-

дый государственный порядокъ оказываетъ на умы, дисциплинируя ихъ, нигдѣ не чувствуется“, писалъ Катковъ въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Александра II, „люди въ разбродѣ и обращаются въ стадо... Насъ предостерегаютъ отъ революціи, но надо же сказать правду: мы уже въ революціи, искусственной, но тѣмъ не менѣе революціи“.

Почти тѣмъ же тономъ проникнута рѣчь и Ивана Аксакова, произнесенная имъ въ славянскомъ обществѣ 28 марта 1881 г. Я приведу вамъ изъ нея наиболѣе характерное мѣсто: „Нечего себя обманывать. Мы подошли къ самому краю бездны. Еще шагъ въ томъ направленіи, въ которомъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ мы двигались до сихъ поръ, и—кровавый хаосъ“.

При такихъ обстоятельствахъ принялъ въ свои руки власть новый императоръ Александръ III. Онъ вступилъ на престолъ, ступени котораго забрызганы были кровью. Условія, при которыхъ произошла смерть его отца, естественно должны были оказывать на него и психологическое и политическое вліяніе. Всѣ ждали отъ новаго правительства тѣхъ или другихъ заявленій. Первое время можно было думать, что Александръ III возьметъ тотъ самый курсъ, котораго послѣдніе мѣсяца своего царствованія рѣшилъ держаться его отецъ. 8 марта 1881 г. Лорисъ-Меликовъ сдѣлалъ новому государю докладъ о своемъ проэктѣ, уже одобренномъ покойнымъ императоромъ и Александръ III положилъ на немъ слѣдующую резолюцію: „Онъ составленъ весьма хорошо“. Въ свою очередь и общество не молчало, указывая правительству, въ какомъ направленіи надо дѣйствовать. 12 марта къ Александру III обратился съ открытымъ письмомъ „Исполнительный Комитетъ“ партіи „народной воли“. Авторы его „видѣли возможность мирнаго исхода изъ тяжелаго положенія только въ добровольномъ обращеніи царской власти къ народу“. „Въ этомъ случаѣ“, писали они, „исполнительный комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвя-

тить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе". „Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой"... слѣдующія: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени. 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни, и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями. Выборы должны быть свободны, а для этого 1) депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, 2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть, 3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходокъ, г) полную свободу избирательныхъ программъ. „Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно передъ лицомъ родной страны и всего мира, что наша партія со своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ". Таковы были тѣ основныя требованія, которыя въ весьма лойяльномъ и даже почтительномъ тонѣ изложены были въ этомъ историческомъ документѣ наиболѣе радикальными элементами русскаго общества. Но и болѣе умѣренные общественные круги также въ этотъ отвѣтственный моментъ сказали свое слово.

Многія городскія думы, земскія и дворянскія собранія обратились къ новому государю съ адресами, въ которыхъ, выражая вѣрноподданическое сочувствіе его сыновнему горю и безусловно осуждая самый фактъ убійства Александра II, настойчиво указывали правитель-

ству на неотложную необходимость какъ можно скорѣе вступить на путь самыхъ широкихъ коренныхъ политическихъ преобразованій. Такъ, напримѣръ, адреса казанской думы и казанскаго земства выражали пожеланіе о завершеніи великаго дѣла обновленія государства, начатаго царемъ-освободителемъ; тверское губернское земское собраніе въ своемъ адресѣ указывало, что „когда бѣда поражала отечество—въ непосредственномъ единеніи земскихъ людей и верховной власти русскій царь и народъ пріобрѣтали могучую непреодолимую силу". Рязанскіе земцы заявляли въ своемъ адресѣ: „Соберите насъ вокругъ себя, а мы готовы по вашему велѣнію дѣлить съ вами и труды, и опасности". Черниговское дворянство, указавъ на свою глубокую преданность престолу, ходатайствовало о созывѣ „представителей земли". Такимъ образомъ, въ земской дворянской и отчасти городской общественной средѣ обнаруживались на этотъ разъ вполнѣ опредѣленно либерально-конституціонныя тенденціи.

Но совершенно неожиданно и для многихъ членовъ правительства и для большей части общества курсъ былъ измѣненъ и 29 апрѣля 1881 г. былъ изданъ Высочайшій манифестъ, авторомъ котораго былъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода Побѣдоносцевъ. Въ немъ новый государь торжественно заявлялъ: „Посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія въ уповаціи на Божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народа отъ всякихъ на нее поползновеній". Слѣдовательно, правительство ясно и опредѣленно указывало, какой путь оно избрало въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Самодержавіе снова торжествовало надъ конституціонными стремленіями широкихъ общественныхъ круговъ. Этотъ манифестъ подобенъ былъ удару грома изъ безоблачнаго яснаго неба. Произошелъ фактъ еще небывалый въ лѣтописяхъ нашей правительственной практики—разразился

министерскій кризисъ. Лорисъ-Меликовъ вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Милютинымъ, государственнымъ контролеромъ Абаза и министромъ народнаго просвѣщенія Сабуровымъ вышли въ отставку. На политическомъ небосклонѣ заблистали снова такія реакціонныя звѣзды, какъ Дмитрій Толстой и Побѣдоносцевъ. Къ нимъ присоединились еще такіе столпы суровой охранительной политики, какъ министръ двора Воронцовъ-Дашковъ, министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ и глава судебнаго вѣдомства Муравьевъ. А идейнымъ вдохновителемъ всѣхъ этихъ представителей власти былъ редакторъ „Московскихъ вѣдомостей" Катковъ, торжествовавшій полную побѣду послѣ выхода въ отставку Лорисъ-Меликова и привѣтствовавшій обнародованіе манифеста 29 апрѣля яркой воинственной статьею, заканчивавшейся грознымъ окрикомъ по адресу „либераловъ"—„Встаньте, правительство идетъ". Начались тѣ мѣропріятія, которыя отбрасываютъ отъ себя такую мрачную тѣнь на все тринадцатилѣтнее царствованіе Александра III. Почти вся Россія была поставлена на положеніе усиленной и чрезвычайной охраны, а это обозначало, что административный произволъ полагался во главу угла всей системы государственнаго управленія. Въ 1884 г. отмѣнена была университетская автономія; земскія школы стали усиленно замѣняться церковно-приходскими; въ средне-учебныхъ заведеніяхъ старательно насаждался классицизмъ; въ 1889 г. искажены были до неузнаваемости судебные уставы Александра II: на смѣну выборнымъ мировымъ судьямъ созданъ былъ институтъ земскихъ начальниковъ; а въ началѣ 1890-хъ годовъ послѣдовала коренная ломка органовъ земскаго и городского самоуправленія. Все живое, самостоятельное и энергичное было взято подъ подозрѣніе, всюду царили охранныя отдѣленія и агенты департамента полиціи. Печать была сдавлена цензурными тисками, барометръ общественной жизни сразу упалъ.

Кто изъ васъ бывалъ въ Петроградѣ, тотъ вѣроятно прекрасно помнитъ памятникъ Александру III на Зна-

менской площади противъ Николаевскаго вокзала. На невысокой, но массивной гранитной глыбѣ стоитъ грузный всадникъ верхомъ на громадной, но довольно нескладной лошади типа тяжеловоза. Всадникъ какъ будто давитъ коня своей тяжестью, а конь, упираясь изо всей силы въ гранитную массу передними ногами, нѣсколько подался задомъ. Голова его крѣпко натянута стальными удилами поводьевъ, на толстой шеѣ большія складки, ротъ полуоткрытъ, и что особенно бросается въ глаза, такъ это отсутствіе въ немъ языка. Извѣстный нашъ скульпторъ кн. Паоло-Трубецкой, рѣзцу котораго принадлежитъ этотъ памятникъ, прекрасно воплотилъ въ немъ основную идею эпохи.

Могучій, но нескладный конь—это Россія невысоко еще поднявшаяся на своемъ гранитномъ историческомъ основаніи. Съ 1881 г. по 1894 г. въ теченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ она была придавлена режимомъ Александра III, была въ буквальномъ смыслѣ безъ языка и управлялась туго натянутой уздой бюрократическаго произвола. Но вспомните слова поэта: „Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче“. Въ эту эпоху самой мрачной безудержной реакціи въ нѣдрахъ русской жизни складывались въ новыя комбинаціи реальныя соотношенія силъ. По желѣзнымъ законамъ неумолимой исторической логики устои самодержавно-помѣщичьяго строя подтачивались могучимъ потокомъ новыхъ чисто капиталистическихъ отношеній въ странѣ. Свобода экономическихъ отношеній властно диктовалась всѣмъ ходомъ соціальной эволюціи Россіи. А на гребнѣ этой высоко поднявшейся капиталистической волны выплывали все отчетливѣе признаки близкаго крушенія стараго строя. Самымъ грознымъ буревѣстникомъ для самодержавія были массовыя выступленія рабочихъ и крестьянъ, возникшія сперва на экономической почвѣ, а съ 90-хъ годовъ начавшія пріобрѣтать политическій характеръ. Теперь заговорилъ уже самъ народъ и подъ его натискомъ подались исконныя начала русской жизни.

Лекція XIV.

Массовыя явленія въ исторіи русскаго революціоннаго движенія обязаны своимъ происхожденіемъ нарожденію новыхъ экономическихъ отношеній въ странѣ. Подъ вліяніемъ отмѣны крѣпостного права и другихъ реформъ 1860-хъ г.г. замѣчается быстрый ростъ населенія, результатомъ чего былъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ послѣдствій въ народно-хозяйственной структурѣ страны. По X-ой ревизіи, 1858 г., число жителей въ Россіи, какъ я указывалъ вамъ въ свое время, равнялось 74 мил. человѣкъ, черезъ 40 лѣтъ, по первой всеобщей переписи 1897 г., оно возросло уже до 129 мил. человѣкъ, а въ 1914 г. передъ началомъ міровой войны населеніе Россіи исчислялось приблизительно въ 170 мил. человѣкъ. Слѣдовательно въ пореформенный періодъ приростъ населенія выражается въ чрезвычайно крупной цыфрѣ почти въ 100 мил. человѣкъ. Вполнѣ понятно, что однимъ земледѣліемъ и примитивнымъ дореформеннымъ индустріализмомъ эти новые десятки милліоновъ человѣкъ не могли просуществовать. Деревня должна была естественно направлять излишекъ рабочихъ рукъ въ городъ, что приводило къ такъ назыв. процессу урбанизаціи. За 40 лѣтъ, съ 1858 по 1897 г.г., приростъ городского населенія достигаетъ 10,3 мил. человѣкъ, а къ 1914 г. городскихъ жителей уже насчитывалось около 27 мил. человѣкъ, что въ общей сложности за весь пореформенный періодъ дастъ приростъ въ 21 мил. Городъ къ концу XIX и къ началу XX в.в. стягиваетъ къ себѣ до 16% всего населенія и принимаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе торговый и промышленный отпечатокъ.

Деревня переживала за это время глубокій экономическій кризисъ. Правда площадь землевладѣнія, нахо-

дящаяся въ рукахъ крестьянъ съ 1861 г. до 1914 г. возросла почти на 28 мил. десятинъ: съ 116,7 мил. десятинъ дойдя до 143,5 мил. дес., но на каждаго крестьянина въ среднемъ земли приходилось съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Если въ 60-хъ гг. средняя величина крестьянскаго надѣла равнялась 5,2 дес., то въ началѣ XX вѣка она упала уже до 2,5 дес., т. е. обезпеченіе крестьянъ землею уменьшилось болѣе чѣмъ въ 2 раза. При плохой обработкѣ урожайность крестьянскихъ земель сократилась болѣе чѣмъ на 5½ %, что естественно приводило къ уменьшенію кормовыхъ средствъ и къ паденію числа рабочаго и крупнаго рогатаго скота. За 30 лѣтъ, съ 1870 по 1900 г.г., количество скота на одну десятину пахотной крестьянской земли сократилось на 10%. Вмѣстѣ съ тѣмъ появляется довольно значительная группа безлошадныхъ крестьянъ, неимѣющихъ возможности безъ посторонней помощи обработать свою землю. Въ 1882 г. такихъ безлошадныхъ было 28%, а въ 1894 г. ихъ насчитывалось уже 32%, т. е. другими словами почти третья часть всего сельскаго населенія не имѣетъ для работы собственныхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ статистическія данныя, относящіяся къ военно-конскимъ переписямъ, вскрываютъ чрезвычайно любопытный фактъ разслоенія деревенскаго населенія на рядъ экономическихъ группъ. Такъ въ концѣ 80-хъ г.г. безлошадныхъ крестьянъ насчитывалось 28%, крестьянъ съ 1 лошадью—27% и многолошадныхъ—45%. Деревня замѣтно разорялась, но въ ней одновременно выдѣлялась категорія богатѣевъ, такъ наз. хозяйственныхъ мужичковъ. Изъ 17 мил. крестьянскихъ лошадей 9 мил. или 53% находятся въ рукахъ 22% сельскаго населенія, т. е. большая половина крестьянскихъ лошадей сосредоточена въ рукахъ 1/5 всѣхъ крестьянъ.

Параллельно съ оскудѣніемъ и разслоеніемъ крестьянской массы растетъ съ каждымъ годомъ недоимочность русской деревни. Въ періодъ съ 1870 по 1900 г.г. съ 22% недоимки доходятъ до 117%, т. е. увеличива-

ются более чѣмъ въ 5 разъ. Еще поучительнѣе прослѣдить этотъ ростъ недоимочности по десятилѣтіямъ: въ 1871—80 г.г. на каждой крестьянской десятинѣ лежало недоимокъ—38 к. въ 1881—90 г.г. уже 48 коп., а въ 1891—900 г.г.—108 коп. Вполнѣ понятно, что крестьянинъ къ началу XX в. становился все болѣе подавленнымъ и угнетеннымъ въ экономическомъ отношеніи.

Сельско-хозяйственный кризисъ отражался на судьбѣ и дворянскаго землевладѣнія. Его площадь замѣтно таяла очевидно потому, что это привилегированное сословіе или не умѣло, или не хотѣло приспособиться къ новымъ условіямъ существованія. Проживъ выкупные платежи или давъ имъ самое нецѣлесообразное приложеніе, дворянство пореформенной Россіи оказалось безъ оборотнаго капитала и для веденія хозяйства въ новыхъ условіяхъ соціальнаго строя вынуждено было закладывать и продавать свои наслѣдственныя земли. Къ 1-му іюля 1904 г. оказалось въ залогѣ $127^1/_2$ тыс. владѣльческихъ имѣній съ общей суммой долговыхъ обязательствъ болѣе чѣмъ въ 1,7 милліарда рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ за 40 лѣтъ, протекшихъ съ крестьянской реформы, дворяне выпустили изъ своихъ рукъ 24 мил. дес., т. е. почти $^1/_3$ той площади, которая осталась въ ихъ владѣніи въ моментъ ликвидаціи крѣпостного права. Очевидно хозяйственная жизнь пореформенной Россіи направлялась по иному руслу, разъ наблюдался такой рѣзкій переломъ въ судьбахъ крестьянскаго мелкаго и дворянскаго крупнаго землевладѣнія.

И дѣйствительно, въ связи съ ростомъ городского населенія и обнищаніемъ деревни обрабатывающая фабрично-заводская промышленность дѣлаетъ крупные успѣхи. Число промышленныхъ предпріятій за 40 лѣтъ съ 1854 по 1896 г.г. увеличивается съ 10 тыс. до $38^1/_2$ тысячъ, а количество рабочихъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ и заводахъ, возрастаетъ за тѣ же годы съ 460 тыс. до 1 мил. 732 тыс. человѣкъ. Такимъ образомъ,

промышленность дѣлала замѣтные успѣхи и въ общемъ выросла почти въ 4 раза. Въ 1908 г. всѣхъ промышленныхъ заведеній въ Россіи: мелкихъ, среднихъ и крупныхъ насчитывалось уже 150 тысячъ. Подъемъ промышленныхъ силъ страны въ пореформенный періодъ станетъ для васъ еще болѣе нагляднымъ изъ слѣдующаго сопоставленія: въ 1854 г. производительность въ рубляхъ равнялась 170 мил., а въ 1908 г.—3 милліардамъ рублей, т. е. за 55 лѣтъ возросла почти въ 18 разъ. Капитализмъ давалъ себя знать не только въ сферѣ обрабатывающей промышленности, но и въ области внутренней и внѣшней торговли. Въ 1897 г. число торговыхъ предпріятій въ Россіи достигало цыфры 890 тыс. съ оборотомъ свыше 20 милліардовъ руб. Яркимъ показателемъ успѣховъ внутренней и внѣшней торговли является протяженность желѣзнодорожнаго пути и данныя о количествѣ грузовъ, провозимыхъ по этимъ дорогамъ. Въ 1880 г. длина желѣзнодорожныхъ путей въ Россіи равнялась 22,7 тыс. верстъ, а въ 1909 г. уже 67,7 тыс. верстъ, т.-е. за 30 лѣтъ прибавилось въ Россіи 45 тыс. верстъ желѣзнодорожнаго рельсоваго пути. Что касается статистики грузового движенія по русской желѣзно-дорожной сѣти, то она говоритъ также о чрезвычайномъ ростѣ торговыхъ сношеній въ странѣ: въ 1868 г. по желѣзнымъ дорогамъ было провезено 430 мил. пудовъ груза, а въ 1907 г.—уже—12½ милліардовъ пудовъ, т.-е. за 40 лѣтъ товарное обращеніе увеличилось болѣе чѣмъ въ 25 разъ. Процессъ капитализаціи еще болѣе рельефно выступаетъ при свѣтѣ данныхъ о внѣшней торговлѣ Россіи. Въ 1855 г. нашъ внѣшній товарообмѣнъ въ среднемъ равнялся 276 мил. рублей, а въ началѣ XX в. уже 1½ милліарда рублей, слѣдовательно за 50 лѣтъ русская внѣшняя торговля возросла въ 6 разъ. Итакъ въ пореформенный періодъ экономическія отношенія въ странѣ кореннымъ образомъ видоизмѣняются: Россія изъ деревенской превращается въ городскую, изъ дворянско-землевладѣльческой—въ буржуазно-капиталистическую. На этомъ фонѣ возникаютъ два

вопроса русской жизни: крестьянскій и рабочій, которые и являются отправной точкой массовыхъ движеній послѣднихъ десятилѣтій.

Крестьянскій вопросъ выявляется передъ нами въ двухъ фазисахъ — экономическомъ и юридическомъ. Малоземелье съ одной стороны, податное бремя съ другой — стальными тисками сжимали многомилліонное сельское населеніе. Всего болѣе страдали бывшіе владѣльческіе крестьяне. Въ моментъ освобожденія, отъ нихъ отошло въ пользу помѣщиковъ болѣе 5 милліоновъ десятинъ изъ той земли, которую они обрабатывали на себя при существованіи крѣпостного права. Эти отрѣзки въ общемъ составили 18 %, т. е. почти $^1/_5$ прежняго землепользованія владѣльческихъ крестьянъ. Надѣльныя земли по Положенію 1861 года отличались крайне незначительными размѣрами, составляя въ нѣкоторыхъ случаяхъ меньше одной десятины на душу. Уже въ концѣ 70-хъ годовъ извѣстный статистикъ проф. Янсонъ въ своей книгѣ „Опытъ изученія крестьянскихъ надѣловъ“ вскрылъ всю экономическую безпомощность только что раскрѣпощеннаго населенія. По его вычисленію, при надѣлѣ въ 4 десятины на душу, крестьяне еле-еле могли сводить концы съ концами. И вотъ, прикидывая на этотъ масштабъ данныя о надѣленіи владѣльческихъ крестьянъ землею, Янсонъ приходилъ къ такому безотрадному выводу: 73% всей массы бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ имѣли надѣлы менѣе чѣмъ по 4 дес. на душу и только 27% были надѣлены въ достаточномъ размѣрѣ. Земельный голодъ возросталъ съ каждымъ годомъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ и южныхъ черноземныхъ губерніяхъ, до 640 тыс. крестьянъ вышли на, такъ называемые, даровые или нищенскіе надѣлы, т.-е. получили отъ помѣщика землю даромъ, но зато въ размѣрѣ лишь одной четвертой части того надѣла, который по закону былъ опредѣленъ для данной мѣстности. Если принять во вниманіе, что на всѣхъ этихъ надѣльныхъ земляхъ тяжелымъ гнетомъ лежали всевозможные платежи, то

картина окрасится въ еще болѣе густо-темные тона. Въ виду того, что съ 1 января 1907 г. выкупная операція признана была законченной, намъ легко уяснить, какую сумму уплатили крестьяне за отведенную имъ при освобожденіи землю. Оказывается, что всего выкупныхъ платежей за свои надѣлы крестьяне внесли въ суммѣ 684 милліоновъ рублей. Если же принять во вниманіе рыночную стоимость этой земли по цѣнамъ начала 60-хъ годовъ, то оказывается, что эта надѣльная земля по своей доходности не могла быть въ 1861 году расцѣнена выше 442 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ свои надѣлы крестьяне пріобрѣли у помѣщиковъ съ помощью выкупной операціи въ $1^1/_2$ раза дороже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ эти надѣлы стоили. Къ этому присоединялось еще неравномѣрное распредѣленіе налоговаго бремени между крестьянами и частными землевладѣльцами, что еще сильнѣе сокращало доходность надѣльныхъ участковъ. Въ 1874 году образована была при участіи видныхъ общественныхъ дѣятелей междувѣдомственная комиссія „объ оскудѣніи центра" подъ предсѣдательствомъ уже извѣстнаго намъ Валуева, тогда занимавшаго постъ министра государственныхъ имуществъ. На ея засѣданіяхъ на ряду съ отрицательными послѣдствіями круговой поруки, способа взиманія податей и вообще всего крестьянскаго правопорядка, обнаружено было, что на 1 десятину владѣльческихъ земель падаетъ налоговъ всего $14^1/_2$ коп., а на каждую десятину крестьянской земли—1. $80^3/_4$ коп. Слѣдовательно крестьянскіе земли были обложены въ 13 разъ тяжелѣе сравнительно съ дворянскими. Если къ этому прибавить, что нашъ прежній бюджетъ покоился почти исключительно на косвенномъ обложеніи, которое всѣмъ своимъ гнетомъ лежало на плечахъ малоимущаго, главнымъ образомъ сельскаго населенія, то мы легко поймемъ, почему крестьянинъ не выходилъ изъ недоимки, почему при сборѣ налоговъ у него полицейскіе власти съ молотка продавали зачастую послѣднюю корову. Крестьяне всѣми силами старались какъ-нибудь улучшить свое

положеніе: арендовали владѣльческія земли, уходили на заработки, переселялись въ Сибирь, пріобрѣтали, кто былъ въ состояніи, съ 1883 года черезъ крестьянскій банкъ, купчія земли, но все это мало помогало ихъ горю. Арендныя цѣны росли съ головокружительной быстротой, поднявшись уже къ 70-мъ годамъ въ 5 разъ, сравнительно съ прежней дореформенной практикой, а къ началу XX в. доходя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ до 50 и даже 75 рублей за дес.; работу на сторонѣ далеко не легко можно было найдти, переселеніе стало правительствомъ разрѣшаться съ 90-хъ г.г. XIX в., да и то оно могло удовлетворить землею лишь 1/8 естественнаго ежегоднаго прироста крестьянскаго населенія, а черезъ банкъ могли покупать землю только тѣ, у кого были хоть небольшія сбереженія, такъ какъ приходилось уплачивать наличными деньгами 1/5 всей покупной суммы и кто, приэтомъ, расчитывалъ быть аккуратнымъ плательщикомъ причитавшихся на него взносовъ; въ противномъ случаѣ банкъ отбиралъ за недоимку пріобрѣтенную землю. Правда, съ 80-хъ г.г. правительство пошло нѣсколько навстрѣчу крестьянскому малоземелью, но отъ его мѣропріятій дѣло почти не улучшалось. Когда послѣ знаменитаго по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ голоднаго 1891 года, крестьянское хозяйство буквально стало катиться по наклонной плоскости, для прогрессивной части русскаго общества сдѣлалось вполнѣ яснымъ, что безъ широкой аграрной и фискальной реформы поднять благосостояніе русской деревни невозможно. Въ 1902 году въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, образованныхъ по почину министра Витте, вопросъ о землеустройствѣ крестьянъ занялъ самое видное центральное мѣсто. Предложенныя для его рѣшенія различныя мѣры сводились: 1) къ правильной и широкой постановкѣ переселенческаго дѣла (96 уѣздныхъ 16 губернскихъ комитетовъ); 2) къ надѣленію крестьянъ государственными и частью удѣльными, церковными и вакуфными (Крымъ) землями (45 уѣздн. и 6 губернск.); къ направленію дѣятельности

крестьянскаго банка на борьбу съ крестьянскимъ малоземельемъ (133 уѣзд. и 26 губ.). Наконецъ въ 4) 14 уѣздн. и 2 губернскихъ комитета высказались за экспропріацію частно-владѣльческой земли въ пользу крестьянъ. Что касается финансовыхъ мѣропріятій, выдвинутыхъ этими комитетами, то среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе постановленіе объ уменьшеніи или даже полной отмѣнѣ выкупныхъ платежей, объ упраздненіи круговой поруки для крестьянъ въ отбываніи повинностей, о введеніи подоходнаго налога и о контролѣ надъ расходованіемъ государственныхъ средствъ представителями земствъ и другихъ общественныхъ учрежденій.

Правовое положеніе крестьянъ было нисколько не лучше экономическаго. Достаточно указать, что подушная подать, клавшая рѣзкую грань между привилегированными и непривилегированными, между людьми и „душами" отмѣнена была только въ 1885 году. Тѣлесныя наказанія—позорный пережитокъ дореформенной старины—перестало тяготѣть надъ крестьянами только съ 1904 года. Въ своемъ волостномъ и сельскомъ управленіи, въ своемъ волостномъ судѣ крестьяне были рѣзко отмежеваны отъ другихъ сословій. На ряду со всякаго рода полицейскими властями—исправниками, становыми, урядниками, стражниками, съ 1889 года надъ ними поставлены были изъ мѣстныхъ дворянъ участковые земскіе начальники съ административною и судебною властью. Въ земскія собранія крестьяне могли избирать своихъ гласныхъ только въ видѣ кандидатовъ, изъ которыхъ уже губернаторы, по рекомендаціи земскихъ начальниковъ, назначали опредѣленное число въ составъ уѣздныхъ гласныхъ. Крестьяне были стѣснены и въ своихъ семейныхъ раздѣлахъ, и въ земельныхъ передѣлахъ, и въ правѣ распоряжаться своими надѣльными участками и даже въ правѣ мѣнять мѣсто жительства. Ни одно постановленіе сельскаго или волостного схода не могло получить силы безъ утвержденія земскаго начальника. Я думаю этого перечня вполнѣ достаточно, чтобы показать вамъ, въ ка-

кой безднѣ безправія пребывала стомилліонная крестьянская масса. Вполнѣ естественно, что въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и на эту сторону жизни русской деревни обращено было пристальное вниманіе. На засѣданіяхъ очень многихъ изъ нихъ указывалось, что отмежевывать крестьянъ отъ другихъ сословій невозможно, что необходимо стремиться къ внесенію общаго правопорядка въ государствѣ и главнымъ образомъ къ установленію подсудности крестьянъ тѣмъ же самымъ учрежденіямъ, которыми судятся и другія сословія. Итакъ на рубежѣ XX вѣка поставлены были на очередь вопросы кардинальной экономической и юридической важности, которые должны были въ корнѣ измѣнить тяжелое положеніе русской деревни.

Одновременно съ крестьянскимъ вопросомъ новыми экономическими отношеніями выявленъ былъ на поверхности историческаго потока и рабочій вопросъ. Вѣдь капитализмъ, дѣлая свои завоеванія въ странѣ, порождалъ свое естественное противорѣчіе—пауперизацію или обнищаніе массъ и пролетаризацію трудящихся, т. е. образованіе рабочаго класса, вполнѣ оторваннаго отъ орудій и средствъ производства. Эта рабочая масса доходила уже къ началу XX в. почти до 2 мил. человѣкъ, но въ экономическомъ и правовомъ отношеніи была совершенно необезпечена. Рабочій день только съ 1897 года установленъ былъ въ 11½ часовъ, а до того времени онъ доходилъ обычно до 13—14 часовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже до 18—21 часа. Заработная плата была ничтожной: въ среднемъ 188 рублей въ годъ для взрослаго рабочаго, 93 руб.—для женщинъ и 68 руб.—для подростковъ. Свой заработокъ рабочіе получали нерегулярно, нерѣдко разъ въ мѣсяцъ, а то и съ еще большими промежутками. Приходилось кредитоваться въ фабричныхъ харчевыхъ лавкахъ и не выходить изъ долговъ. Штрафы практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, составляя, по утвержденію профессора Янжула, до ⅓ всѣхъ доходовъ предприни-

мателя. Въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи трудъ фабричныхъ заводскихъ рабочихъ обставленъ былъ изъ рукъ вонъ плохо: въ казармахъ ютились по койкамъ и нарамъ; нерѣдко въ одних и тѣхъ же комнатахъ помѣщалось по нѣскольку семействъ. Больницъ и школъ при фабрикахъ почти не было. Въ періодъ промышленныхъ кризисовъ практиковались массовыя увольненія. Пострадавшимъ на работѣ, получившимъ увѣчья, профессіональныя заболѣванія и семьямъ убитыхъ на фабрично-заводскомъ дѣлѣ—не полагалось никакого вознагражденія. Личность рабочаго ничѣмъ не была ограждена отъ произвола владѣльца или фабричной администраціи. Только съ 80-хъ г.г. XIX в. правительство вступаетъ на путь рабочаго законодательства. При министрѣ финансовъ Бунге вводится фабричная инспекція и дѣлаются первыя попытки регулировать трудъ дѣтей, подростковъ и женщинъ. Однако при его ближайшихъ пріемникахъ—Вышнеградскомъ и Витте, правительство не только не продолжало идти по пути развитія рабочаго законодательства, но въ сильной мѣрѣ исказило уже то, что было сдѣлано. Министерство Внут. дѣлъ старалось взять подъ подозрѣніе весь рабочій классъ Россіи. Объявлено было гоненіе на рабочія профессіональныя организаціи—союзы и кассы; закрывались вечерніе классы, библіотеки и читальни, устраиваемыя для рабочихъ передовой интеллигенціей. На ряду съ общей полиціей—жандармской, наружной и охранной, въ 1880 г. введенъ былъ институтъ спеціальной фабричной полиціи. Забастовки и другіе способы выраженія протеста были воспрещены, а ихъ организаторовъ и участниковъ часто безъ суда, въ административномъ порядкѣ, высылали по этапу на родину или ссылали въ Сибирь и въ сѣверныя губерніи.

Все это безъ сомнѣнія должно было переполнять чашу терпѣнія рабочаго пролетаріата, сгущать надъ его головою атмосферу недовольства и вызывать на цѣлый рядъ эксцессовъ. Даже Государственный Совѣтъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій въ 1886 г. призналъ

положенie рабочихъ „прискорбнымъ“ и пришелъ къ заключенію, что „возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ образомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся грубыми проявленіями своеволія и насилія“. Правъ былъ поэтъ-гражданинъ, говоря вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ: „Вмѣсто цѣпей крѣпостныхъ люди придумали много иныхъ“. Этими цѣпями экономическаго гнета и полицейскаго безправія скованы были какъ крестьяне, такъ и рабочіе. Въ массахъ накоплялось все больше и больше недовольства, которое съ каждымъ десятилѣтіемъ начинало все сильнѣе обнаруживаться. Сначала стихійно и судорожно, затѣмъ все болѣе планомѣрно и организованно выступаютъ крестьяне и рабочіе на борьбу со своимъ экономическимъ и юридическимъ порабощеніемъ. Разбить оковы своего новаго рабства и создать новый міръ земельнаго равенства и трудового братства становится завѣтною мечтой наиболѣе сознательныхъ элементовъ въ крестьянской и рабочей средѣ. Начавъ съ аграрныхъ захватовъ и фабричныхъ погромовъ массовое движеніе отливается въ концѣ концовъ въ форму организованныхъ экономическихъ стачекъ и грандіозныхъ политическихъ демонстрацій. На гребнѣ этой высоко поднявшейся волны народнаго недовольства выплываютъ новые лозунги, вырабатывается новая идеологія и создаются новыя партійныя группировки. Однимъ словомъ, массовыя выступленія привели къ возникновенію соціалистическихъ организацій. Въ эту гущу народнаго протеста и въ эту глубину радикальной идеологіи широкихъ массъ мы и должны направить теперь свое вниманіе.

Лекція XV.

Манифестъ 19 февраля, оглашенный съ церковныхъ амвоновъ въ мартѣ 1861 г. сейчасъ же вызвалъ волну крестьянскихъ бунтовъ, достигавшихъ громадныхъ размѣровъ и широко разлившихся по всей странѣ. По официальному свидѣтельству, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ 19 февр. 1861 г. по 19 февр. 1863 г. было болѣе 1100 случаевъ волненій и безпорядковъ въ разныхъ селеніяхъ. Изъ этихъ волненій особенно громкую известность пріобрѣло Бездненское въ апрѣлѣ 1861 г. Волненіе охватило три смежныхъ уѣзда Казанской губ.— спасскій, чистопольскій и лаишевскій; оно было подготовлено слухами о томъ, будто бы объявленіе воли задерживалось помѣщиками. Центральнымъ пунктомъ его стало село Бездна, а главную роль въ немъ сыгралъ раскольничій начетчикъ Антонъ Петровъ. Когда во второй половинѣ марта было получено „Положеніе", то никто изъ крестьянъ ему не повѣрилъ. Этому способствовало полумистическое толкованіе Петровымъ нѣкоторыхъ словъ „Положенія" въ пользу „истинной воли". Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ ходоки съ просьбами показать имъ въ „Положеніи" „истинную волю". Когда мѣстнымъ властямъ успокоеніе внести не удалось, то присланъ былъ изъ Петербурга ген.-ад. Апраксинъ. Крестьяне, встрѣтивъ его съ хлѣбомъ-солью, какъ царскаго посланца, всеже не дали арестовать Петрова. Увѣщанія не помогали. Въ Бездну собралось болѣе 10000 человѣкъ. Тогда Апраксинъ прибѣгъ къ вмѣшательству вооруженной силы. Три залпа крестьяне выдержали, но послѣ четвертаго разбѣжались. Мертвыхъ никто не считалъ. Апраксинъ написалъ въ своемъ рапортѣ, что было убито 51 чел. и ранено 77, но очевидцы опровергаютъ эти цифры. Петровъ былъ раз-

стрѣлянъ по приговору военно-полевого суда. Подобныя же кровавыя усмиренія произошли въ Пензенской губ., гдѣ въ с. Черногаѣ было убито трое крестьянъ и ранено 18, а въ дер. Кандѣевкѣ убито 8 чел. и ранено 27; кромѣ того 26 человѣкъ послѣ наказанія кнутомъ были сосланы въ каторжныя работы и 78 чел. сосланы на поселеніе. Всѣ эти волненія и недоразумѣнія происходили исключительно на почвѣ обманутыхъ надеждъ вслѣдствіе того, что „Положеніе“ 1861 г. давало далеко не все то, на что разсчитывала крестьянская масса. Но какъ ни было велико разочарованіе трудового крестьянства, какъ ни было велико число отдѣльныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, въ нихъ ничего политическаго не было, революціонными вспышками ихъ назвать нельзя; это были „бунты на колѣняхъ“ и всѣ они проходили подъ знакомъ глубокой вѣры въ царя и явнаго недовѣрія къ „господамъ“. Объ эту несокрушимую вѣру въ авторитетъ монархическаго принципа разбились первоначальныя попытки соціалистической пропаганды въ деревнѣ въ ближайшіе годы послѣ реформы.

Съ 70-хъ годовъ недовольство со стороны крестьянъ начинаетъ давать себя знать все чаще и чаще. Такъ, напр., въ 1871 г. волновалось до 17000 казенныхъ крестьянъ въ чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ.. Въ 1876 году бунтовало 3000 крестьянъ въ с. Богородскомъ, Нижегород. губ. Имѣются отрывочныя данныя о волненіяхъ въ Смоленской, Вологодской, Воронежской и Подольской губерніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ напр., въ губерніяхъ Ярославской и Костромской особенно часто стали повторяться случаи отказа крестьянъ отъ платежа „оброковъ помѣщикамъ“. По словамъ извѣстнаго публициста и общественнаго дѣятеля Энгельгарда нельзя не констатировать сильнаго возбужденія умовъ въ деревнѣ, начавшагося особенно съ русско-турецкой войны. Онъ поражался „съ какой свободой говорятъ мужики на сходахъ. Мужикъ ничего не боится. Публично, всенародно на улицѣ, среди деревни мужикъ обсуждаетъ всевозможные политическіе, соціальные

вопросы—открыто говоритъ все, что думаетъ". Темой этихъ „свободныхъ" бесѣдъ служила все та же вѣковѣчная мысль о грядущемъ передѣлѣ: „весь мужикъ", по выраженію Энгельгарда—„увѣренъ, что милость насчетъ земли будетъ, и будетъ скоро".

Въ слѣдующемъ десятилѣтіи волна крестьянскаго движенія разливается еще шире. Во многихъ случаяхъ волненія среди крестьянъ заканчиваются военными постоями и преданіемъ суду зачинщиковъ. По одной изъ корреспонденцій за 1881 г. узнаемъ, что въ Воронежской губ. „антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками за нынѣшнее лѣто страшно усилился... Такое отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ, разумѣется, обостряется и тутъ слѣдуютъ поджоги и воровство скота и хлѣба. Воровство копенъ съ поля повсемѣстно. Поджоги все болѣе и болѣе распространяются, причемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ жгутъ особенно часто". Въ 1883 г. уфимское дворянское губернское собраніе препроводило къ министру внутреннихъ дѣлъ свое постановленіе, въ которомъ дворяне жаловались на свое „критическое и беззащитное положеніе" въ виду насилій, чинимыхъ надъ ними окружающимъ населеніемъ. Въ 1885 г. въ Чигиринѣ Кіевской губ. военный судъ разсматривалъ дѣло о преступномъ сообществѣ, поставившемъ цѣлью производство потравъ на помѣщичьихъ поляхъ, причемъ изъ 14 обвиняемыхъ 9 были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Свѣдѣнія о безпорядкахъ на почвѣ земельнаго утѣсненія, арендныхъ договоровъ, системы отработокъ, отсутствія выпасовъ и водопоевъ такъ и пестрятъ на столбцахъ повременной печати какъ нелегальной, такъ и подцензурной. Но всѣ они говорятъ лишь объ одномъ: о стихійномъ характерѣ крестьянскихъ движеній, отливавшихся въ форму погромовъ, поджоговъ, порубокъ, потравъ и т. п., лишенныхъ какого бы то ни было идейнаго политическаго обоснованія, совершенно недоступнаго сознанію невѣжественной и темной массы деревенскаго населенія.

Подъ вліяніемъ этихъ волненій правительство Александра III проводитъ въ жизнь нѣсколько мѣропріятій, направленныхъ на улучшеніе экономической стороны крестьянскаго быта. Такимъ путемъ удалось, правда на короткое время, внести успокоеніе въ массу сельскаго населенія. Однако недороды и голодовки начала 90-хъ годовъ и возникновеніе на этой почвѣ всевозможныхъ эпидемическихъ заболѣваній приводятъ къ цѣлому ряду волненій, принявшихъ по преимуществу форму холерныхъ бунтовъ. Движеніе не затихало и въ послѣдующее время, что ясно видно изъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 іюля 1898 г. Въ немъ говорится о рядѣ волненій по преимуществу въ южныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ, причемъ „эти безчинства сопровождались въ нѣкоторыхъ случаяхъ вооруженнымъ сопротивленіемъ прибывающимъ для усмиренія безпорядковъ властямъ и нанесеніемъ побоевъ и ранъ чинамъ полиціи". Циркуляръ заканчивается слѣдующей весьма характерной фразой: „Признавая настоятельно необходимымъ положить предѣлъ своеволію крестьянскаго населенія по отношенію къ землевладѣльцамъ и ихъ имуществамъ, имѣю честь просить принимать самыя рѣшительныя мѣры для ихъ предупрежденія и подавленія". Но правительственныя репрессіи приводили къ діаметрально противоположнымъ результатамъ. Недовольство не стихало, а наоборотъ росло и крѣпло. Въ началѣ XX в. волна крестьянскаго движенія подымается еще выше и достигаетъ небывалыхъ сравнительно съ предыдущими десятилѣтіями размѣровъ. Въ одномъ сводномъ очеркѣ, посвященномъ интересующему насъ вопросу, говорится, что въ 1901 г. аграрныя волненія имѣли мѣсть чуть ли не во всей Россіи. Причемъ любопытно, что кромѣ борьбы экономической крестьяне вынуждаются также вести борьбу въ защиту своей человѣческой личности, въ защиту своихъ правъ, какъ человѣка и члена общества. Обнаруживаются уже нѣкоторые признаки организованности: такъ напр., крестьянскими обществами нерѣдко выбираются уполномочен-

ные, которыхъ они стойко защищаютъ при попыткѣ ихъ ареста со стороны администраціи. Для вдумчивыхъ наблюдателей русской деревни уже ясно было въ исходѣ 1901 г., что „въ воздухѣ виситъ что-то зловѣщее: „мужикъ угрюмо молчитъ, а если заговариваетъ иногда, то такъ, что морозъ по кожѣ пробираетъ“ читаемъ въ корресподенціи изъ одной типичной черноземной губерніи. Ждать долго не пришлось: уже весною 1902 г. вспыхнули массовые безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ. Среди крестьянъ пошли толки, что скоро настанетъ время, когда не будетъ ни пановъ, ни мужиковъ, появились книжки и прокламаціи. Движеніе захватило десятки тысячъ человѣкъ и распространилось на цѣлыхъ 4 смежныхъ уѣзда Полтавской и Харьковской губерній. Въ первой было разобрано 54 экономіи, а во второй—25, причемъ 2 усадьбы были сожжены. Движеніе подавлено было отчасти пулями, но, главнымъ образомъ, массовыми тѣлесными истязаніями и грандіозными арестами. Къ суду было привлечено 1098 чел. Сверхъ того на всѣ волновавшіяся общества наложенъ былъ штрафъ въ размѣрѣ 800000 р. Одновременно на другомъ концѣ Россіи, въ 4 уѣздахъ Саратовской губ., развертывалась картина еще болѣе рѣзкихъ столкновеній крестьянъ съ помѣщиками и властями. Средствами борьбы здѣсь были тайные поджоги, рѣже—открытые захваты, еще рѣже, бойкотъ и стачки. Кое-гдѣ недовольство отливалось въ форму открытыхъ разгромовъ. Губернаторъ съ казаками то и дѣло выѣзжалъ въ волновавшіяся селенія, войска размѣщались въ нихъ на постой, производились массовыя сѣченія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне встрѣчали казаковъ кольями и топорами, такъ что дѣло доходило чуть ли не до настоящихъ сраженій. Однако одной Малороссіей и Поволжьемъ дѣло не ограничилось: безпорядки охватили цѣлыхъ 16 губерній какъ на черноземномъ югѣ, такъ и въ сѣверо-западныхъ и сѣверо-восточныхъ районахъ. Наибольшей организованностью, въ видѣ массовыхъ стачекъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, они

отличались въ Ставропольской губ., Кубанской области и въ Гуріи. Въ слѣдующіе 2 года передъ первой революціей крестьянское движеніе проявляется въ 10 губерніяхъ причемъ озлобленіе на почвѣ малоземелья, экономическаго финансоваго гнета достигаетъ своего апогея. Такимъ образомъ къ 1905 году, когда аграрныя волненія явились какъ бы фономъ всего революціоннаго движенія, крестьянская масса обнаружила въ себѣ много броженія и стихійнаго стремленія къ землѣ и волѣ. Волненія сперва разрозненныя и безпорядочныя къ концу освѣщеннаго мною періода принимаютъ болѣе массовый и организованный характеръ. Вѣра въ царя, какъ въ радѣтеля крестьянскихъ интересовъ начинаетъ постепенно вывѣтриваться изъ народнаго сознанія, полицейскій гнетъ и военныя экзекуціи укрѣпляютъ въ сознаніи сельской массы мысль о томъ, что самодержавное государство явно не идетъ навстрѣчу страстнымъ мечтамъ крестьянской громады о „черномъ передѣлѣ“ и земельномъ уравненіи. Этимъ создавалась благопріятная почва для чисто революціонной пропаганды.

Одновременно съ крестьянскимъ движеніемъ возникаютъ и крѣпнутъ волненія среди рабочаго класса. Въ немъ также сперва все отличается какой то судорожностью и стихійностью, и только много лѣтъ спустя въ связи съ ростомъ сознательности рабочаго пролетаріата обнаруживаются организованность и планомѣрность.

Въ пореформенный періодъ рабочія волненія начинаются съ 1865 г., когда возникли безпорядки на Морозовской фабрикѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Въ 1870 г. подъ вліяніемъ участившихся стачекъ печать впервые заговорила о рабочемъ вопросѣ въ Россіи, какъ о вопросѣ отношеній между наемнымъ трудомъ и капиталомъ. Въ большинствѣ случаевъ стачки вызывались низкой заработной платой. Рабочіе начинаютъ предъявлять фабричной администраціи рядъ условій. Такъ въ 1872 г., во время волненій на Кренгольмской мануфактурѣ близъ Нарвы, рабочіе потребовали: сокращенія рабочаго дня, предоставленія дѣтямъ возможности посѣщать

школу и уменьшенія штрафовъ. Стачечное движеніе въ періодъ съ 1865 по 1877 г.г. захватило 20 тысячъ рабочихъ и проявлялось почти повсемѣстно, начиная отъ Петербурга и Варшавы и кончая Одессой и Астраханской губерніей. Элементъ сознательности въ немъ былъ очень слабъ. Однако, уже съ средины 70-хъ г.г. въ рабочій классъ начинаютъ проникать лозунги тогдашней народнической пропаганды. Въ демонстраціи, устроенной въ Петербургѣ обществомъ „Земля и Воля" 6 дек. 1876 г., приняло участіе 200 рабочихъ. Правительство репрессіями старалось подавить рабочее движеніе. Участники стачекъ не только предавались суду, но и высылались въ административномъ порядкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ напр., на постройкѣ Оренбургской желѣзной дороги въ 1875 г. 800 человѣкъ рабочихъ мирно бастовавшихъ изъ-за измѣненія условій найма, подвергнуты были, по распоряженію властей, всѣ поголовно тѣлесному наказанію. Начиная съ 1878 г. стачки усиливаются въ виду того, что Россія вступила въ полосу промышленнаго подъема. Достигая сравнительно легче чѣмъ прежде уступокъ со стороны предпринимателей, рабочіе болѣе воздерживаются отъ всякаго рода эксцессовъ, какъ то разгрома и поджога зданій, что было почти зауряднымъ явленіемъ въ предыдущій стачечный періодъ. Общественный подъемъ, съ которымъ я уже ознакомилъ васъ, характеризуя революціонное и оппозиціонное движеніе конца царствованія Александра II, отразился неизбѣжно и на рабочихъ выступленіяхъ этой эпохи. Революціонная пропаганда начинала явно сказываться въ рабочихъ кругахъ. Стачечное движеніе все разросталось. За 1878 г.—81 г.г. въ 29 стачкахъ, о которыхъ имѣются прямыя свѣдѣнія участвовало до 35 тыс. рабочихъ. Конечно мотивами для стачекъ были причины чисто экономическаго порядка: пониженіе расцѣнокъ, громадные штрафы и неправильныя расплаты. Большой интересъ представляетъ стачка на новой бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ въ 1878 г. Здѣсь рабочіе предъявили сперва рядъ усло-

вій фабричной администраціи, а затѣмъ обратились съ просьбой о вмѣшательствѣ къ петербургскому градоначальнику ген. Козлову. Когда же, по мнѣнію рабочихъ, они, повѣривъ успокоительнымъ заявленіямъ градоначальника, оказались обманутыми и большинство ихъ требованій не было удовлетворено, среди нихъ возникло рѣшеніе идти къ Аничкову дворцу и подать петицію тогдашнему наслѣднику, будущему императору Александру III. Петиція была принята, рабочимъ обѣщано было разслѣдованіе, но оно, въ конечномъ итогѣ, ни къ чему не привело. Въ этой петиціи чрезвычайно характерны заключительныя слова. Указавъ на систематическія преслѣдованія со стороны хозяевъ и полиціи, рабочіе говорили: „Мы обращаемся къ Вамъ, какъ къ отцу. Если не будутъ удовлетворены наши справедливыя требованія, то мы тогда будемъ знать, что намъ не на кого надѣяться, что никто не заступится за насъ и что мы должны положиться на насъ и на свои руки“.

Въ 1881 г. въ русской промышленности наступаетъ застой, обостренный послѣдовавшими въ 1882—84 г.г. кризисами во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ. Этотъ застой продолжался до 1887 г., вызвалъ небывалыя еще бѣдствія въ рабочемъ классѣ и породилъ, конечно, новую волну стачечнаго движенія. За 6 лѣтъ—съ 1881 по 1887 г.г.—имѣются свѣдѣнія о 48 стачкахъ охватившихъ въ общей сложности 80 тыс. рабочихъ. Всѣ эти стачки носятъ массовой характеръ; въ нихъ участвуютъ тысячи рабочихъ и обостреніе классового антагонизма сказывается на нихъ весьма сильно. Къ бастующимъ рабочимъ начинаютъ примѣнять уже вооруженную силу; такъ въ Жирардовѣ въ 1882 г. при столкновеніи съ войсками трое оказались убитыми и 13 человѣкъ ранеными. Вмѣстѣ съ тѣмъ стачки начинаютъ пріобрѣтать болѣе организованный характеръ. Бѣлостокскіе ткачи-евреи въ томъ же 1882 году были матеріально поддержаны остальными рабочими-евреями въ городѣ, обложившими себя въ пользу бастовавшихъ

опредѣленнымъ денежнымъ взносомъ. Благодаря этому стачка была выиграна. Наиболѣе организованной и выдержанной была стачка 1885 г. на Никольской мануфактурѣ Саввы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Планъ стачки былъ выработанъ заранѣе. Во главѣ движенія стоялъ комитетъ изъ нѣсколькихъ лицъ, руководимый рабочимъ Волковымъ. Имъ же составлена была тетрадь требованій, которую онъ вручилъ отъ имени бастующихъ рабочихъ прибывшему въ Орѣхово владимірскому губернатору. Всѣ эти требованія, чисто экономическаго и профессіональнаго характера, были настолько существенны и такъ обстоятельно и детально разработаны, что ими рѣшено было воспользоваться для намѣченныхъ какъ разъ въ то время законодательныхъ мѣропріятій. Дѣло въ томъ, что въ 80-хъ г.г., подъ вліяніемъ участившихся забастовокъ, правительство въ лицѣ министра финансовъ проф. Бунге вступило на путь рабочаго законодательства. Я не буду останавливать вашего вниманія на изданныхъ въ эти годы законахъ, но отмѣчу только, что ими впервые въ Россіи регулировалась работа дѣтей, подростковъ и женщинъ, вводилась фабричная инспекція и устанавливался контроль надъ отношеніями между предпринимателями и рабочими. Одновременно въ стачечное движеніе вплетается и революціонная пропаганда. Такъ въ петербургскихъ стачкахъ осенью 1886 г. руководящая роль принадлежала кружкамъ рабочихъ-соціалистовъ, имѣвшихъ связи съ народовольческими организаціями интеллигентовъ. Съ 1887 г. интенсивность рабочаго движенія падаетъ подъ вліяніемъ начавшагося промышленнаго оживленія и опубликованія, отмѣченныхъ мною выше, фабричныхъ законовъ.

Однако это успокоеніе продолжалось очень короткое время. Движеніе возобновилось и при томъ въ еще болѣе значительныхъ размѣрахъ. На ряду съ причинами чисто экономическими этому благопріятствовали условія созданныя правительственной политикой. Подъ вліяніемъ притязаній торговой и промышленной буржуазіи,

объявившей Бунге „соціалистомъ", министромъ финансовъ назначенъ былъ Вышнеградскій, сразу пошедшій навстрѣчу требованіямъ капиталистовъ. Личный составъ фабричной инспекціи былъ подвергнутъ „очищенію". Въ 1890 году разрѣшенъ былъ рядъ существенныхъ изъятій изъ ранѣе опубликованныхъ рабочихъ законовъ. Нуждаясь въ финансовой поддержкѣ буржуазіи для своей внутренней и внѣшней политики правительство начинало явно игнорировать интересы рабочаго класса. Однако, въ эти годы усилившейся полицейской реакціи, начинаетъ давать себя знать самодѣятельность въ рабочей средѣ. При поддержкѣ интеллигенціи и имущихъ классовъ возникаютъ потребительскія общества, кассы взаимопомощи и другія профессіональныя организаціи. Такихъ рабочихъ обществъ къ концу 80-хъ г.г. насчитывалось уже 160, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли по 1000 и болѣе членовъ. Бюрократія противодѣйствовала возникновенію кассъ взаимопомощи и нерѣдко подвергала аресту и высылкѣ ихъ организаторовъ и учредителей. Въ это же время проявляется интенсивная работа интеллигенціи по удовлетворенію духовныхъ нуждъ рабочаго класса: издаются дешевыя книги, учреждаются воскресныя школы и вечерніе классы. Элементъ сознательности все глубже начинаетъ проникать въ рабочія массы, что неизбѣжно должно было сказаться и на послѣдующей судьбѣ рабочаго движенія. Сближеніе съ интеллигенціей привело пролетарскіе круги къ знакомству съ соціализмомъ, который какъ разъ въ 80-хъ г.г. сталъ привлекать къ себѣ вниманіе передовыхъ слоевъ русскаго общества.

Я уже отмѣчалъ въ одной изъ предыдущихъ лекцій, что въ 70-хъ г.г. проповѣдь утопическаго соціализма въ народнической окраскѣ проникаетъ въ рабочую среду. Въ 1875 г. въ Одессѣ для пропаганды соціально-революціонныхъ идей учрежденъ былъ „Южно-русскій рабочій союзъ"; онъ вскорѣ вынужденъ былъ прекратить свое существованіе. Съ 1876 г. подъ руководст-

вомъ Плеханова обществомъ „Земля и Воля“ ведется пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ. Въ концѣ 1878 г. положено было основаніе „Сѣверному Союзу русскихъ рабочихъ“. Этотъ союзъ объявлялъ себя солидарнымъ съ соціально-демократической партіей на Западѣ и находился подъ сильнымъ вліяніемъ лассальянства. Въ его воззваніяхъ къ рабочимъ говорится о слѣдующихъ цѣляхъ Союза: обновленіе міра, возрожденіе семьи, установленіе собственности, какъ она должна быть и воскрешеніе великаго ученія Христа о братствѣ и равенствѣ. Въ 1879 г. въ Сѣверномъ союзѣ насчитывалось уже до 200 членовъ, но онъ скоро распался отъ полицейскихъ преслѣдованій и перехода многихъ изъ его членовъ къ террористической дѣятельности. Въ первой половинѣ 80-хъ г.г. народовольческіе рабочіе кружки существовали въ 13 городахъ, главнымъ образомъ на юго-западѣ и на югѣ. Въ Польшѣ въ это время изъ обломковъ болѣе раннихъ соціалистическихъ кружковъ возникаетъ польская партія „Пролетаріатъ“. Въ основу ея дѣятельности кладется уже принципъ чисто классовой борьбы. Она организовывала рабочее движеніе въ Варшавѣ, Жирардовѣ, Лодзи и руководила забастовками въ предѣлахъ царства Польскаго. Въ 1884 г. партія „Пролетаріатъ“ была разгромлена, большинство ея членовъ привлечено было по так. наз. процессу „29“, закончившемуся 4 смертными приговорами. Въ 1887 г. организація „Пролетаріата“ возобновилась и, несмотря на аресты, все же дожила до 90-хъ г.г. Въ самой Россіи рабочіе кружки, организованные народовольцами, почти всѣ исчезаютъ въ связи съ арестами и политическими процессами 1882—87 г.г. Въ 1883 г. по иниціативѣ Плеханова, Засуличъ и Дейча возникаетъ „Группа освобожденія труда“. Она окончательно порвала съ противогосударственными и утопическими теоріями 70-хъ—80-хъ г.г. и готова была дѣйствовать посредствомъ государства для достиженія цѣлей и защиты интересовъ того общественнаго слоя, представителемъ идеаловъ котораго она являлась. Осу-

ждая заговорщическую тактику и систему террора, Плехановъ со своими единомышленниками призывалъ соціалистовъ къ организаціи самостоятельной рабочей партіи, которая объединяла бы сознательныхъ рабочихъ и боролась бы прежде всего за политическую свободу. Основнымъ требованіемъ „Группы освобожденія труда“ была самая широкая агитація въ пользу демократической конституціи, обезпечивающей право быть избирателемъ и избираемымъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и въ органы мѣстнаго самоуправленія всякому гражданину, не приговоренному судомъ къ лишенію политической правоспособности за извѣстныя, строго опредѣленныя закономъ, позорныя дѣянія. Къ концу 80-хъ г.г. у Плеханова уже были послѣдователи среди интеллигенціи, усвоивавшіе марксистскую классовую идеологію. Къ 1890 г. въ средѣ пролетаріата образовался уже тонкій культурный слой лицъ, распропагандированныхъ въ соціалистическомъ отношеніи.

Съ начала 90-хъ г. подъ вліяніемъ промышленнаго застоя, голода и холеры появляются массы безработныхъ, что вызываетъ новыя рабочія волненія. Нѣкоторыя изъ стачекъ, какъ напр. въ Лодзи въ 1892 г., превращаются въ грандіозныя, чуть ли не всеобщія для даннаго раіона забастовки, вызываютъ вмѣшательство войскъ и осложняются кровавыми столкновеніями съ человѣческими жертвами до 50 человѣкъ убитыми. Соціалистическій элементъ уже начинаетъ давать себя знать. Въ 1889 г. на парижской конференціи интернаціонала постановлено было считать 1-ое мая днемъ праздника труда и международной солидарности рабочихъ. Съ 1890 г. въ Польшѣ начинаютъ осуществляться одновременно съ западной Европой первомайскія забастовки. Въ 1892 г. дѣлаются первыя попытки объединенія польскихъ соціалистическихъ партій, выдвинувшихъ требованіе—образованіе самостоятельной польской республики. Въ самой Россіи въ 90-хъ г.г. марксистское теченіе беретъ явно верхъ надъ народничествомъ. Лозунги съ призывами къ классовой борьбѣ и къ организаціи на этой почвѣ пролета-

ріата начинаютъ все болѣе проникать въ рабочую массу, вызывая въ ней подъемъ идейныхъ и моральныхъ силъ. Въ 1891 году происходило первое тайное первомайское собраніе въ Петербургѣ, организованное соц.-демократ. кружками. Конечно, широкая масса рабочихъ была еще чужда идеи майскихъ манифестацій. Въ это же время въ нѣкоторыхъ городахъ, преимущественно западнаго края и царства Польскаго, возникаютъ боевые кассы рабочихъ, оказывающія увольняемымъ матеріальную, юридическую и моральную поддержку и объявляющія подъ бойкотомъ ихъ мѣста. Въ началѣ 90-хъ г.г. уже въ 17 крупныхъ городахъ встрѣчаются соц.-демократ. кружки, занимающіеся пропагандой среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Правительство преслѣдовало за эту пропаганду, какъ за тяжкія политическія преступленія, что, конечно, вносило въ соціалистическіе кружки элементы чисто-революціонной тактики. Отсутствіе политической свободы въ Россіи мѣшало организованности рабочихъ въ классовую группу.

Съ 1893 г. наступаетъ въ Россіи небывалый еще промышленный расцвѣтъ, главнымъ образомъ въ области желѣзодѣлательной индустріи. Въ связи съ этимъ, какъ я отмѣтилъ въ предыдущей лекціи, растетъ численно и рабочій классъ. Съ перемѣной царствованія въ 1894 г. и съ оживленіемъ общественной самодѣятельности въ центрѣ новаго идейнаго движенія становится вопросъ о капиталистическомъ развитіи Россіи. Демократическая интеллигенція, стоящая на марксистской точкѣ зрѣнія, возлагаетъ теперь всѣ надежды на рабочій пролетаріатъ, тогда какъ народники, съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ, полагаютъ, что главную роль въ экономическихъ судьбахъ Россіи сыграетъ земельная община и вообще трудовое крестьянство. Въ Вольномъ экономическомъ обществѣ ведутся жаркія пренія народниковъ съ марксистами; появляются печатные органы, отстаивающіе идеологію того и другого крыла передовой русской интеллигенціи. Народники группируются вокругъ „Русскаго богатства“, а оффиціальнымъ

органомъ марксистовъ становится съ 1897 г. „Новое Слово". Съ 1895 г. марксисты переходятъ на путь осуществленія своихъ классовыхъ лозунговъ посредствомъ рабочихъ организацій. Сперва въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ возникаютъ „Союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Въ 1897 г. положено основаніе объединенной организаціи „Еврейскаго рабочаго союза въ Россіи, Литвѣ и Польшѣ" или „Бунда". Наконецъ въ мартѣ 1898 г. на тайномъ съѣздѣ въ Минскѣ всѣ соціалистическія партіи, стоящія на марксистской платформѣ, объединяются въ Россійскую соціалъ-демократическую Рабочую Партію. Первымъ актомъ этой новой партіи было обнародованіе манифеста, составленнаго Петромъ Струве, съ изложеніемъ цѣлей и задачъ, а также образа дѣйствія этой всероссійской рабочей организаціи. Еще до оффиціальнаго образованія с.-д. партіи марксистскіе кружки дѣятельно участвуютъ въ борьбѣ рабочихъ съ предпринимателями: организуютъ рабочее движеніе, вносятъ въ его ряды планомѣрность и формулируютъ требованія пролетаріата въ отношеніи къ капиталистамъ. Стачечное движеніе во второй половинѣ 90-хъ г. все растетъ, охватывая въ періодъ съ 1895 по 1899 г.г. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 261 тыс., а по неоффиціальнымъ—452 тыс. человѣкъ; 1896—97 г.г. были временемъ еще небывалаго напряженія стачечной борьбы. Забастовочнымъ движеніемъ было захвачено 263 промышленныхъ предпріятія съ числомъ рабочихъ 89 тыс. По неоффиціальнымъ даннымъ число бастовавшихъ рабочихъ доходило даже въ эти годы до 170 тыс. Эти стачки сыграли громадную роль и въ исторіи дальнѣйшаго фабричнаго законодательства и въ превращеніи соціалъ-демократіи въ крупную политическую силу. Поводомъ къ этимъ массовымъ стачкамъ послужило первоначальное нежеланіе промышленниковъ оплатить тѣ 3 дня, въ теченіе которыхъ закрыты были всѣ фабрики и заводы въ Россіи 14—16 мая 1896 г. по случаю коронаціи Николая II. Ареной стачекъ былъ Петербургъ; на первый планъ было выдви-

нуто требованіе о сокращеніи рабочаго дня, на которое усиленно обращали вниманіе воззванія распространяемыя „Союзомъ борьбы“. Ожидалась всеобщая стачка. Соц.-демократическія выступленія дѣлали свое дѣло. Союзъ выпустилъ даже воззваніе къ обществу съ просьбой о матеріальной поддержкѣ стачечниковъ. Первоначально власти, повидимому, растерялись: созвано было даже особое совѣщаніе фабрикантовъ подъ предсѣдательствомъ Витте. Но затѣмъ стали примѣняться обычныя мѣры воздѣйствія до полицейскихъ насилій надъ рабочими включительно. Это не только не ослабило движенія, но перекинуло его изъ Петербурга въ другіе промышленные центры. Въ результатѣ побѣда осталась за рабочимъ классомъ и 2 іюня 1897 года изданъ былъ законъ, сокращавшій продолжительность рабочаго дня до $11^1/_2$ час.

Послѣ этой большой удачи рабочее движеніе отливается въ еще болѣе организованныя формы, видя въ этомъ главный залогъ для дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ. Наряду съ обычными экономическими лозунгами начинаютъ выдвигаться и чисто политическія требованія. Такъ въ декабрѣ 1898 г. на одной изъ петербургскихъ фабрикъ предъявлены были фабричному инспектору требованія о свободѣ стачекъ и собраній. Съ конца 90-хъ годовъ все въ большемъ количествѣ распространяются въ рабочемъ классѣ прокламаціи и листки съ указаніемъ на необходимость организованной борьбы за политическую свободу. Онѣ имѣютъ большой успѣхъ и способствуютъ еще большему объединенію рабочихъ лозунгахъ с. д. партіи. Съ 1898 г. въ Петербургѣ начинаются первомайскія забастовки. Одновременно въ Польшѣ и въ Западномъ Краѣ рабочими устраиваются впервые уличныя демонстраціи. Съ 1899 г. въ большихъ русскихъ городахъ, главнымъ образомъ въ столицахъ, наблюдается участіе рабочихъ въ политическихъ демонстраціяхъ, организуемыхъ студентами. Однако эти политическія демонстраціи развивались помимо непосредственнаго вліянія с. д. партіи, т. к. сама

она въ то время стояла на почвѣ чистаго экономизма и полагала, что вся энергія рабочаго класса должна быть направлена на борьбу съ гнетомъ капитала. С. д. были увѣрены, что чисто экономическими выступленіями рабочіе добьются отъ правительства права стачекъ и коалиціи и тѣмъ проложатъ мостъ къ улучшенію своего матеріальнаго и бытового положенія. Съ 1899 г. вплоть до 1903 г. Россія пережила громадный промышленный кризисъ, осложненный аграрными движеніями и голодовкой въ деревнѣ. Безработица со всѣми ея гнетущими послѣдствіями на долгое время свила себѣ прочное гнѣздо въ большихъ городскихъ центрахъ. На этомъ фонѣ глубокаго перелома въ экономической жизни всей страны растетъ и крѣпнетъ оппозиціонное настроеніе рѣшительно во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Въ связи съ аграрными волненіями и массовыми истязаніями крестьянъ возрождается революціонное народничество и въ 1901 г. подъ руководствомъ Гершуни создается террористическая организація соціалистовъ-революціонеровъ. Ею подготовленъ и осуществленъ рядъ покушеній какъ на губернаторовъ охваченныхъ крестьянскими волненіями мѣстностей, такъ и на болѣе видныхъ администраторовъ—министры Боголѣповъ, Сипягинъ, Плеве, а въ февралѣ 1905 г. московскій ген. губернаторъ великій князь Сергій. Изъ стараго народничества, основныя начала котораго провозглашены были еще Чернышевскимъ, образуется къ началу XX в. партія соціалистовъ-революціонеровъ. Она не чуждается и рабочаго класса, но главное свое вниманіе обращаетъ на коренное измѣненіе экономическихъ и политическихъ отношеній въ русской деревнѣ.

Въ связи со всѣмъ этимъ интересъ къ политическимъ вопросамъ даетъ себя знать все сильнѣе и въ рабочей средѣ. С.-д. партія сама уже считаетъ необходимымъ перейти на путь политической пропаганды. Въ 1900 г. въ Харьковѣ, въ день 1 мая, рабочіе на всѣхъ крупныхъ предпріятіяхъ объявили забастовку съ требованіями 8-ми часового рабочаго дня и свободы

собраній, союзовъ, стачекъ и печати. Харьковская забастовка была первой въ коренной Россіи на чисто политической почвѣ; она на всѣхъ произвела весьма сильное впечатлѣніе. Благодаря высылкѣ въ разныя мѣста арестованныхъ участниковъ движенія, эта забастовка имѣла большое вліяніе на рабочее населеніе многихъ промышленныхъ центровъ Юга Россіи. Въ 1901 г. февральскія студенческія волненія почти во всѣхъ университетскихъ городахъ встрѣтили себѣ живой откликъ въ рабочей массѣ, движеніемъ при этомъ руководили с.-д. организаціи.

Итакъ къ началу XX в. рабочая масса окрѣпла и съорганизовалась. Въ ней сильно были распространены соціалистическіе лозунги, но она далеко не была настроена антимонархически и революціонно. Это прекрасно видно изъ того вліянія, которое имѣлъ на петербургскихъ рабочихъ Георгій Гапонъ. Ему удалось въ началѣ 1904 года съ разрѣшенія правительства открыть „Собраніе русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ г. С.-Петербурга“. Это общество имѣло рядъ отдѣловъ какъ въ столицѣ такъ и въ ея окрестностяхъ. Оно преслѣдовало чисто профессіональныя и культурно-просвѣтительныя цѣли и ничего антиправительственнаго оно въ себѣ не заключало. Тысячи рабочихъ принимали въ немъ участіе, стремясь такимъ легальнымъ путемъ улучшить свое положеніе. Только рѣзкіе конфликты съ администраціей путиловскаго завода, уволившей нѣсколько членовъ общества, внесли въ его среду элементъ возбужденія и раздраженія. Когда на одномъ изъ собраній уже въ разгаръ всеобщей забастовки, охватившей 4—7 января 1905 г. петербургскіе фабрики и заводы, Гапонъ высказалъ мысль, что слѣдуетъ идти къ самому царю искать правды, рабочіе тотчасъ подхватили ее. Составлена была петиція съ изложеніемъ нуждъ рабочихъ, покрытая десятками тысячъ подписей. Но 9 января, когда сотни тысячъ рабочихъ съ царскими портретами, церковными хоругвями и съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ направились по улицамъ

Петербурга къ Зимнему Дворцу, ихъ встрѣтили нагайки и пули, избіенія и разстрѣлы. Наивная вѣра широкихъ массъ въ царя, радѣющаго за народные интересы, разстрѣляна была здѣсь окончательно въ кошмарный для всего рабочаго класса день 9 января 1905 г. Приказъ ген. Трепова къ войскамъ петербургскаго гарнизона, заканчивающійся словами „патроновъ не жалѣть" навсегда и окончательно развѣялъ монархическія иллюзіи рабочаго класса. Съ этого момента рабочій пролетаріатъ сталъ активнымъ авангардомъ русской революціи.

Лекція XVI.

Въ то время какъ на почвѣ массовыхъ движеній въ крестьянскихъ и рабочихъ кругахъ возникали и крѣпли соціалистическія партійныя организаціи, въ земской средѣ не замирало то теченіе, которое еще въ 60 и 70 г.г. окрашено было въ ярко либеральный цвѣтъ. Вы вѣроятно припомните, что въ 1879 г. лѣвые, чисто конституціонные земскіе элементы, положили основаніе земскому союзу, однимъ изъ требованій котораго былъ созывъ учредительнаго собранія. Какъ видно изъ полицейскихъ дознаній, событіе 1 марта 1881 г. вызвало усиленную дѣятельность „Земскаго Союза". Члены его, спѣшно съѣхавшись въ Харьковѣ въ количествѣ 30 человѣкъ, выработали и отлитографировали программу названную „Программою Земскаго Союза 1881 г.". Ея основные пункты заключались въ слѣдующемъ: 1) отрицаніе террора правительственнаго и революціоннаго, 2) упраздненіе подушной подати и уравненіе налоговъ, податей и повинностей, 3) децентрализація государственнаго управленія по общинамъ, волостямъ, уѣздамъ и областямъ, 4) центральное народное представительство въ смыслѣ полноправнаго законодательнаго органа, избраннаго всеобщимъ голосованіемъ и прямо упраздняющаго самодержавіе". Въ близкомъ единеніи съ этимъ теченіемъ русской общественной мысли находилась политическая партія, возникшая въ 1883 г. и принявшая названіе „Вольнаго союза". Въ ней группировались національно-либеральные элементы украинской интеллигенціи во главѣ съ извѣстнымъ ученымъ и публицистомъ—проф. Драгомановымъ. Будучи соціалистомъ по своимъ убѣжденіямъ, Драгомановъ былъ убѣжденъ,

что осуществленіе соціалистическаго идеала „возможно только въ извѣстной постепенности и при высокомъ развитіи массъ, а потому и достижимо болѣе при посредствѣ умственной пропаганды, чѣмъ кровавыхъ возстаній". Очередной задачей для Россіи начала 80-хъ г.г. была, по его мнѣнію, политическая свобода, которую онъ мечталъ осуществить какъ для Украины, такъ и для остальныхъ русскихъ областей на принципѣ федерализма. Воскрешая традиціи „Общества соединенныхъ славянъ" и „Кирилло-меѳодьевскаго братства", „Вольный союзъ" начерталъ на своемъ знамени: федеративный демократическій строй. По программѣ, составленной проф. Драгомановымъ, Россія должна была дѣлиться на области „сообразно совокупности географическихъ, экономическихъ и этнографическихъ условій". Учредители „Вольнаго Союза" не высказывались окончательно за монархію или республику, полагая, что главою будущаго федеративнаго россійскаго государства могъ быть или безотвѣтственный наслѣдственный императоръ, или избранный на срокъ предсѣдатель всероссійскаго государственнаго союза, отвѣтственный наравнѣ съ министрами. Такимъ образомъ, въ началѣ 80 г.г. окончательно опредѣлились тѣ теченія въ русскомъ либерализмѣ, которыя постоянно затѣмъ давали себя знать въ такъ наз. лѣвыхъ земскихъ кругахъ.

Эпоха правительственной реакціи, начавшаяся вскорѣ по воцареніи Александра III, далеко не благопріятствовала распространенію въ обществѣ конституціонно-либеральныхъ идей. Россія быстро скользила по наклонной плоскости чиновничьяго полновластія Барометръ общественной жизни сильно упалъ. Земскія и дворянскія заявленія политическаго характера были воспрещены, а прогрессивная печать была поставлена въ невозможныя условія все усиливавшимися цензурными строгостями. Въ высшей школѣ съ изданіемъ университетскаго устава 1884 г. оказалось невозможнымъ высказывать съ каѳедры свободные научные взгляды и многіе изъ представителей либеральной профессуры вы-

нуждены были прекратить свою преподавательскую дѣятельность. Наступила пора коренной ломки реформъ Александра II. Только голодъ 1891 г., разразившійся почти надъ 30-ю губерніями Европейской Россіи, всколыхнулъ русское общество и вывелъ его изъ состоянія застоя и апатіи. Началось новое движеніе въ народъ съ цѣлью помочь вымиравшей крестьянской массѣ выйти изъ ея приниженнаго безправнаго положенія. Проявленіе общественной инипіативы всѣми было признано единственнымъ условіемъ для того, чтобы избавить страну отъ перспективы всеобщаго моральнаго и физическаго вырожденія. Возникли новыя общественныя группировки, приведшія къ образованію партіи „Народнаго права", поставившей себѣ цѣлью объединеніе крайнихъ и умѣренныхъ элементовъ оппозиціи. Эта партія возникла въ 1894 г. въ Саратовѣ по инипіативѣ нѣкоторыхъ земцевъ и представителей „третьяго элемента", а затѣмъ центромъ дѣятельности ея сдѣлался Орелъ. Уже въ 1895 г. ее постигъ полный разгромъ, послѣ того какъ въ Смоленскѣ обнаружена была ея тайная типографія. Въ этой типографіи народоправцы успѣли отпечатать свой манифестъ, въ которомъ говорилось, что главнымъ требованіемъ русской жизни является вопросъ о политической свободѣ. Для достиженія этой основной цѣли партія имѣла въ виду организовать изъ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ дѣятельную силу, которая добилась бы при помощи всѣхъ находящихся въ ея распоряженіи матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ, обезпеченія каждому правъ гражданина и человѣка. Лозунгами народоправцевъ были тѣ самыя требованія, которыя еще на рубежѣ 70 и 80 г.г. группировали вокругъ себя лучшихъ представителей либеральной интеллигенціи. Они заключались въ слѣдующемъ: „представительное правленіе на основаніи всеобщей подачи голосовъ, свобода вѣроисповѣданія, независимость суда, свобода печати, свобода сходокъ и обществъ неприкосновенность личности и ея человѣческихъ правъ, наконецъ признаніе права политическаго самоопредѣ-

ленія за всѣми національностями, входящими въ составъ Россіи".

Этотъ новый подъемъ конституціонныхъ стремленій хронологически почти совпалъ съ перемѣной царствованія. Кончина Александра III 20 октября 1894 г. пробудила въ либеральныхъ земскихъ кругахъ надежду на перемѣну курса правительственной политики. Во многихъ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ возникла въ связи съ этимъ мысль о подачѣ адресовъ съ указаніями на необходимость реформы государственнаго строя. Далеко не всюду это намѣреніе удалось осуществить, но и тамъ, гдѣ адреса были составлены, рѣшено было не высказываться въ рѣзко конституціонномъ направленіи. Въ тѣхъ 9 адресахъ, которые были представлены, открыто не говорилось о созывѣ народныхъ представителей. И вообще весь ихъ тонъ былъ значительно болѣе робкимъ сравнительно съ адресами 1881 г. Такъ, объ единеніи царя съ народомъ упоминали въ своихъ адресахъ тульское, уфимское, полтавское и саратовское земскія собранія. Тульскіе земцы, напримѣръ, въ заключительной части своего адреса говорили: „Мы просимъ довѣрія своего царя, которое необходимо для плодотворнаго служенія родинѣ, просимъ, открытаго доступа голоса земства къ престолу". Почти тоже самое встрѣчаемъ въ полтавскомъ адресѣ, въ которомъ высказана была надежда, что „правдивый голосъ земства, нелицепріятно предстательствующій о нуждахъ мѣстнаго населенія, свободно восходя къ престолу, всегда будетъ милостиво и благосклонно выслушиваемъ!". Я не буду останавливать вашего вниманія на другихъ адресахъ, въ которыхъ въ той или иной формѣ высказана была завѣтная земская мысль о центральномъ общеземскомъ представительствѣ. Упомяну только, что по сообщенію уфимскаго губернатора тамошнее земство „рѣшилось домогаться, чтобы въ засѣданіи высшихъ правительственныхъ учрежденій были допущены представители всѣхъ земствъ Россіи при сужденіи о вопросахъ касающихся земствъ и въ частности—

объ измѣненіи системы народнаго продовольствія". Однако съ адресомъ тверского губернскаго земскаго собранія необходимо ознакомиться потому, что въ немъ ярче всего сказались конституціонныя стремленія мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Этотъ адресъ выражалъ надежду, что „съ высоты престола всегда будетъ услышанъ голосъ нужды народной". „Мы уповаемъ"— говорили тверскіе земцы—„что счастье наше будетъ расти и крѣпнуть при неуклонномъ исполненіи закона какъ со стороны народа, такъ и со стороны представителей власти,—ибо законъ, представляющій въ Россіи выраженіе Монаршей воли, долженъ стать выше случайныхъ видовъ отдѣльныхъ представителей этой власти. Мы горячо вѣруемъ, что права отдѣльныхъ лицъ и права общественныхъ учрежденій будутъ незыблемо охраняться. Мы ждемъ, государь, возможности и права для общественныхъ учрежденій выражать свое мнѣніе по вопросамъ, ихъ касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выраженіе потребностей и мысли не только администраціи, но и народа русскаго". Адресъ заканчивался слѣдующими словами: „Мы вѣримъ, что въ общеніи съ представителями всѣхъ сословій русскаго народа, равно преданныхъ престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдетъ новый источникъ силы и залогъ успѣха въ исполненіи великодушныхъ предначертаній Вашего Императорскаго Величества". Въ правящихъ кругахъ всѣ эти адреса встрѣчены были весьма неблагосклонно; тверской адресъ даже не былъ принятъ государемъ, а на докладѣ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала чрезвычайно характерная высочайшая резолюція „Я чрезвычайно удивленъ и недоволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія". Очевидно новый государь не намѣренъ былъ отступать отъ политики своего предшественника. Такъ въ манифестѣ, изданномъ по случаю восшествія на престолъ 20 октября 1894 г., говорилось о „завѣтахъ усопшаго родителя", а 17 января 1895 г. на пріемѣ представите-

лей дворянства, земствъ, городовъ и казачьихъ войскъ произнесены были слѣдующія знаменательныя слова: „Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія; пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный Родитель“. Итакъ самодержавіе снова объявлялось палладіумомъ Россіи и конституціонныя иллюзіи должны были разсѣяться, какъ дымъ.

Но событія, вопреки желаніямъ правящихъ бюрократическихъ сферъ, шли своимъ чередомъ. Оппозиціонное настроеніе въ странѣ не только не прекращалось, но съ каждымъ годомъ все усиливалось и развивалось. По иниціативѣ предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова въ 1896 г., въ Нижнемъ Новгородѣ, во время всероссійской выставки созванъ былъ съѣздъ предсѣдателей всѣхъ губернскихъ земскихъ управъ, на которомъ рѣшено было періодически устраивать такіе съѣзды для объединенія и планомѣрнаго направленія дѣятельности всѣхъ земствъ имперіи. Эти съѣзды вызывали по отношенію къ ихъ участникамъ репрессіи со стороны правительства, которое съ 1899 г. окончательно вступило на путь реакціи. Въ 1900 г. пріостановлена была дѣятельность вольно-экономическаго общества, которое по весьма многимъ вопросамъ являлось идейнымъ центромъ объединенія земской работы. Въ 1901 г., по мысли Витте, рѣшено было лишить земство права самообложенія и закономъ о фиксаціи земскихъ налоговъ разрушить самый фундаментъ существованія органовъ мѣстнаго самоуправленія. Одновременно земство устранено было отъ завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ въ государствѣ, которое все цѣликомъ передавалось въ руки администраціи. Въ связи съ этими мѣропріятіями земская оппо-

зиція свивала себѣ болѣе прочное гнѣздо. Когда на съѣзды предсѣдателей, какъ лицъ находящихся на государственной службѣ, наложено было запрещеніе, земцами стали устраиваться такъ наз. „слеты" или съѣзды какъ областного, такъ и всероссійскаго характера. Въ каждомъ случаѣ, когда предстояло объединить земства на какомъ нибудь вопросѣ, „слетались" видные представители земской оппозиціи и близкія имъ лица изъ „третьяго элемента", а также представители городовъ и дѣлали тѣ или иныя постановленія, которыя затѣмъ проводились въ земскихъ собраніяхъ. Главнымъ пунктомъ для „слетовъ" была Москва, но „слетались" нерѣдко и въ другихъ городахъ, если встрѣчался подходящій случай: какая нибудь выставка, напр., сельско-хозяйственная, педагогическіе курсы, какой нибудь съѣздъ, какъ то: медицинскій, учительскій, кустарный и даже пожарный. Эти съѣзды или „слеты" въ самомъ своемъ началѣ приняли политическую окраску, и на нихъ уже съ 1901 г. правительство обратило свое вниманіе.

Слѣдующимъ этапомъ въ проявленіи земской оппозиціи были губернскіе и уѣздные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Правда, правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы изъять изъ компетенціи какъ центральнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско - хозяйственной промышленности, открытаго по иниціативѣ Витте въ мартѣ 1902 г., такъ и его мѣстныхъ комитетовъ всѣ вопросы государственнаго и земскаго самоуправленія, но жизнь властно рвала всѣ бумажныя плотины, воздвигаемыя бюрократіей на ея пути. „Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно",—и земцы, несмотря ни на что, нашли все же возможность поднять вопросы чуть ли не конституціоннаго характера. Особенно ярко земскій конституціонализмъ сказался въ воронежскомъ комитетѣ, гдѣ былъ составленъ докладъ, въ которомъ между прочимъ говорилось о свободѣ слова, печати, собраній и признанъ былъ необходимымъ созывъ „всероссійскаго собора". Почти въ

томъ же направленіи высказались суджанскій комитетъ Курской губ., темниковскій—въ Тамбовской г., новоторжскій—въ Тверской и цѣлый рядъ другихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве рвалъ и металъ. Начались аресты, высылки, обыски и отстраненія отъ должностей. Особенно пострадали представители „третьяго элемента“ въ Полтавской и Нижегородской губерніяхъ.

Какъ разъ въ разгаръ этихъ репрессій обнаружилось, что земская оппозиція съумѣла уже сплотиться и объединиться. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній въ Финляндіи, Петербургѣ и Москвѣ въ теченіи 1902 г., лѣтомъ 1903 г. образованъ былъ „союзъ освобожденія“. Идея его учрежденія оформлена была окончательно на „литературныхъ ужинахъ“, начавшихъ функціонировать съ осени 1902 г. и замѣнявшихъ собою до нѣкоторой степени закрытый въ 1901 г. „союзъ писателей“. Но еще до окончательнаго сформированія „союза освобожденія“, съ іюня 1902 г., въ Штутгардѣ, подъ редакціей П. Б. Струве, начала издаваться газета „Освобожденіе“, посвященная, какъ говорилось въ передовой статьѣ № 1, „великому дѣлу борьбы за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества“. Изъ перваго номера „Освобожденія“ для всѣхъ было ясно, что этотъ органъ является выразителемъ взглядовъ земской партіи. Въ немъ помѣщены были двѣ статьи: „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“ и „Открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей“ не оставлявшія никакого сомнѣнія, что земскіе дѣятели“—и были душой „Освобожденія“. Итакъ, въ тотъ самый моментъ, когда окончательно опредѣлились судьбы массового движенія, когда въ крестьянской и въ рабочей средѣ утвердилась мысль о необходимости сплоченныхъ и организованныхъ выступленій, когда лѣвыя политическія теченія отлились въ форму двухъ большихъ соціалистическихъ партій,—и либеральная оппозиція объединилась въ большой всероссійскій союзъ, на знамени котораго начертаны

были давнишніе лозунги передовыхъ земскихъ общественныхъ круговъ.

Событія направлялись могучимъ потокомъ экономическихъ отношеній. Кризисы, сопровождавшіе промышленные подъемы, разореніе и обнищаніе сельскаго населенія, возростаніе налогового бремени въ связи съ агрессивной внѣшней политикой, полицейскій режимъ въ стѣнахъ высшей школы и цензурныя вакханаліи на столбцахъ повременной печати—все это тѣсно сплеталось другъ съ другомъ и отливалось въ потокъ всеобщаго недовольства, широко захватившаго рѣшительно всѣ слои населенія. Начавшаяся съ января 1904 г. японская война внесла новый элементъ въ оппозиціонное движеніе. Наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, всѣмъ ясно показывали, что режимъ безотвѣтственнаго управленія ставитъ страну на край гибели. Послѣ Мукдена и Цусимы само правительство очевидно сознало, что безъ поддержки живыхъ общественныхъ силъ оно не въ состояніи ликвидировать получившую столь печальный оборотъ войну. Политикѣ безудержныхъ авантюръ долженъ былъ быть положенъ навсегда конецъ. Бюрократическій способъ управленія оказался въ полномъ несоотвѣтствіи съ экономическимъ ростомъ страны. Капитализмъ и самодержавіе стали другъ противъ друга, какъ два заклятыхъ врага, и всѣмъ было ясно, что неограниченная форма правленія неизбѣжно должна уступить мѣсто общественной самодѣятельности. Нельзя было одной рукой насаждать крупную промышленность, а другой разорять сельское хозяйство, немыслимо было одновременно вызывать къ жизни буржуазно-капиталистическій строй и, въ буквальномъ смыслѣ слова, душить органы общественнаго самоуправленія. Подобно тому какъ за 50 лѣтъ передъ тѣмъ вооруженное столкновеніе съ Западной Европой обнаружило всю осталость крѣпостной Россіи и привело къ гражданскимъ реформамъ 60-хъ г.г., такъ неудачная война съ передовой восточно-азіатской державой вскрыла всѣ язвы самодержавно-бюрократиче-

скаго управленія и заставила неограниченную власть пойдти на рядъ политическихъ уступокъ. Въ разгаръ русско-японской войны волна общественной оппозиціи достигаетъ своего аппогея, и чисто революціонныя выступленія начинаютъ давать себя знать на каждомъ шагу.

15 іюля 1904 г. былъ убитъ ненавистный всѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве и вскорѣ его мѣсто занялъ кн. Святополкъ-Мирскій, благожелательно относящійся къ общественной самодѣятельности. Начался періодъ так. наз. „правительственной весны". Въ ноябрѣ 1904 г. въ Петербургѣ, уже съ разрѣшенія правительства, собралось частное совѣщаніе земскихъ дѣятелей, выработавшее свои извѣстныя постановленія. Въ нихъ безповоротно осуждались прежніе способы управленія, ставился ребромъ вопросъ о самыхъ широкихъ политическихъ и гражданско-правовыхъ преобразованіяхъ и въ заключеніе говорилось: „Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, Частное Совѣщаніе выражаетъ надежду, что Верховная Власть, призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа". Въ этихъ словахъ земская Россія прямо и открыто заявила свое мнѣніе. То, что за 10 лѣтъ передъ тѣмъ робкими штрихами набросано было въ адресахъ, представленныхъ Николаю II по поводу его вступленія на престолъ, теперь окончательно отлилось въ форму всеземскаго заявленія. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ произошли, уже извѣстныя намъ, событія 9 января 1905 г. Онѣ оказались чреватыми самыми неожиданными послѣдствіями. Растрѣлы на улицахъ и площадяхъ Петербурга вызвали чуть не повсемѣстно волну забастовокъ и стачекъ: останавливались фабрики и заводы, прекращались занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, началось броженіе среди желѣзно-дорожныхъ слу-

жащихъ, вспыхивали то тамъ, то здѣсь аграрные безпорядки и все это въ разгаръ войны, когда правительство нуждалось и въ средствахъ, и въ предметахъ снаряженія и въ продовольствіи, и въ транспортѣ. 18-го февраля опубликованъ былъ Высочайшій указъ Сенату. Имъ возлагалось на обязанность совѣта министровъ „разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на имя наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія". Въ одновременно съ этимъ обнародованномъ рескриптѣ на имя новаго, назначеннаго въ замѣнъ кн. Святополка-Мирскаго, министра вн. дѣлъ Булыгина уже прямо заявлялось: „Я вознамѣрился отнынѣ съ Божьей помощью привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній". Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ предсѣдательствомъ Булыгина учреждалось особое совѣщаніе по разработкѣ законодательныхъ предположеній о созывѣ представительныхъ учрежденій. Внимательное ознакомленіе съ этими документами убѣждало, однако, каждаго, что объ ограниченіи самодержавія здѣсь нѣтъ ни единаго слова. Представительныя учрежденія должны были быть только съ законосовѣщательными функціями, т. к. въ рескриптѣ стояли между прочимъ слѣдующія знаменательныя слова: „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи".

Въ связи съ этими правительственными актами въ странѣ возникаетъ еще небывалый общественный подъемъ. Выносятся резолюціи и постановленія земскими собраніями, городскими думами, различными профессіональными организаціями, съѣздами учителей, агрономовъ и статистиковъ, Пироговскимъ и др. организаціями. Въ первой половинѣ мая въ Москвѣ положено было основаніе „Союзу союзовъ", объединившему дѣятельность цѣлаго ряда профессіональныхъ интеллигентскихъ

обществъ. Особую интенсивность обнаружили либеральные земскіе и городскіе круги. Какъ наиболѣе съ организованные, они въ теченіе весны и лѣта 1905 г. успѣли созвать четыре общихъ земскихъ и земско-городскихъ съѣзда. Февральское совѣщаніе земскихъ дѣятелей высказалось за организацію народнаго представительства на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Оно выдвинуло также на разрѣшеніе аграрный и крестьянскій вопросы въ виду начавшихся повсемѣстно волненій среди сельскаго населенія. Апрѣльскій земскій съѣздъ въ Москвѣ, уже выборный, развилъ и закрѣпилъ положенія, разработанныя на февральскомъ совѣщаніи. Майскій съѣздъ, происходившій уже подъ впечатлѣніемъ грандіознаго цусимскаго разгрома, закончился выработкой конституціоннаго адреса и избраніемъ депутаціи для представленія этого адреса государю. Въ адресѣ, составленномъ отъ имени земской и городской Россіи, между прочимъ говорилось: „Государь! преступнымъ небреженіемъ и злоупотребленіемъ Вашихъ совѣтниковъ Россія ввергнута въ гибельную войну, наша армія не могла одолѣть врага, нашъ флотъ уничтоженъ и грознѣе опасности внѣшней разгорается внутренняя усобица“... „Вы положили созвать народныхъ представителей для совмѣстнаго съ Вами строительства земли, и воля Ваша осталась безъ исполненія донынѣ, несмотря на все грозное величіе совершающихся событій“. Въ заключительной части этого знаменательнаго историческаго документа съѣздъ настаивалъ на немедленномъ созывѣ народныхъ представителей съ самой широкой компетенціей: „Государь! Пока не поздно для спасенія Россіи, во утвержденіе порядка и мира внутренняго, повелите безъ замедленія созвать народныхъ представителей, избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными Вашими. Пусть рѣшатъ они въ согласіи съ Вами жизненный вопросъ государства, вопросъ о войнѣ и мирѣ, пусть опредѣлятъ они условія мира или, отвергнувъ его, превратятъ эту войну въ войну

народную. Пусть явятъ они всѣмъ народомъ Россію не раздѣленную болѣе, не изнемогающую во внутренней борьбѣ, а исцѣленную, могущественную въ своемъ возрожденіи и сплотившуюся вокругъ единаго стяга народнаго“. Правительство, оказавшееся въ это время въ такомъ трудномъ, почти безвыходномъ положеніи, вынуждено было согласиться на пріемъ депутацій, во главѣ которой поставленъ былъ проф. Московскаго университета, а позднѣе его первый избранный ректоръ кн. С. Н. Трубецкой. Въ своей рѣчи, обращенной къ Николаю II отъ имени депутаціи, на пріемѣ въ Петергофскомъ дворцѣ 6-го іюня, кн. Трубецкой между прочимъ сказалъ: „Собраніе выборныхъ представителей не можетъ быть заплатой на старой системѣ бюрократическихъ учрежденій. А для этого оно должно быть поставлено самостоятельно, и между нимъ и Вами не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи“. Заключительныя слова этой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ рѣчи: „Государь, на довѣріи должно созидаться обновленіе Россіи“, прокладывали, казалось, широкій мостъ взаимнаго пониманія между царемъ и передовыми кругами либеральной общественной мысли. Казалось, что правительству оставалось лишь одно: призвать умѣренно-либеральную оппозицію и опереться на нее въ дѣлѣ государственнаго строительства. Однако правительство скоро нашло себѣ другую опору въ лицѣ консервативныхъ дворянскихъ круговъ и иныхъ темныхъ группъ населенія. 21 іюня была принята въ томъ же дворцѣ и съ тѣмъ же милостивымъ вниманіемъ депутація „русскихъ людей“ отъ „всѣхъ званій и состояній“, которая устами своихъ лидеровъ—гр. Бобринскаго, гр. Шереметьева и др., протестовала противъ надвигающейся на Россію либеральной опасности и высказалась противъ „сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія“. Ясно было, что либеральная оппозиція должна рѣзко порвать съ правительственными верхами.

События между тѣмъ шли все болѣе революціоннымъ темпомъ: замѣчалось уже броженіе въ войскахъ, вспыхнуло возстаніе на одномъ изъ самыхъ большихъ линейныхъ кораблей черноморскаго флота броненосцѣ „Потемкинъ", забастовочное и аграрное движеніе не стихали, а въ разночинной интеллигенціи все сильнѣе создавались новыя профессіональныя и политическія группировки. Собравшееся въ Москвѣ 6—8 іюля совѣщаніе городскихъ и земскихъ дѣятелей постановило „признать неотложнымъ—войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы, для завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ выпустилъ отъ своего имени обращеніе къ народу, въ которомъ народныя массы призывались къ объединенію для борьбы за истинное народное представительство на основѣ всеобщей подачи голосовъ. 6-го августа, послѣ извѣстныхъ петергофскихъ совѣщаній подъ предсѣдательствомъ Николая II-го, опубликовано было положеніе о законосовѣщательной или, какъ ее прозвали, Булыгинской, Государственной Думѣ. Этотъ законъ уже никого не удовлетворилъ. Жизнь слишкомъ его опередила, особенно съ того момента какъ лѣвое крыло земской оппозиціи на іюльскомъ съѣздѣ связало себя прочными нитями съ революціоннымъ движеніемъ разночинныхъ пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ. Въ обществѣ уже извѣстенъ былъ проэктъ конституціи, составленный лѣвыми, либерально-демократическими земскими и городскими элементами. Десятками и сотнями митинговъ и банкетовъ выносились резолюціи, которыми все болѣе объединялось и радикализировалось оппозиціонное настроеніе въ странѣ. Одновременно противъ дѣятелей земскихъ и городскихъ съѣздовъ и членовъ „Союза союзовъ" начинаютъ предприниматься правительствомъ репрессивныя мѣры. Въ сентябрѣ устроенъ былъ послѣдній съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, на которомъ, собственно говоря, уже намѣ-

чалась программа конституціонно-демократической партіи. На этомъ съѣздѣ рѣшено было въ „Булыгинскую" думу идти и настаивать въ ней, какъ на реформѣ самой думы, такъ и на обезпеченіи основныхъ правъ гражданина. Однако, жизнь быстро перевернула всѣ эти планы и намѣренія. Послѣ заключенія Портсмутскаго мира, закончившаго столь неудачную для Россіи японскую войну, недовольство, какъ извѣстно, довольно быстро отлилось въ форму октябрьской всеобщей политической забастовки. Либеральная оппозиція въ союзѣ съ лѣвыми радикальными и соціалистическими теченіями принимала непосредственное участіе въ этомъ революціонномъ выступленіи. Благодаря этому единенію и сплоченію общественныхъ силъ, штурмъ самодержавно - бюрократической цитадели увѣнчался полнымъ успѣхомъ. 17-го октября 1905 г. изъ рукъ правительства былъ вырванъ манифестъ, отвѣчавшій, въ общемъ, своимъ содержаніемъ требованіямъ широкихъ массъ населенія. Въ немъ тотъ самый Николай II, который за 10 лѣтъ передъ тѣмъ въ своей январской рѣчи 1895 г. назвалъ „безсмысленными мечтаніями" пожеланія представителей земствъ объ участіи выборныхъ людей въ дѣлахъ внутренняго управленія, торжественно и всенародно обѣщалъ: 1) даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ; 2) привлечь теперь же къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ и 3) установить, какъ незыблимое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобъ выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ насъ властей". Мечта многихъ поколѣній русскихъ гражданъ превратилась въ реальный фактъ. Россія получала народное представительство чуть ли не со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, въ ней устанавливались „незы-

блемыя основы гражданской свободы“, и Государственная Дума, уже съ законодательными функціями, получала право контроля надъ дѣятельностью администраціи. Однако этотъ фактъ снова сталъ мечтою, благодаря тому, что единство революціоннаго фронта было быстро нарушено. Въ могучей своей сплоченностью народной оппозиціи зазвучали голоса классовой розни и партійной односторонности. Въ этой разноголосицѣ и погибли завоеванія первой русской революціи 1905 г.

Вслѣдъ за октябрскими днями наступили съ одной стороны черносотенные погромы, съ другой—отдѣльныя разрозненныя вооруженныя возстанія. Послѣ того какъ петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ, ставъ на узко классовую позицію порвалъ съ либерально демократическими общественными теченіями, правительство еще болѣе осмѣлѣло и арестовало всѣхъ членовъ совѣта. Вторая декабрская всеобщая забастовка не удалась, а вооруженное возстаніе въ Москвѣ въ исходѣ 1905 г. только окончательно дискредитировало дѣло революціи. Господами положенія оказались такіе лица какъ Дурново, Дубасовъ, Минъ, и Ренненкампфъ, а средствами коренного обновленія русскаго государственнаго строя сдѣлались карательныя экспедиціи и военно-полевые суды. Реакція повсюду торжествовала побѣду. Въ такой то моментъ срокъ созыва Государ. Думы объявленъ былъ на 27 апрѣля 1906 г. Соціалистическія партіи, какъ извѣстно, рѣшили Думу бойкотировать, настаивая на созывѣ Учредительнаго Собранія. Но радикальные и либеральные круги приняли самое энергичное участіе въ выборахъ. Позднѣе, чуть ли не наканунѣ уже созыва первой Думы, соціалисты сознали свою ошибку. Въ избирательной компаніи передъ второй Государственной Думой они уже открыто принимали участіе. Дѣятельность первыхъ двухъ Государ. Думъ, и „думы народныхъ надеждъ“, и „думы народнаго гнѣва“—у всѣхъ насъ въ памяти. Памятны намъ всѣмъ и роспускъ первой Думы, и выборгское воззваніе и процессъ надъ первоизбранниками русской

земли, и разгонъ второй Думы, закончившійся каторжными работами для членовъ ея с.-д. фракціи, и государственнымъ переворотомъ 3 іюня. Помнимъ мы и Столыпинскую аграрную реформу съ его ставкой насильныхъ, и его законопослушную третью по счету Государств. Думу съ высокоцензовымъ представительствомъ. Не забудемъ мы, наконецъ, никогда и самонадѣяннаго заявленія съ думской трибуны министра внутр. дѣлъ Макарова послѣ ленскаго разстрѣла: „такъ было, такъ будетъ“. Бюрократія, закусивъ удила, старалась ссылками и казнями, арестами и увольненіями подавить все радикальное и либеральное въ русской общественности. А надъ всѣмъ этимъ царила петергофская и царскосельская дворцовая камарилья съ всевластнымъ старцемъ Распутинымъ во главѣ.

Но часъ возмездія наконецъ пробилъ. Надъ изстрадавшейся и измученной русской землею взошло наконецъ солнце политической свободы. Къ старому возврата нѣтъ, и быть не должно. Такъ было, но такъ больше никогда не будетъ. Однако уроки исторіи слѣдуетъ помнить всегда. Единство—залогъ успѣха, разъединеніе несетъ гибель свободѣ. Пусть же великая революція 1917 г. не повторитъ ошибокъ своей предшественницы—первой русской революціи 1905 г. Мы всѣ теперь, господа, свободные каменьщики, рабочіе громадной строительной мастерской. Будемъ дружно трудиться не покладая рукъ, будемъ готовить и свозить въ надлежащее мѣсто необходимый для постройки матеріалъ. А когда придетъ великій зодчій русской жизни—наше учредительное собраніе—то имъ будетъ составленъ и продуманъ во всѣхъ деталяхъ грандіозный планъ колоссальнаго дворца русской свободы. Пусть же этотъ дворецъ будетъ прочнымъ, свѣтлымъ и красивымъ, пусть стоитъ онъ во вѣки вѣковъ нерушимымъ на твердомъ гранитномъ основаніи, и пусть поселится въ немъ русскій народъ, свободный и культурный, сильный своимъ моральнымъ единствомъ, экономической и политической независимостью.

Стоя теперь на перевалѣ русской жизни, мы можемъ, окидывая мысленнымъ взоромъ пройденный тяжелый и тернистый путь, обратиться со словомъ пламенной признательности къ тѣмъ, кто впервые, сто лѣтъ тому назадъ, бросилъ искру революціи въ широкія народныя массы и подвести итогъ освободительному движенію въ Россіи ихъ же собственными, лишь слегка видоизмѣненными словами.

„Да, скорбный трудъ вашъ не пропалъ,
„Изъ искры возгорѣлось пламя,
„И просвѣщенный нашъ народъ
„Собрался подъ святое знамя“.

Цѣна 3 р. 50 к.

